

[Polaris]

Я. ЛОВИЧ

ЧТО ЖДЕТ РОССИЮ

Том 2

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCLXXV

Salamandra P.V.V.

**Яков
ЛОВИЧ**

ЧТО ЖДЕТ РОССИЮ

Роман

Том II

Salamandra P.V.V.

Лович (Лович-Дейч) Я. Л.

Что ждет Россию: Роман. Том II. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 172 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCLXXV).

«Перед нами удивительно продуманная, тонкая, могущественная пропагандная организация, опутавшая весь мир клейкой паутиной. В пропаганде большевики идеальны. Они разбросали по всей Европе и другим частям света шпионов, агитаторов, тысячи агентов; они скупают и подкупают газеты, книгоиздательства и т.д.; они открыто и тайно ведут агитацию, выпускают брошюры, книги, создают общественное мнение, заполняют прессу ложными сообщениями. Они умело пользуются религиозными и национальными распрями, расовой ненавистью, возмущениями на политической и экономической почве».

Но одной пропаганды недостаточно — и в недрах ГПУ и Коминтерна зарождается план грандиозной провокации. Убийства политических противников призваны расчистить путь к покорению Европы. И вот уже Красная Армия марширует по Парижу...

Фантастический роман известного беллетриста «русского Китая» Я. Ловича «Что ждет Россию» (1932) продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций фантастических и приключенческих произведений писателей русской эмиграции.

Я.ЛОВВИЧ

РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РУНОР

1932 г.

**ЧТО
ЖДЕТ РОССИЮ**

Часть вторая

КРАСНЫЙ ПОТОП

Глава 29

УДАР В ВОЗДУХЕ

Приблизительно через неделю после великого германского военного совещания, около города Нейзальца (в Силезии) произошло событие, приведшее к очень серьезным последствиям.

К вокзалу Нейзальца, около 12 часов ночи, подошел пассажирский поезд из Бреславля. В составе этого поезда был вагон, занятый французским генералом Лероном, председателем одной из междусоюзных контрольных комиссий в Германии. Он возвращался с докладом в Париж в сопровождении 10 французских солдат и офицера, лейтенанта Беллода. Когда поезд остановился, вагон генерала Лерона, шедший последним, был окружен группой вооруженных людей, которые начали бросать в окна вагона ручные бомбы. Взрывами этих бомб все находившиеся в вагоне французы были разорваны буквально в клочки. Все это заняло не больше двух-трех минут и, прежде чем станционные служащие могли что-нибудь предпринять, террористы скрылись.

Событие это произвело страшный взрыв негодования во Франции. Это было неслыханное оскорбление, наглый вызов. Шовинистическая печать требовала, чтобы французские войска снова заняли Рур и примерно наказали «этих грязных бошей». Опираясь на общественное мнение, премьер-министр добился санкции для агрессивной политики по отношению к Германии. Была создана франко-германская комиссия для расследования убийства Лерона и наказания виновных в этом преступлении.

Поляки, опираясь на инструкции из Парижа, двинулись по течению Одера к Бреславлю. Однако, польский отряд генерала Жуковича неожиданно наткнулся на сильное сопротивление каких-то таинственных войск, которые засыпали поляков артиллерийскими снарядами. В двухчасовом бою Жукович был разбит наголову и бежал. В докладе польско-

му генеральному штабу Жукович заявил, что он встретил несомненно регулярные войска, которые вели правильный полевой бой. Войска эти были прекрасно дисциплинированы, одеты и вооружены.

Польское командование, встревоженное сообщением Жуковича, запросило по этому вопросу французское и германское правительства. Французы предложили начать правильное наступление на Силезию, а берлинское правительство ответило, что генерал Шварц, командующий германскими войсками в Силезии, открыто заявил о своем нежелании подчиняться правительству. Тогда польские войска снова перешли в наступление. Германские войска начали медленно отходить на северо-запад, увлекая за собой поляков.

Заманить поляков подальше от советско-польской границы, отвлечь их внимание от востока — таков был план немцев. И этот план блестяще осуществился. Никто не думал, что на востоке нависла грозная туча, никто не думал и не верил, что СССР осмелится пойти ва-банк и броситься на Европу... Но последующие события молниеносно изменили это мнение.

Польский генеральный штаб неожиданно получил из Вильны тревожную телеграмму, в которой говорилось, что на польско-советской границе сосредоточиваются крупные красные отряды. Сообщалось, что перегруппировка советских войск была замечена давно, но ей не придавали особого значения, так как были получены ложные сведения о численности красных. Теперь, по показаниям шпионов, эта численность определялась в огромных цифрах. Говорили даже, что будто бы к Минску подвозят сотни тысяч красных солдат. Еще более тревожные сведения были получены из Луцка.

Но прежде, чем польский штаб успел принять какие-либо меры, страшный удар был нанесен.

Советские войска перешли границу и вторглись в Польшу.

Они быстро смели пограничные польские отряды и, заняв на севере Вильно, а на юге Луцк, двинулись на линию Гродно-Слоним и Люблин-Львов. Наступление велось сти-

хийно, стремительно. Никакие силы не могли остановить этого бешеного натиска. Советские войска оказались прекрасно вооруженными, экипированными и снабженными всеми достижениями техники. Над войсками носились тучи аэропланов, сопровождая каждое движение армии. Впереди шли цепи усовершенствованных танков, сметая на своем пути все заграждения. В бою под Кременцем погиб польский отряд, задушенный невиданным еще по силе газом. Грозная страшная лавина шла с востока.

Польский генеральный штаб начал быструю переправу войск навстречу этому нашествию. Была объявлена поголовная мобилизация мужского населения.

Наступление поляков в Силезии остановилось. Под давлением генерала Шварца поляки отошли к своей границе.

* * *

Известие об этих событиях всполошило Францию, которая усмотрела в них явную связь с какой-то таинственной работой в Германии. Французские шпионы доносили, что по германским железным дорогам происходит усиленное движение, причем оно имеет вполне планомерный, организованный характер. Перевозятся какие-то тщательно упакованные грузы и масса людей призывного возраста.

В Женеве был экстренно созван Совет Лиги Наций. Состоялось четыре заседания, организовали три подкомиссии для изучения угрозы с Востока, вынесли две резолюции по текущему моменту, произнесли двадцать три речи и послали специальное обращение к Германии. Но это, конечно, не помогло. Заседания стали расстраиваться, когда часть делегатов, подлежащих призыву в войска, была вызвана правительствами своих стран. А передвижение германских войск все продолжалось... Французское правительство послало в Берлин ноту, в которой запрашивало объяснений. Пять французских дивизий получили приказ выступить на Рейн.

Ответ германского правительства на французский запрос был дан немедленно. Страшный, кровавый ответ...

* * *

— Если Англия — хозяйка моря, то хозяйкой воздуха будет Франция!

Такова была гордая историческая фраза французского генерала Серриньи, произнесенная вскоре после Великой войны.

И к этому хозяйничанию в воздухе и были направлены все помыслы Франции. С необыкновенной энергией приступила эта талантливая страна к выполнению огромной воздушной строительной программы. Основная идея этих приготовлений сводилась к тому, чтобы иметь возможность в любую минуту воздействовать на любое государство путем грандиозного налета на вражескую территорию. Тот же генерал Серриньи так определил эту идею:

— Если нападающему, путем военной хитрости, удастся нанести решающий удар нации прежде, чем уничтожены ее войска, то тем самым наносится удар и войскам и они обращаются в бегство.

По мысли генерала Серриньи, тучи французских аэропланов, разделенных на несколько отрядов, должны, в случае надобности, совершить грандиозный налет на вражескую территорию и предать все уничтожению с помощью бомб и газов: неприятельские города, базы, склады, фабрики, аэродромы, железнодорожные мосты и т.п. С помощью нескольких тысяч аэропланов предполагалось надолго вывести из строя вражескую страну или, во всяком случае, помешать правильной мобилизации — военной и промышленной. На свою авиацию Франция возлагала главную надежду в возможной войне с Германией. Но... случилось неожиданное.

Вот как описал все это корреспондент американской газеты, который был свидетелем события:

«ПАРИЖ. *От собственного корреспондента.* Во вторник я должен был вылететь по делам своей газеты в Лондон. Почтовый аэроплан отбывал с аэродрома Ле Бурже в 9 часов утра. Я сел в такси в самом центре около Банка де Франс — и приказал везти себя в Ле Бурже. Париж жил своей обычной жизнью и ничто не предвещало того ужаса, который столице мира пришлось испытать менее, чем через час.

Про дороге, около Северного вокзала, я увидел переходящего улицу капитана Анри Бюа — офицера генерального штаба. С этим симпатичным парнем меня связал год веселой жизни в Париже. Говорили, что этот молодой офицер — будущий военный авторитет. Я могу добавить, что свои военные таланты он искусно сочетал с умением покутить и повеселиться. Эта неожиданная встреча была приятным сюрпризом. Я остановил машину: мне хотелось попрощаться с милым Анри.

— Алло, Анри!

Он радостно улыбнулся и подошел к машине.

— Я лечу в Лондон. — сказал я.

— Вот как! — показал свои белые зубы Анри. — Вы покидаете Париж в интересный момент.

— Что вы хотите этим сказать? Неужели эти мелкие стычки на польской границе угрожают европейскому миру?

— Мелкие стычки! — воскликнул Анри. — Мелкие стычки! Дорогой мой, это не мелкие стычки, а генеральное наступление красной армии! Война началась. Новая европейская война!

— А Германия? — спросил я, мгновенно убежденный серьезным тоном Анри.

— Германия? — повторил он и усмехнулся, словно не желая отвечать на такой наивный вопрос.

Затем показал пальцем на афишу, около которой гудела толпа.

— Мобилизация! — сказал Бюа и его глаза радостно сверкнули. — Мобилизация — и марш на Рейн! Теперь мы их раздавим навсегда!

Я привел эту короткую беседу для того, чтобы показать, как неожиданно даже для французского генерального штаба было то, что произошло в этот день. Французы чувствовали, что война уже готова разразиться, но, по-видимому, не ждали, что, вопреки вековой практике, она начнется так стихийно и даже без традиционного объявления о начале враждебных действий.

Когда я вылез около бесчисленных ангаров и строений Ле Бурже, я был поражен странным смятением, которое царило там. Масса солдат бегала по гигантскому полю и суетливо выводила аэропланы из ангаров. Какая-то растерянность, почти паника, чувствовалась во всем. Аэродром был похож на чем-то растревоженный муравейник. Я заметил, что по углам поля вдруг вытянули тонкие дула к небу противоаэропланные орудия.

— Что такое? — спросил еще не уехавший шофер моего такси. Он обращался к пробегавшему мимо солдату авиабазы.

— С границы сообщили, — сказал солдат, — что туча чьих-то аэропланов летит на запад. Они сейчас уже будут здесь. Слышите?

Я посмотрел на небо. Голубое, чистое, нежное, оно не предвещало никакой беды — и лишь какой-то странный, неопределенный гул — словно далекое жужжание миллионов разъяренных шмелей — вдруг стало проникать в сознание холодным ужасом.

— Вот... вот! — крикнул шофер и мертвенно побледнел, выпучив глаза.

Я посмотрел в ту сторону, куда он показывал. С востока, от горизонта, неслись на нас темные точки, увеличиваясь в размерах с поразительной быстротой. Даже моему неопытному глазу был понятен боевой порядок этих воздушных корсаров. Впереди, по бокам и сверху — на высоте 6.000 метров — неслись одноместные и двухместные истребители. Защищенные ими, летели компактной массой огромные бомбовозы. Сколько всего было аэропланов? Не знаю. От ужаса я растерялся... может быть, 200... может быть, 300.

— Бежать! — крикнул трясущимися губами шофер, заводя машину.

Я понял его мысль. Это были враги Франции — немцы... может быть, большевики. Их целью, конечно, было Ле Бурже — воздушная гавань Франции. Следовательно, сейчас все эти огромные строения разлетятся в одно мгновение. Я вскочил в машину и мы помчались от обреченного места. Со страшным гулом, все более снижаясь, над нами пронеслись десятки аэропланов. Впереди, на нашем пути, был железнодорожный мост — при скрещении двух путей. Бомбовозы, несомненно, хотели взорвать этот мост. Боже мой! А мы летели к нему полным ходом...

— Стой! — заревел я на шофера, а когда он, испуганно оглянувшись на меня, продолжал гнать машину, я ударил его по шее и заставил остановиться.

Мы выскочили из машины и легли на землю. Почти одновременно впереди вдруг вырос гигантский столб дыма. Страшный грохот отряс все мое существо. Я пополз в придорожную канаву. Этот взрыв был точно прелюдией к дальнейшей драме. Загрохотало небо и земля — и белые, нежные облака исчезли за бурым дымом, столбами пыли и летящей во все стороны землей. Невыносимый, режущий, разрывающий уши гул сотен моторов царил над всем, и на этом фоне через каждые две-три секунды что-то рвали, комкали, крошили, стирали с лица земли огненные взрывы. Почернело небо, стало темно. Кровавые блики многочисленных пожаров, гул взрывов, гудение пропеллеров, скорострельная трескотня зенитных орудий — все слилось в один непередаваемый ужас. Это длилось десять минут — и аэроэскадра вдруг улетела на юго-восток.

Всего десять минут! Но когда я поднялся с земли — оглушенный, обожженный, почти обезумевший от этого ада — я не нашел Ле Бурже. Пылающие обломки, скелеты многочисленных аэропланов, бесформенные груды железных стропил, балок, столбов и вспаханное воронками поле, усеянное сотнями изуродованных трупов, было на том месте, где еще десять минут тому назад красовалась гордость Франции — ее лучшая авиабаза Ле Бурже...»

Глава 30

УДАР НА МОРЕ

Так рассказывал американец о величайшей трагедии Франции. Но погибло не только Ле Бурже. Одновременно с ним, в тот же день и почти в тот же час, были внезапным налетом уничтожены или повреждены и другие французские авиабазы: Лионвилль, Страсбург, Шатору, Тур, Дижон, Эпинваль.

Около Дижона произошла гигантская воздушная битва, в которой погибли почти все атакующие и защитники.

Таинственные взрывы произошли и на заводах — аэроплановых и моторных. В среде рабочих нашлись агенты неприятеля — коммунисты. Были сильно повреждены заводы Бреге, Ньюпор, Лиоре, Испано-Сюиза, Пежо и Рено.

Таким образом, французское военное могущество было сильно подорвано. 10 авиаотрядов из 3,000 германских и советских аэропланов своим внезапным, грандиозным и необыкновенно организованным налетом нанесли страшный удар Франции. Больше половины ее воздушных сил было уничтожено. Таков был неожиданный и кровавый ответ германского правительства на грозную ноту Франции.

* * *

В конце той же недели еще одно происшествие — на этот раз в Средиземном море — потрясло французское военное командование.

Полковник Гренье, свидетель этого происшествия, напечатал в «Матен» следующее показание:

«Четыре дни тому назад, на рассвете, я выехал с полком алжирских стрелков из Бизерты, направляясь в Марсель. Для перевозки войск был предназначен пароход, реквизированный у морской компании “Мессежери Маритим”.

По приказу из Бизерты, наш пароход должен был зайти в Бону и взять две полевых батареи, которые предназначались на фронт.

Около 6 ч. утра, когда пароход поравнялся с мысом Негро, окутанным легким туманом, ужасный удар потряс судно. Послышались отчаянные крики, какой-то грохот, беготня... Наш гигант заметно накренился набок. Мы тонули... Полуодетый, я выскочил на палубу, захватив с собой спасательный пояс. На пароходе царила паника. Черные стрелки, с ужасом на бронзовых лицах, носились по палубе, причитая и взывая к своим богам. Офицеры тщетно старались восстановить дисциплину. Около одного из бортов шла кровавая схватка из-за лодки. Стреляли из револьверов, кололи друг друга штыками. Несколько трупов лежали на палубе...

Я схватил пробежавшего мимо стюарда за рукав и спросил:

— Что происходит? Мы тонем?

— Да... — пробормотал он. — Мы наскочили на мину... Мы тонем!

— Какая мина, черт вас возьми?! — невольно вырвалось у меня. — Откуда теперь мины? Что вы сеете панику, дурак?

Стюард вырвался и побежал дальше. Пароход все больше кренился набок. Шум вливающейся в трюм воды — гул грозного водопада — заглушал все остальные звуки. Ко мне подбежал один из алжирских офицеров и взволнованным голосом стал уговаривать сесть в лодку. Он потащил меня почти силой к борту, где матросы суетились около шлюпки. Через несколько минут набитая людьми лодка отошла от тонущего судна. Оно все более и более погружалось в воду, причем корма его стала подниматься вверх. Еще минута — и огромный корпус парохода, став перпендикулярно к поверхности воды, стремительно ушел в бездну. Общий крик ужаса раздался на шлюпке... На поверхности воды носились три шлюпки — вес, что осталось от огромного парохода и полка алжирских стрелков...

Вдали туманным облаком высился материк Африки. Мы

направили шлюпки к берегу. И вот здесь случилось самое поразительное... заставившее всех нас похолодеть от ужаса...

Неожиданно на поверхности воды, в полуверсте от нас, показалась какая-то длинная, сероватая полоса. Полоса расширялась, поднималась из воды и, наконец, приняла вид блестящей длинной площадки с башней посередине.

— Подводная лодка! — крикнул кто-то из нас.

Да... это была подводная лодка... это был неизвестный, таинственный враг... Не обращая на нас внимания, лодка быстро пошла к северу и скоро скрылась в волнах.

Мы подошли к берегу».

Если этот рассказ еще оставлял сомнение в национальности врага, то последующие события открыли его инкогнито. Вскоре после описанной трагедии, в один и тот же день были произведены нападения на военные суда и транспорты французов в *четырнадцати* местах северного побережья Африки — от Капабланки до Туниса. В одиннадцати случаях атаки увенчались успехом: погибли три миноносца и восемь транспортеров с войсками. Две лодки действовали открыто, на поверхности воды, обстреливая свои жертвы из орудий.

На одной развевался германский флаг, а на другой — советский.

Стомиллионная франко-африканская империя оказалась перед лицом грозной опасности, перед лицом гибели и распада!

* * *

— По последним сведениям, — говорил Зибер, — наши войска начали наступление блестяще. Пока движение идет с абсолютной правильностью. Первый крупный бой, по сообщениям генерального штаба СССР, закончился нашей победой и разгромом поляков.

— Вы знаете мою точку зрения, — горячо ответил Лозин. — Я не верю в боеспособность вашей армии. Рано иди поздно, но она нарвется на сильное сопротивление и будет раздавлена. Я от души желаю полякам разбить вашу Красную Армию.

— В вас, Лозин, как всегда, — чувство говорит сильнее разума, — сказал Зибер. — Вы ненавидите большевиков и не хотите считаться с тем, что наш план завоевания Европы построен на разумных основаниях. Скажите, в чем мы ошиблись? Мы хотели уничтожить вредных для нас западноевропейских вождей, — мы их уничтожили. Посмотрите, что из этого вышло. Англия накануне восстания рабочего класса: это восстание начнется по нашему сигналу. Во Франции, в связи с наступлением германской армии, царит полнейшая растерянность: этого бешеного нападения никак не ожидали. Известие, что Красная Армия идет рука об руку с германцами, вселила неуверенность среди рабочего класса. Былого воодушевления 1914-1918 гг. нет: французы растерялись. Они, несомненно, окажут храброе сопротивление, но это поведет лишь к большему кровопролитию. Наши красные армии, вопреки вашему, Лозин, мрачному пессимизму, могущественны и раздавят Польшу. Мы получили сведения, что часть польской армии в первом же бою сложила оружие перед рабоче-крестьянскими войсками страны свободы.

— Страны свободы! — вскричал с горечью Лозин. — Россия — свободная страна! Не будьте циником, Зибер! Вы умный человек и видите, какая это свобода...

— Не будем спорить, — ответил Зибер. — Мы люди разных полюсов. Впрочем, если хотите, я сделаю уступку: не свободная Россия, а Россия, скованная во имя свободы...

Оба помолчали. Лозин, заложив руки в карманы, ходил и смотрел в окна на оживленную Арбатскую площадь. Зибер сидел в кресле и рассеянно перелистывал какой-то альбом.

— Я хотел поговорить с вами по одному вопросу, — прервал молчание Зибер. — Прошлый раз вы говорили, что вас тяготит жизнь в Москве, в этом, по вашему выражению,

«разбойничьем вертепе». Вы, сознаваясь в вашем полном бессилии сделать что-нибудь, чтобы предотвратить нашествие большевиков на Европу, выражали отчаяние, что приходится жить на мои средства — средства большевика — и пользоваться моим покровительством. Вы знаете, что это покровительство вам и вашей жене я оказываю вполне искренне. Здесь нет красивого жеста: не думайте, что я хочу разыграть благородную роль рыцаря, ухаживающего за побежденным врагом. Просто я вас люблю: вы славный парень. Жаль только, что ваши убеждения допотопны. Если бы вы их переменили, — из вас вышел бы хороший работник на пролетарской ниве. Ну, не хмурьтесь: я знаю, что ваши заблуждения крепки. Это мне очень досадно, зато я начинаю все больше и больше уважать вас. Оставим это: вы знаете, что я давно бросил искушать вас. Перейдем к делу... Вы хотите покинуть СССР? Хорошо: нет ничего легче. Я получил предписание ехать на фронт. Как знающий немецкий язык, я назначен заведующим административной связью с германским командованием. Через несколько дней я выезжаю в Гродно. Если хотите, — поезжайте со мной в качестве моего секретаря. Вы всегда сумеете найти себе работу в Германии. Должность секретаря будет, конечно, фиктивная: вы покинете меня сразу по вступлении армии в Германию и можете делать, что хотите. Я это устрою. Кроме того, если вы не побрезгуете еще раз принять услугу... большевика, я использую некоторые связи в Берлине и помогу вам устроиться. Вашу жену можно зачислить в мой отдел машинисткой.

Глава 31

СТАВКА ЗИБЕРА

— Как вы находите мой план? — спросил Зибер.

— Я согласен, — ответил Лозин, — и, мало того, я вас не

покину в Германии и поеду туда, куда двинутся красные войска. Вы удивлены? Вы этого не ожидали? А знаете, чем диктуется это мое новое решение? Тем, что я убежден в гибели вашего плана, убежден, что этот ваш поход приведет вас к пропасти, в которую вы рухнете со всеми вашими проектами, учениями, планами и провокациями... Я не знаю, в чем я черпаю это убеждение, у меня нет веских данных. Но я верю... верю в это!... Неужели вы думаете, что та же Германия, заключившая сейчас такой противоестественный союз с вами, будет идти с вами и дальше, после победы над Францией? Неужели вы думаете, что здравомыслящий германский народ пойдет за вашими безумными, утопичными идеями? Неужели вы думаете, что буржуазная германская империя потерпит рядом с собой существование другой страны, другого мира, столь различного по своим идеям, задачам и конструкции власти, что он представляет естественную и постоянную угрозу не только спокойствию, но и самому существованию Германии? Нет, Зибер! Германия вас раздавит — раздавит тогда, когда она вас использует до конца и когда ей будет нужна не красная Россия, а Россия национальная. А внутри России? Разве мало здесь горючего материала? Разве смерть миллионов людей от голода, холода, ваших расправ — не создала ненависти к вам и жажды вашей гибели? Разве в этой смерти миллионов вы не повинны? Разве океан ненависти не поднимется и не затопит вас в то время, когда ваши оплот и сила — красные армии — будут вдали от Москвы, в чужих краях? Ваша гибель явится со всех сторон и в один момент сотрет вас с лица земли. Я верю в это, горячо верю, я убежден в этом! Помните, Зибер, ваша гибель близка, она около вас, она сторожит вас на каждом шагу, она настигнет вас и раздавит тогда, когда вы будете на вершине могущества...

— И вот, — продолжал Лозин, — эту гибель ваших планов, это торжество тех начал, к которым стремится моя душа, — я и хочу видеть... Я поеду с вами, я взберусь с вами на вершину вашего могущества, я увижу ваш успех... и гибель. Я не знаю, какими побуждениями вы руководитесь, охраняя меня от всех опасностей, меня — вашего пусть сла-

бовольного, но все же врага. Но я хочу до конца использовать ваше покровительство. Возьмите меня с собой, сделайте так, чтобы, не помогая вам, я смог быть свидетелем великих событий и возрождения моей родины. Я чувствую, что моя душа подсказывает мне, что спасение России начнется оттуда, где хотите найти спасение и вы — с Запада. Вы идете на Запад, но там — ваша гибель.

— Хорошо! — весело, возбужденно воскликнул Зибер. — Вы хотите видеть нашу гибель? Надеюсь, что мы не доставим вам этого удовольствия! Вы бросаете мне вызов — я принимаю его! Мы держим пари: вы за нашу гибель, я — за наше конечное и полное торжество. Что будет ставками? Поставите ли вы на карту свои убеждения? Перейдете ли вы в нашу... веру, если выиграю я?

— Если я увижу, что вы принесете миру действительное, а не «декретное» счастье, если я увижу, что вы сумеете прекрасную идею коммунизма осуществить на деле — не кровью и грабежами, а миром и согласием всего человечества, и если во главе этого нового мира станут не воры и убийцы, а выборные, честные и мудрые люди — я переменею свои убеждения... Какова же будет ваша ставка, Зибер? Чем будете платить вы, если выиграю я?

— Моя ставка — моя жизнь, — спокойно ответил Зибер. — Моя жизнь отдана тому делу, которому я служу и, если это дело закончится гибелью, — я не могу жить... Я уже стар, чтобы начинать борьбу снова; но, чтобы уйти от крушения своих планов и надежд, — у меня еще хватит силы воли... Вот моя ставка...

* * *

Вера поправлялась медленно. Потрясение, вызванное смертью Малявина и таким неожиданным и страшным разоблачением Зибера, оставило неизгладимый след. Лозин видел теперь перед собой разочарованную, познавшую жизнь и страдание женщину... Холодом и отчаянием повеяло от

ее первых же слов после выздоровления. И Лозин жадно прислушивался к ним и тревожно думал: «Какому богу она молится теперь? Кто и что теперь займет место в ее душе?» Он не был уверен в этом, но думал, что простил ей все. Ни слова, ни намек не было с его стороны о том, что произошло в Париже — словно Зибер никогда не вторгнулся в их жизнь.

Лозин заговорил с ней о поездке в Германию, о своих планах, о желании быть свидетелем наступления красных войск на Европу. Вера равнодушно согласилась уехать в Германию и жить в Берлине:

— Да... хорошо... я поеду, — монотонно ответила она.

Но вдруг тень какой-то неприятной мысли мелькнула на ее спокойном лице. Это походило на пробуждение от сна, когда глаза с удивлением останавливаются на знакомых, но забытых во сне предметах.

— Скажи мне, Андрей, — тихо проговорила она, — а тот... другой... тоже едет с нами? Скажи мне, вообще, на чьи средства мы живем, на чьи средства мы поедem? Эти средства дает он? Это он везет нас с собою?

— Да, — Лозин нахмурился. — Мы всем обязаны ему, этому человеку. Ты спасена только благодаря ему. Наше настоящее существование и даже жизнь тоже зависят от него. Теперь он хочет вывезти нас в Германию и помочь нам там устроиться...

— Как же это? — заговорила она снова. — Нам покровительствует человек, который предал наших друзей, предал наше дело. Мы наслаждаемся сытой жизнью, а они сидят в тюрьме... им грозит смерть. Кровь Малявина на этом человеке, а мы... мы принимаем от него помощь... как же это? И потом...

Она запнулась, но, сделав усилие, продолжала:

— Ты не напоминаешь, ты тактичен, Андрей, но прошлого никогда не изгладить... Как можешь ты... мой муж... дружить с этим человеком?

— Ты хорошо знаешь, Вера, — ответил Лозин, — что меня привело сюда... Ты знаешь, что только ради тебя, ради спасения твоей жизни, я бросил все, забыл о чести... и не убил

предателя. Ты знаешь, какую я переношу муку, как все это терзает меня. Но я не мог иначе поступить, потому что для меня любовь к тебе оказалась всего сильнее. Я думал, что ты не станешь бросать мне те обвинения, которыми я и так мучаю себя каждое мгновение. Мне тяжело, Вера, мне очень тяжело! Пожалей меня! Я слабый... безвольный человек*.

Глава 32

РАЗГОВОР ПОД ШРАПНЕЛЮ

Дорога проходила среди мелкого леса. Она выходила местами на болотистые низины и тогда двуколка, на которой сидели Зибер, Лозин и солдат, правящий лошадью, дребезжала и подскакивала на бревенчатом настиле, только вчера проложенном красной саперной ротой; здесь прошла батарея тяжелых полковых орудий. В ясном воздухе гулко и четко доносились звуки далекой пушечной канонады: шел решительный бой за обладание переправой через Буг, в 90 верстах от Варшавы. В течение 18 часов, со вчерашнего вечера, красная ударная группа под командой бывшего полковника императорского генерального штаба Самойло вела непрерывные, яростные атаки на укрепившихся на левом и, частью, на правом берегу Буга поляков. Главная масса северной красной армии перешла Буг в других пунктах. Линия Буга до Брест-Литовска была захвачена вся целиком, за исключением важной точки, где пересекаются река Буг и две железнодорожных линии. На линии Буга красные войска одержали решительную победу: ими было взято более 50.000 пленных, около 100 орудий и много военного снаряжения. Полному успеху мешало упорное и героически-безумное сопротивление польского генерала Малиновского, с 3-мя дивизиями прикрывавшего от красных неболь-

* В оригинале далее следует оборванная фраза «Оказалось, что личная...»

шой участок Буга. Но часы польского отряда были сочтены, так как две красных дивизии форсированным маршем шли уже по левому берегу Буга в тыл полякам и должны были прибыть с часу на час

Зибер, Лозин и Вера только вчера прибыли из Гродно в Белосток и Зибер на другое утро предложил Лозину ехать с ним на место боя. Вера осталась в Белостоке, а Зибер и Лозин выехали по железной дороге с красным эшелоном к месту, где находились советские резервы. Отсюда до поля сражения оставалось верст 25 и этот путь нужно было совершить на двуколке. Штаб группы Самойло дал в распоряжение Зибера лошадь, двуколку и солдата.

Странно чувствовал себя Лозин во время этого короткого пути, в яркий, солнечный день, под голубым небом, в польском захолустье. Разве мог он предположить, что будет когда-нибудь в самом сердце своего врага, будет двигаться с вражеской армией для достижения задач, поставленных красной Москвой, будет свидетелем небывалого похода Востока на Запад?

Но это так: он свидетель их успехов, он видит, как осуществляются казавшиеся безумными планы красных богов. И грохот орудийных выстрелов, все яснее и яснее доносящийся до него, убеждает, что все это не дурной сон, что пробуждения не будет, что все это действительность... «Неужели же, — думал он, — эти выстрелы не разбудят всего честного, хорошего, сознательного, что еще осталось в мире? Неужели эти выстрелы не докажут миру, что угрозы большевиков завоевать вселенную — не блеф; что они уже идут, упоенные первыми победами, что они несут миру слезы, кровь и страдание, как принесли их моей бедной, измученной родине?..»

Они догнали шедшую к месту боя знаменитую, закаленную в походах и прошлых кампаниях 49 советскую дивизию. Эта дивизия была брошена полковником Самойло с приказанием уничтожить поляков и сменить уставшие красные части.

Лозин с любопытством вглядывался в тысячи серых солдатских лиц, которые, ряд за рядом, мелькали мимо дву-

колки и скрывались за поворотами дороги. Невольно он искал чего-то в этих людях нового, чего-то необычайного; он думал, что новая власть перекроила людей, должна была наложить на их души особый отпечаток.

Но ничего подобного он не замечал. Это были все те же типичные русские крестьянские лица: угрюмые и веселые, сосредоточенные и беспечные, тупые и смышленные; это были все те же тысячи орловцев, рязанцев, пермяков, костромичей, ярославцев, сибиряков, которые, одетые в защитные шинели и фуражки блином, шли когда-то в погонах и под знаменами с орлами, как они идут сейчас без погон, в стальных касках со звездой и под красным знаменем.

«Что думают эти люди? — спрашивал себя Лозин. — Понимают ли они, за что идут, за что отдадут, может быть, через два-три часа свои жизни?» И, как ответ на этот вопрос, вдруг пронзительно высокий голос в рядах солдат запел с удалым присвистом и гиканьем:

Эй, поляк, не беги:
Русско войско подожди.
Русско войско придет —
Поляк быстро утекёт.
Теперь с нами герман прёт,
Он французам нос утрёт.
Русский, герман — на Париж:
Эх, французик, угоришь!

Ближайшие ряды солдат подхватили залихватский, разудалый припев. «Все тот же лучший в мире живой материал для армии, — подумал Лозин, — все те же веселые шутки на пороге смерти!»

— Вы обращаете внимание, Зибер, на эту песню? — сказал Лозин. — Это солдатское творчество, отражение того, о чем солдат думает. Почему же в этой песне нет ни слова о Ленине, о мировой революции и т.д.? Почему здесь есть только «русское войско», «русский», а нет слов «Красная Армия», «большевик», «коммунист»? Не думаете ли вы, что эти люди идут в бой не с теми лозунгами, которые им дае-

те вы, а с теми, которым их учили с детства русский быт, родители, предания старины и рассказы какого-нибудь ветерана? Не кажется ли вам, что слово «русский» все же ближе этим людям, чем слово «коммунист», или «солдат мирового пролетариата», и что в этом и кроется для вас страшная опасность?

— Да, конечно, — ответил Зибер. — Мне это не только кажется, но я это знаю. Так скоро нельзя вытравить всосанное с молоком матери: это может быть достигнуто только через много лет. Что же касается опасности для нас, то...

Он лениво обернулся, показал на стройные ряды первой колонны дивизии, исчезающей за лесом, и закончил:

— ...раз мы сумели создать такие прекрасные, боеспособные единицы, — значит, мы знаем этих людей, знаем хорошо, и сумеем удержать их в повиновении.

Потом, презрительно усмехнувшись, он добавил:

— Поверьте мне, Лозин, эти люди — простодушные, глупые дети. Нет ничего легче, как завладеть ими. Нужна хорошая палка — и это *быдло* пойдет за вами на край света...

* * *

Слева от дороги раздался протяжный, отвратительный свист, потом оглушил страшный взрыв, поднялся столб дыма, пыли... На дорогу полетели комья земли, обломки деревьев. С жалобным воем несколько снарядов прорезали воздух и где-то уткнулись в землю с тупым, коротким звуком.

Солдат придержал лошадь, потом нерешительно посмотрел на седоков.

— Попали в сферу артиллерийского огня, — сказал спокойно Зибер. — Погоняй живей: проскочим!

Солдат ударил лошадь и двуколка запрыгала по кочковатой дороге. В стороне от пути все чаще и чаще стали падать и разрываться снаряды. Один разорвался в 20 от двуколки и прорыл огромную воронку. Испуганная

грохотом лошадь рванула и понесла, но, с помощью Лозина, солдат удержал ее. Скоро снаряды стали ложиться далеко позади: опасная зона была пройдена.

— Плохо придется 49-й дивизии, — сказал Зибер. — Ей нужно пройти через эту завесу. Будут потери.

Около помещичьего фольварка двуколка была остановлена дозором. Молодой командир, вызванный из дома солдатами, проверил пропуск Зибера.

— К сожалению, — сказал командир нервным срывающимся голосом, — дальше я не могу пропустить двуколку: вы попадете под шрапнель.

Он показал на соседний лесок, над которым стояло сплошное облако шрапнельных разрывов.

— В этом леске засел ударный батальон. Он попробовал пойти в атаку, но был отбит. Теперь поляки засыпают его шрапнелью. Через полчаса-час он снова пойдет атаковать польскую линию. Если хотите, можете идти со мной, так как моя рота будет резервом и сейчас идет в этот лесок.

Зибер и Лозин согласились и слезли с двуколки. Командир стал собирать людей, рассыпал их повзводно в цепь и двинулся к леску. Зибер и Лозин шли вместе с командиром, который по дороге рассказывал им о положении боя. Для общей атаки ждали 49 дивизию. Поляки, видимо, изнемогали, но дрались стойко. 49 дивизия должна была взять господствующую над полем боя высоту. Взятие высоты поставит поляков в безвыходное положение, так как две советские дивизии, идущие по левому берегу Буга, должны были отрезать польским войскам отступление.

Вскоре цепь вошла в зону шрапнельного огня и командир ушел со звеньями, вооруженными ружьями-пулеметами. Лозин обратился к Зиберу:

— Ну, а что вы скажете, если сейчас какая-нибудь глупая шрапнель прервет вашу жизнь и вы не увидите торжества ваших красных идолов?

— Я почти не боюсь этого, — сказал Зибер. — Я не верю этому. Конечно, мне жутко... жутко моему брэнному телу. Но душа моя счастлива, так как я иду вперед с маленькой частью великой Красной Армии и увижу сейчас ее мощь. Я

не военный и не привык к подобным переделкам: понятно, что мне жутко. Но я утешаюсь мыслью, что всем этим солдатам придется непосредственно идти в бой: их положение неизмеримо хуже моего — положения скромного наблюдателя. Вместе с тем, я не могу не сознавать справедливости этого. Кто они и кто я? Они бессознательные пешки, не понимающие всего величия того, что они создают своими руками. Я — один из тех умов, которые двигают этими пешками к конечной цели. Разве справедливо, чтобы умер я, а не они?

— Странно слышать такую ницшеанскую теорию в устах коммуниста, — ответил Лозин. — Ради вас, сверхчеловеков, должно погибнуть это, по вашему выражению, «быдло». Это вы, коммунист, называете справедливым?

— Разница между нами и сверхчеловеками большая, — ответил Зибер. — Мы гоним это быдло на смерть ради него самого, так как если миллион этих пешек погибнет и мы достигнем победы, то будет хорошо сотням миллионов других пешек. Смертью миллиона мы сделаем из сотен миллионов рабов — людей. «Сверхчеловеки» же, как Ганнибал, Цезарь, Наполеон, Бисмарк, — губили людей ради собственного своего тщеславия или выгод и славы купцов, военных партий, буржуазии, т. е. губили ради меньшинства избранных. Впрочем, довольно философии... Она немножко нелепа под шрапнельным огнем...

Лозин огляделся.

Теперь ему самом разговор показался диким. Кругом шли сосредоточенные, угрюмые, молчаливые люди: на их лицах было написано, что преступно болтать перед лицом смерти. И Лозин невольно почувствовал, что благодаря ряду случайностей, он слит теперь с этими людьми в одно целое, связан с ними незримо и против своего желания — одной опасностью и боязнью за свою жизнь.

Глава 33

ПИЛАТ ИЗ СССР

В цепи было только два легко раненых. Линия разрывов была благополучно пройдена и цепь вошла в лес; здесь было безопаснее, так как резервы заняли вырытые за ночь окопы, в которых были наспех сделаны козырьки и даже блиндажи с бревенчатым настилом. Впереди, по опушке леса, залег в одиночных окопах другой батальон. За опушкой виднелась сопка, еще занятая поляками; за сопкой — костел и высоких постройки польского местечка; кое-где поблескивала серебряная лента Буга. Верстах в пяти справа слышался огнестрельный огонь — ружейный и пулеметный; бухали полевые пушки. Это советские дивизии Самойло медленно и упорно продвигались вперед.

Подошла 49 дивизия. Солдаты передали по цепи, что в дивизии за время перехода под обстрелом сначала тяжелых, а потом легких орудий, выбыло из строя 87 человек. Дивизия развернулась. Одни полк рассыпался по опушке леса, откуда должен был атаковать сопку. Второй пошел в обход сопки. Третий остался в резерве. Рота, к которой примкнули Зибер и Лозин, держала связь с этим полком.

Прибежала связь и сообщила, что обходный полк готов к началу атаки. Немедленно же цепи двух полков 49 дивизии стали продвигаться к подножию сопки. С сопки слышался выстрел, другой... потом сразу с грохотом и треском, захлебываясь и торопясь, заговорили пулеметы. Бухнула где-то за сопкой пушка... начался залповый артиллерийский огонь. Опушка леса сразу окуталась белыми и желтыми дымками разрывов.

Лозин, дрожа от нервного возбуждения, почти вылез из окопа и наблюдал в бинокль через лесную прогалину, как перебежали вперед среди кустарника массы темных, согнувшихся фигурок. Ружейный и пулеметный огонь велся с сопки, сверху вниз; пули не достигали окопов и поэтому

картину боя можно было наблюдать почти в полной безопасности.

Над сопкой, высоко в голубом небе, жужжали окутанные дымками шрапнельных разрывов советские аэропланы. То один, то другой из них падали вниз камнем и сбрасывали бомбы и взмывали снова ввысь.

Словно морские волны, цепи фигурок добегали до подошвы сопки. Часть их продолжала бежать вперед, поднимаясь по склону, часть залегла и совершенно исчезла из глаз. В бинокль было видно, как многие из бегущих падали — ничком, навзничь, набок. Но главные массы фигурок, пополняемые непрерывным потоком сзади, продолжали упорно лезть вперед. Пулеметный и ружейный огонь на сопке слились в ужасный грохот. Шрапнельный огонь, видимо, уже не достигал своей цели, так как орудия подкатали в кустарник, на самую вершину сопки, и обстреливали ее склоны картечью с прямой наводки. Словно гигантские черепахи, ползли на сопку десятки танков.

Молодой командир, принявший в свою роту Зибера и Лозина, взволнованный, бледный, сжимал бинокль и, чуть не плача, повторял все одну и ту же фразу:

— Что же наши батареи?! Что же наши батареи?!..

И вдруг, как бы в ответ, где-то в тылу прогремел залп — и на сопку со свистом и пронзительным завыванием понеслись тяжелые снаряды... Залпы все учащались и учащались. Гремело сзади, вправо, влево, впереди: по сопке били пять тяжелых и двенадцать легких батарей. Залпы слились в один непрерывный гул — и действие их было ужасно. Стрельба корректировалась аэропланами и достигала большой точности. На сопке не осталось ни одного орудия, ни одного пулемета: слышалась только бессистемная ружейная стрельба.

В штаб дивизии прискакал ординарец и на ходу крикнул, что поляки уходят через понтонные мосты на левый берег Буга и что советские войска сейчас возьмут сопку. И, действительно, с сопки донеслось мощное «Ура!..» Лозин взволнованно поднес к глазам бинокль и увидел, что темные массы быстро подвигаются к вершине сопки. Из мелко-

го кустарника поднимались и бежали вверх все новые и новые линии крохотных фигурок. Крики «Ура!» заглушали ружейную трескотню, которая уходила постепенно за сопку: по-видимому, поляки отступали.

И вдруг Лозин увидел, как на сопке, развеваясь на длинном шесте, медленно поднялся огромный красный флаг. Сопка была взята...

* * *

К вечеру, когда грохот канонады и ружейной трескотни кончился, Лозин узнал результаты сегодняшнего боя. Бой закончился полной катастрофой для польских дивизий Малиновского. Взятие командующей высоты поставило польские войска в ужасное положение и они решили использовать последнее средство для спасения: окончательно оставить берег Буга. Но советская артиллерия открывала по понтонным мостам ужасающий ураганный огонь и перебраться через реку удалось только немногим. Это была польская Березина...^{*} Малиновский и многие польские офицеры покончили с собой, не перенеся позора сдачи. Часть польских войск, занимавшая левый берег Буга, к вечеру была рассеяна двумя обходными советскими дивизиями.

До Варшавы оставалось около 80 километров. Этот путь, видимо, был свободен, так как разбитая польская армия отступала на Варшаву.

Самый страшный удар Польше был нанесен южной красной армией, о чем пришло известие в тот же день. В двухдневном бою на фронте Люблин-Львов южная красная армия нанесла польским войскам генерала Миллера решительное поражение. Этому поражению помогла измена 5-ой армейской польской дивизии, которая, в самом начале боя,

^{*} Имеется в виду катастрофическая переправа отступающих наполеоновских войск через р. Березина в ноябре 1812 г.

перебив своих офицеров, целиком перешла на сторону советских войск.

* * *

В ту же ночь Зибер и Лозин решили вернуться с эшелоном раненых в Белосток, в штаб армии.

На вокзале только что взятого польского местечка было шумно и людно. Непрерывно подходили все новые и новые эшелоны красных войск, которые переходили по понтонным мостам на левый берег Буга и без отдыха продолжали наступление на Варшаву. Вокзал и прилегающие к нему, полуразрушенные артиллерийским огнем постройки были переполнены ранеными в сегодняшнем бою. Всюду валялись окровавленные бинты, одежда. Бежали и суетились санитары и сестры милосердия.

Зибер обратился к коменданту станции с просьбой устроить проезд. Всклооченный, измученный, грязный человек обещал содействие и просил подождать некоторое время.

Ожидая ответа, Лозин и Зибер вышли на перрон. Здесь их внимание обратили на себя пленные поляки. Их приводили — тысячи белобрых, истомленных боем, запуганных мужиков в серо-голубых шинелях — к поезду среди сплошных шеренг красноармейцев. По адресу поляков раздавались веселые, добродушные насмешки. Два-три раненых забинтованных красноармейца ругали пленных площадной грязной руганью. В общем же к пленным относились равнодушно-спокойно.

Но вдруг Лозин услышал в одном углу перрона особенно иступленные, озлобленные крики. Он подошел с Зибером к огромной толпе солдат, окруживших какого-то бледного человека с окровавленным лицом, в польской военной форме. Этот человек вытирал грязным платком кровь на лице. Другую руку, в порванном у плеча рукаве, он неуверенно старался вырвать из рук молодого красноармей-

ца, что-то дико кричавшего. Лозин прислушался.

— Товарищи! — кричал красноармеец. — Это русский офицер! Он к полякам перешел, в их форму оделся, на свой народ пошел. Его польские солдаты выдали: все рассказали. Это белогвардейская сволочь! Душегуб народный! Как вы думаете, товарищи: я полагаю — к стенке его поставить, убить собаку!

— Правильно! Правильно! — гудела толпа. — Расстрелять его!

Лозин схватил за руку Зибера.

— Спасите его, спасите! — страстно зашептал он. — Ради меня, ради всего святого! Ну что вам стоит?

Зибер покачал головой.

— Едва ли я могу что-нибудь сделать: есть минуты, когда и укротитель не может справиться со своими зверями. Впрочем, попытаюсь.

Он протолкался сквозь толпу, поднял руку и крикнул:

— Товарищи! Внимание!

Все стихло. Толпа уставилась на Зибера.

— Вы хотите убить этого человека? Именем правительства СССР запрещаю это! Мы должны соблюдать законы союза. Военно-полевой трибунал разберет дело этого русского офицера и, если он виновен, присудит его к смерти. Вы только солдаты и не имеете права судить. Отпустите этого человека и пусть конвой уведет его к коменданту: там разберут.

Толпа молчала, но вдруг к Зиберу подошел какой-то солдат с красивым, интеллигентным лицом и заговорил:

— А вы кто такой будете, товарищ? Какое вы имеете право давать указания революционным солдатам? Этот человек — наш пленный и мы сделаем с ним, что захотим.

— Я уполномоченный по административным делам северной армии, — ответил Зибер. — Я приказываю вам оставить этого человека!

— А мы не исполняем! — вызывающе крикнул солдат. — Вы занимайтесь там всякими административными делами и не лезьте не в свои дела! Плевать мы хотели на вас! У

нас есть командарм и он приказал всю эту сволочь без суда расстреливать! Правильно я говорю, товарищи?

Толпа снова загудела: «Правильно!»

— Ну, айда! Бери этого офицера! — сказал солдат.

Толпа подхватила пленного и потащила его куда-то в темноту. Зибер повернул к Лозину свое, как всегда, спокойное лицо.

— Видите, — сказал он, — мне приходится лишь умыть руки, как Пилату... Что я могу сделать? Эти люди нанюхались крови за день и у них опасно вырывать из когтей добычу.

Глава 34

ВТОРЖЕНИЕ В ИНДИЮ

Все то, что накапливалось годами с зловещей логичностью и последовательностью после несчастного Версальского мира, все грубые ошибки и близорукие шаги политиков Антанты, все бесталанные и лицемерные попытки Лиги Наций прикрыть бесправие и международный грабеж красивыми фразами о вечном мире, о разоружении и взаимном уважении народов, — все это дало плоды, и мир внезапно, в одну минуту, стал перед страшной, небывалой опасностью: грозило рухнуть то, что считалось незыблемой основой существования человечества. Явилось новое учение, начало которого было посеяно давно, но которое только теперь стало известно всюду, потому что оно нагло напоминало о себе топотом миллионов солдат и блеском миллионов штыков. И мир, затаив дыхание, с выпученными в страхе глазами, зачарованный, смотрел, как приближаются и заливают своей массой поля Польши, Румынии и Индии полчища красных солдат, обученных всему тому, что выдумали люди за многие столетия для взаимного истребления.

И весь ужас для буржуазного мира был в том, что эти солдаты шли не для понятных и знакомых с детства целей,

не для решения экономических проблем или вопросов чести и славы, а для разрушения самых основ существования мира, всего того, что было создано буржуазией и что она считала принадлежащим ей по праву сильного и умного. Это было настолько невероятно, ужасно, что мир стоял, разъединенный старыми, гнилыми, глупыми распрями, дряхлый, надеющийся на чудо, слишком слабый, чтобы спасти себя от той опасности, которую привык считать смешной и нелепой угрозой. Но эта утопия стала действительностью, гром пушек и звук открывания и закрывания миллионов ружейных затворов все приближался и заглушал жалкий и слабый писк перепутанной мировой буржуазии — той буржуазии, которая сделала все, чтобы, ради торговли, укрепить положение СССР.

Казалось, какая-то высшая справедливость грозила расплатой: нельзя безнаказанно стоять в стороне и равнодушно смотреть на страдания десятков миллионов людей, нельзя эти страдания применять в целях наживы, потому что страдание рождает злобу и месть, когда мимо больного проходят и не подают ему помощи. Мир виновен перед русским народом за свое преступное равнодушие к мукам России. И Россия, в безумии отчаяния, шла теперь та своими новыми вождями и становилась мстительницей миру за его холодную жестокость...

Все то, над чем смеялись, что называли фантазией безземцев, чего не боялись, — воплотилось теперь в действительность и, казалось, должно было раздавить старый, жестокий, близорукий и эгоистичный мир. И, вероятно, не один государственный муж Европы, сидя в тиши своего кабинета за свежими телеграммами с советских фронтов, рвал на себе волосы при воспоминании, что и он — своей близорукой политикой — виновен в том красном урагане с Востока. Быть может, в старых, лживых, хитрых головах этих дипломатов наконец-то явилось сознание, что выгоды, построенные на муках великого народа, — не выгоды...

В то время, когда советские войска подходили к Варшаве и взятие столицы Польши было вопросом нескольких часов, ни одно событие на Рейнском фронте не изменило предначертанного германским штабом плана. Воскресшая германская армия, сильная своей численностью, воодушевлением, внезапностью натиска, яростно и неудержимо рвалась вперед и даже легендарная храбрость и самопожертвование некоторых частей французской армии не могли остановить этого грозного потока. В целях сохранения живой силы, французы отходили назад, упорно отстаивая каждый метр земли.

В страхе и отчаянии прекрасная Франция молила мир о помощи: она чувствовала, что пробил решающий час... Было ясно, что за германцами в Европу идут красные войска — и это грозило катастрофой. Французский народ, с энергией отчаяния, делал все для организации защиты и, вопреки надеждам Москвы, был единоклубен и проявлял обычный горячий патриотизм. Но это была только энергия отчаяния: Франция понимала, что она не сумеет одна справиться с опасностью и в действиях французов, несмотря на кажущуюся целесообразность, были растерянность и обреченность. В Лигу Наций летели телеграммы одна за другой. Но Лига Наций запуталась в резолюциях и пленарных заседаниях и ничем не могла помочь. Ее никто не слушал.

Франция обратила свои умоляющие глаза на Англию, но кроме обещаний ее получила ничего, так как решительный час пробил и для Британской империи. Эта страна была объята тяжелыми внутренними волнениями. Более четырех миллионов рабочих промышленных районов бастовали и требовали полнейшего нейтралитета Англии в начавшейся войне, которую рабочие называли освободительным походом против капитала. Все призывы английского правительства о помощи Франции, все напоминания о долге чести, о необходимости снова защищать то, что защищалось в Великую войну, — оставались безрезультатными. Рабочие издавали контрвоззвания, в которых называли призывы правительства новой авантюрой, и говорили, что рабочие никогда не повторят глупости 1914-1918 г.г. — той глуп-

пости, которая поставила рабочий класс в невыносимое экономическое положение и создала великую мировую безработицу. На призывы правительства отозвались десятки тысяч офицеров и солдат Великой войны, но эти десятки тысяч были каплей в море и эта капля ушла на охрану внутреннего порядка в Англии.

Воспользовавшись благоприятным положением, снова востала Ирландия. Началась кровавая, беспощадная гражданская война. Пол знаменем пророка началось восстание в Египте. Повстанцы снабжались оружием из Турции и СССР и движение приняло грозные размеры. 10-ти тысячный советский отряд был отправлен в Турцию с целью вести борьбу против Англии и Франции в Малой Азии и для наступления на Суэцкий канал. И, наконец, самый страшный удар Британской империи был нанесен в Индии.

* * *

Это нашествие началось в один чудный, солнечный день в горах Индии, в долине реки Гомал. Британский военный пикет в горном проходе неожиданно был окружен и обезоружен дикими афганскими всадниками. И перед глазами изумленных английских солдат, через горный проход полились массы незнакомые войск. Проходила афганская кавалерия — махсуды и афридии на горячих горных лошадях, трусили на низкорослых лошаденках туркмены, сарты, хивинцы, бухарцы, башкиры и татары. Стройными рядами тянулись бесконечные ряды пехоты — высокие, светловолосые люди в защитной форме со звездой на богатырках, стальных касках и фуражках, запыленные и загорелые, но веселые и шумные. Гремели батареи, подскакивая на ухабах, и регулярная советская кавалерия наполняла топотом горные ущелья.

Англичане смотрели на эту картину весь день, но и вечером, когда их увели для допроса в штаб советского командующего, этот поток вооруженных людей продолжал

струиться, направляясь через горные проходы туда, где течет древняя река Инд...

Советская армия вторглась в Индию...

* * *

Первый крупный бой с английскими войсками произошел при переправе советских войск через Инд у Дера Измаил-Хан. Этот бой тянулся всего только два часа и закончился полным разгромом англичан, быстрому поражению которых помогла измена сипаев, входивших в британский корпус, и батальона диких вазиров, посланного в обход советского авангарда. Благодаря восстанию в тылу, железная дорога Карачи-Бавальпур-Дели была захвачена индусскими повстанцами. Советская армия начала быстрое движение на восток, на соединение с вторгнувшейся в Пенджаб со стороны Кабула 2-ой красной армией, которая, наступая вдоль железной дороги Пешавар-Лагор, была в ста километрах от Лагора.

Эти события были сигналом к восстанию индусов. Семена, посеянные Махатмой Ганди, дали плоды. В один день поднялись против англичан Пенджаб, Кашмир, Раджпутан, Ауд, Бенгалия и зависимые от Англии Непал и Бутан. Во главе восстания стал европейски образованный, известный общественный деятель и индусский писатель, друг Ганди, ревностный противник англичан раджпутанский князь Рама-Шудор. Он всеми силами старался, чтобы восстание не омрачилось никакими зверствами и расправами над англичанами, но все же кое-где эти зверства нашли себе место. Так, в Лукнове в одну ночь были перерезаны самым беспощадным образом около 2,000 англичан — мужчин, женщин и детей.

Английским войскам из Канпура удалось рассеять банды повстанцев и снова захватить Лукнов. Помня кровавую расправу 1857 года, индусы поголовно бежали из этого города. Повсюду началась партизанская война и англичане

попали в отчаянное положение. Речь могла идти не о защите Индии, а лишь о собственном спасении, так как остальная Индия — провинции Бомбей, Мадрас, Майсур, Бенгал, Нисама — были накануне восстания. Английские войска и население стали пробиваться к морским городам — в Калькутту, Мадрас, Нагапаттам, Каликут, Бомбей, Сурат. Отчаявшись самостоятельно справиться с восстанием и отразить наступление советских войск, Англия обратилась за помощью к Канаде, Австралии, Южной Африке и Новой Зеландии. И все эти страны не отказали в поддержке. Канада давала метрополии дивизию немедленно, Австралия и Ново-Зеландия обещали армию в 100,000 человек.

Глава 35

«АМЕРИКА, ВПЕРЕД»

Что происходило в это время на юго-востоке Европы?

После упорного боя, 500-тысячной красной армии удалось форсировать Днестр и вступить в Бессарабию. Румыны не решились дать второй бой в этой новой румынской области и отошли за Прут, где решено было дать красной армии решительное сражение.

Как ни странно, но из всех государств, на которые напали советские войска, маленькая Румыния оказалась наиболее подготовленной к войне. Это объясняется тем, что этой стране уже давно приходилось бояться нападения СССР и от подобной возможности Румыния никогда не отмахивалась, как досадливо отмахивались от такой возможности другие страны. Румыния граничила с СССР и видела, что угрозы большевиков имеют под собой основательную почву. Поэтому Румыния непрерывно готовилась к войне. Но и это обстоятельство не помогло маленькой стране.

Еще прошлая Великая война показала, что румыны — плохой боевой материал. Теперь это обнаружилось снова — в большом сражении на реке Прут, от Ясс и до Галаца. В

первый день перевес был на стороне румын, которые в районе Хуши разбили две советские дивизии и взяли их в плен. Но на следующий день в бой вступили главные советские силы и положение резко изменилось. В этот день румыны все же удержали свои позиции и не дали красным перейти через Прут. На следующий день советское командование сосредоточило в районе Кагула против одной румынской дивизии 80,000 солдат и 300 орудий. В течение трех часов туча аэропланов и ураганный огонь артиллерии уничтожили все живое на правом берегу Прута на пространстве в 15 верст по фронту и 8 верст в глубину. После этого красные войска спокойно навели понтонные мосты и 80,000 советских солдат перешли через Прут, чем северные румынские войска были поставлены в ужасное положение.

Для противодействия этому удару румыны бросили пять дивизий со стороны Галаца, но их войска наткнулись на бешеное сопротивление так называемого «голодного» советского корпуса. Этот знаменитый советский корпус (60,000 человек) был сформирован из уроженцев двух губерний СССР, которые в этом году были охвачены голодом. Корпус был создан на следующих основаниях. Все семьи и родственники солдат корпуса получали государственный паек и были вырваны из пасти голода. Взамен этого, солдаты корпуса обязаны были идти в самые опасные места сражений и пробивать дорогу остальным войскам. Этот корпус составлял ударную массу — «корпус смерти». Ему предоставлялось неограниченное право реквизиции хлебных и, вообще, пищевых продуктов в завоеванных областях; все реквизированное шло семьям солдат корпуса. Всякий отказ солдата от боя, нерешительность или бегство лишали его семью пайка. За исполнением всех этих правил следили особые делегаты от голодных губерний. Благодаря этим условиям, «голодный корпус» вскоре прославился в советской армии своей стойкостью, яростью и неудержимостью атак.

Как горная лавина, «голодный корпус» обрушился на 5 румынских дивизий, смял их, отбросил к Пруту и совершен-

но рассеял. Не ограничиваясь этим, «голодный корпус» перешел Прут, взял Галац и, быстрым маршем на север, поставил всю румынскую армию перед лицом катастрофы. Крупная победа болгар у Журжево, советские прорывы у Кагула и Галаца решили дело. Лишь двухсоттысячной армии румын удалось прорваться к югу. Северная румынская армия генерала Павулеску должна была пойти на капитуляцию и сложить оружие. После короткого отдыха советские войска выровняли фронт и повели быстрое наступление на Бухарест.

В первые же две недели внезапно разразившейся европейской войны соединенная австро-венгерская армия нанесла решительное поражение чехословакам у Знайма и Будвейса и повела наступление на Прагу. В это время итальянская армия — около 500.000 штыков — перешла Изонцо и вторглась в Югославию, чтобы раз и навсегда решить вопрос, кто будет хозяином на Адриатическом море. Со стороны Албании на Югославию наступали греческие и албанские войска, а со стороны Болгарии югославскую границу перешла 300-тысячная армия турок и болгар.

«Балтийский союз» (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва) не подавал никаких признаков жизни и замер, пораженный величием и масштабом развернувшихся событий. Все остальные государства — Голландия, Дания, Швеция и Норвегия, Испания, Португалия, Швейцария — оставались трусливыми зрителями красного потопа и с ужасом думали о том моменте, когда потоп захлестнет и их территорию.

Кто мог подать руку помощи Франции? Казалось, никто...

Но внезапно эта рука была подана Франции — была подана из-за океана, из великой американской республики.

Эта страна была единственной неизменной противницей красной Москвы с самого воцарения в России кровавой власти. И теперь, поняв весь ужас событий, великая республика во второй раз бросилась на помощь изнемогающей, растерявшейся старушке-Европе...

Первое сообщение о наступлении красных войск на Польшу было встречено в Соединенных Штатах со скептицизмом и полным равнодушием к делам Европы. Но последующие известия неминуемо должны были уничтожить это равнодушие и выяснить то или другое отношение Соединенных Штатов к новой войне.

История знает много примеров, когда неожиданно и по какому-то великому наитию, тот или другой народ делает ход на мировой шахматной доске, который приводит этот народ на вершину славы, уважения других народов и благодарности последующих поколений. Чтобы сделать этот ход, иногда достаточно работы одного или нескольких великих государственных умов, которые прозрели бы туман времени, увидели грядущее и указали на него своему народу пророческой рукой.

И теперь, в среде американского народа явился такой гений. Это был малоизвестный и до сего времени скромно державшийся в стороне от мировых событий депутат от Иллинойса Эдвин Гарвей.

С проницательностью великого ума и восприимчивостью тонкого художника, он нарисовал перед своими глазами грядущее, созданное штыками Красной Армии и ее германских союзников. Картина ужаснула Гарвея и он решил показать эту картину каждому американскому гражданину. Он выступал с речами, статьями, обличениями, требованиями, плакатами, карикатурами, — и Америка, затаив дыхание, пораженная, прислушивалась к тому, что говорил могучий талант.

«Нам нет другой дороги, — говорил Гарвей, — как вступить за мировую культуру и мировую свободу против красных вандалов. Не верьте их обещаниям, не думайте, что они принесут миру счастье! Этого не будет, ибо они несут с собой кровь, месть, пожары, разрушения, стоны женщин и детей. Не верьте, что кровь дает счастье! Не думайте, что призрачную свободу можно купить насильем! Мы не можем остаться в стороне, так как и мы вложили в сокровищницу мировой культуры свою долю. Мы не можем быть простыми свидетелями того, как попираются право, справед-

ливість, елементарна безпека, ми не можемо тепер сидіти в скорлупі Монро!* Ми не можемо подивитися, як потік нових гуннів розливається по Європі!

Нас зовуть Франція — ви чуєте її мольбу? Ми не кинули її, коли вона була оточена могутніми союзниками, неужели ми кинемо її тепер, коли вона майже одна?

Загляни, американський громадянин, в свою душу: неужели я не прав? І, якщо ти згоден з мною, — бери винтовку і йди на поля Франції! Все за зброю, бо світу загрожує катастрофа! Америка, вперед!»

І вогняна проповідь Едвіна Гарвея мала колосальний успіх. Створилася могутня організація на допомогу Франції, агітація за негайне виступлення велася день і ніч по всіх кутках республіки. Почалося таке сильне громадське рухання на користь війни, що питання прийняло державний характер і було поспішно внесено в конгрес.

Результатом великої роботи Едвіна Гарвея було те, що незадовго після початку наступу червоних військ на Польщу, Сполучені Штати оголосили війну Німеччині, СРСР і їх союзникам.

Глава 36

ВСТРЕЧА ПОД ДОЖДЕМ

Лозин приїхав в Брюссель незадовго після того, як червоні війська, переброшені на Рейн, повели спільне з німцями наступ на Францію. Союзники вже пройшли через Бельгію і вторглися до Франції.

Залишив Веру в Берліні, Лозин приїхав до Зібера, в штаб 2-ї армійської групи, в Брюссель. Штаб займав частину зда-

* Речь идет об изоляционистской политической доктрине, провозглашенной в 1823 президентом США Д. Монро.

ния парламента и Зибер устроил Лозина в отведенных ему комнатах.

Все с прежним постоянным тайным чувством растерянности и изумления провел Лозин этот период непонятных ему успехов Красной Армии. Он старательно скрывал это чувство от Зибера, он не хотел сдаться и признать, что предсказания красных богов сбываются; он по-прежнему спорил с Зибером и доказывал ему, что торжество красных вождей кончится провалом. Но, в глубине души, он все более и более терял надежду на этот провал, потому что пророчества Зибера сбывались с математической точностью.

Лозин был свидетелем того, как с молниеносной быстротой была раздавлена Польша, как красные армии в назначенное время пришли в Германию и начали посадку в поезда. Он видел, как с правильностью часового механизма работала германская железная дорога и как одна тысяча красных солдат за другой отправлялись на Рейн и дальше. Ни один перебой не нарушил точности этого часового механизма и миллионы советских солдат были переправлены на Рейн с такой быстротой и легкостью, как будто дело шло о куче дорожных чемоданов.

Лозин ехал с армией и видел, с каким энтузиазмом германский народ приветствовал своих союзников. Он видел тысячи доказательств, что Германия не отступит и будет драться до конца, чего бы ей это ни стоило. Шестьдесят германских дивизий — миллион солдат — были брошены в бой, но приток солдат не прекращался и число их давно перевалило за новый миллион.

Германию охватило такое могучее освободительное движение, что ничто в мире, казалось, не могло разбить теперь германскую армию, так как каждый немец выступил на защиту своей свободы и собственного своего благополучия. Лозин видел, как каждый немец — без различия пола, возраста, убеждений, класса — нес на алтарь родины все, что он мог и что было в его силах. На карту были поставлены все национальные, духовные и материальные силы германского народа...

Как и в 1914 году, германцы потребовали от Бельгии свободного пропуска своих войск. Немецкое командование ждало, что маленькая героическая страна откажет и бросит свои слабые силы на германского Голиафа, как это было в 1914 году и как этого требовало теперь ее соглашение с Францией. Но то, что произошло, поразило Германию и весь мир. Бельгия *согласилась пропустить* германские войска. В официальной декларации к бельгийскому народу король заявил, что с болью душевной он должен, опираясь на мнение парламента, пропустить германские войска через свою страну. Международная конъюнктура и тяжелые экономические раны создают такое положение, что правительство не может, защищая свою землю, ставить на карту существование и благополучие бельгийского народа и должно подчиниться грубой силе.

Бельгия получила заверения германского и советского штабов, что она не только не потерпит никакого ущерба от прохода союзных войск, но будет щедро вознаграждена за «временное беспокойство». Бельгийский народ призывался к порядку и спокойствию и к воздержанию от всяких эксцессов. И германские войска спокойно прошли Бельгию... В первый же день после вступления в страну германских войск последовал акт отречения от престола и отъезд короля в Англию. Перед глазами короля стоял великий 1914 год; он не мог выдержать национального позора... не мог согласиться с парламентским решением и ушел от своего народа...

* * *

Измена Бельгии поставила Францию в тяжелое положение, так как германцы, благодаря пропуску их войск через Бельгию, сумели еще скорее, чем предполагалось, перебросить армию на француско-бельгийскую границу. Французы решили нарушить нейтралитет Бельгии, как это сделали германцы, и бросили навстречу германским войскам

в Бельгию часть армии. Грандиозный бой на линии Ат-Курселл-Эталл-Конфлан закончился для французской армии тяжелой неудачей, хотя сначала французы с легендарной храбростью задерживали продвижение 50 германо-советских дивизий. В районе Брие французы залили наступающих красных таким ураганным огнем, а черные войска атаковали их с такой бешеной яростью, что фронт VIII советской армии был прорван и лишь прибытие пяти дивизий из резерва спасло VIII армию от полного разгрома. Зато на севере, от Вире до Эталла, IV, V и VI советская армии нанесли крупное поражение французам, раздавив их своей численностью и буквально уничтожив грандиозной авиатакой, а в районе Бренн-ле-Суаньи I и II германские армии совершенно разгромили французскую армию и взяли около ста тысяч пленных.

Эти страшные удары заставили французские армии быстро отойти назад. Германо-советские войска шли по пятам и не давали французам использовать природные препятствия и заготовленные заранее укрепленные позиции. Вообще, благодаря молниеносности наступления германо-советских войск, о позиционной войне, подобной той, которая велась с зимы 1914 года по 1918 год, не могло быть и речи, — и в этом был трагизм положения Франции, так как ей не давали возможности использовать для упорной защиты все свои силы и заранее приготовленные позиции.

Не оправдались самонадеянные надежды Франции и на свой авиафлот. Как уже упоминалось, ему был нанесен ужасный удар. Почти полное господство в воздухе оказалось в руках германцев и большевиков.

Между прочим, вопреки предсказаниям романистов и фантазеров, обе стороны избегали налетов на вражеские столицы. Если и были грандиозные воздушные атаки, то только на крепости, базы и порты. Париж, Берлин, Москва, Лондон, Вена. Белград и др. столицы массовым нападениям неприятельских авиафлотов не подвергались. Чем объяснить такое *деликатное* поведение смертельных врагов? Едва ли великодушием. Вероятно, их все же удерживала боязнь мирового общественного мнения. Однако, все, кто

мог, бежали из больших городов, а оставшиеся не выходили на улицу без противогазов.

Итак, положение Франции было трагично. Вся надежда этой страны была на Соединенные Штаты.

Кипучая работа американцев сделала то, что в сравнительно короткий срок они воскресили американскую армию 1917-1918 г.г. Около 500,000 солдат были уже готовы к отправке, а 100,000 находились в море, на пути во Францию. Однако, военные авторитеты считали положение Парижа безнадежным. Чтобы захватить Париж, германо-советским войскам нужно было не больше двух-трех недель, главная же масса американских войск — от 500 до 800 тысяч — могла вступить в бой не раньше, как через месяц. Когда какой-то корреспондент спросил об этом американского агента во Франции, полковника Гарри Коллинса, ответ Коллинса стал историческим. Он сказал:

— Да, мы знаем, что не успеем спасти Париж. Но вы ошибаетесь, если думаете, что Соединенные Штаты посылают свои войска для спасения Парижа. Эти войска посылаются для спасения *мира*. А Париж не мир.

* * *

Лозин ехал в автобусе вдоль бульвара дю Миди. Был вечер и трепетный огонь электрических фонарей автобуса бросал на мокрые от дождя деревья яркий свет. Лозин прижался к стеклу и рассеянно следил за разношерстной толпой, торопливо сновавшей под мелким дождем по улицам. Проходили группы красных и германских солдат, проходили обозы и отряды артиллерии. В эту ночь штабы союзной армии и войсковые резервы покидали Брюссель и уходили на запад, за наступающими германо-советскими войсками.

Лозин прислушивался к уличному шуму — и странными, дикими казались ему громкие выкрики на русском языке. Красные, русские солдаты — в сердце Бельгии, рядом и

в союзе с германцами! Кто мог предположить, что это будет, кто мог думать об этом? Но это так... Серые русские шинели попадались на каждом шагу, ухо ловило обрывки русской речи и неизменные солдатские ругательства.

Автобус замедлил ход и остановился. Вошел какой-то человек, закутанный в широкое непромокаемое пальто, с которого струилась вода. Лозин рассеянно взглянул на этого человека и вздрогнул: в его фигуре было что-то знакомое, что-то, сразу вселившее тревогу. Бессознательно Лозин нагнул голову так, чтобы его лица нельзя было рассмотреть и еще раз взглянул на вошедшего. И он узнал этого человека: это был журналист Лерхе, один из членов «Союза расплаты за Россию»! Лозин читал в германской газете, что Лерхе и другой член союза, Стрепетов, пытались спастись от ареста в Англию. Бежать в Англию им удалось, но в Лондоне их выследили и арестовали.

Теперь Лозин был поражен, почти растерялся. Как попал Лерхе в Брюссель? Как вырвался он из английской тюрьмы? Что делал здесь, в Бельгии? И, одновременно, чувство стыда за свою роль во всем этом деле и опасение, что Лерхе его узнает, охватило Лозина. Он подумал даже сойти с автобуса и скрыться... Но потом любопытство снова овладело им и он решил во что бы то ни стало узнать о судьбе своих товарищей по «союзу» — людей, которых он еще так недавно считал связанными с собою узами чести и слова.

Автобус уже давно миновал то место, где Лозину нужно было сходить, и шел по бульвару Ватерлоо, а Лозин все никак не мог решить, что ему делать. Против театра Мольера Лерхе вышел из автобуса и Лозин выскочил вслед за ним. Автобус ушел. Журналист углубился в один из темных узких переулков и его фигура смутно серела впереди под частой сеткой дождя. Лозин не терял его из виду, но не осмеливался заговорить. Наконец, когда они вышли к освещенной церкви св. Бонифация, Лозин догнал журналиста и тронул его за плечо:

— Господин Лерхе!

Журналист вздрогнул, потом пробормотал по-французски:

— Я не понимаю... Что вам угодно?
— Вы меня не узнаете? — продолжал по-русски Лозин.
— Я — Андрей Лозин...
— Лозин! — воскликнул Лерхе. Вы! Вы! Где вы были все время? Как сюда попали?
— Это долго рассказывать, на улице неудобно...
— Идемте ко мне! Я живу недалеко отсюда, на улице Сан-Суси.

Через пять минут они были у дома, где жил Лерхе, и вошли в квартиру журналиста. Журналист усадил гостя, предложил ему вина и сигар.

— Ну, рассказывайте, — проговорил Лерхе.
— Может быть, раньше вы скажете мне, где все наши друзья и как вы сюда попали? — спросил Лозин.
— Все наши друзья живы и здоровы. Как я сюда попал? Но это такая длинная и странная история, что я ее оставляю на самый конец нашего разговора. Расскажите сначала о себе.

«Как быть? — подумал Лозин. — Очевидно, он ничего не знает. Скрыть? Выдумать фантастический рассказ? Солгать? Ах, нет! Будь что будет, а я не могу лгать! Пусть думает обо мне, что хочет, а я скажу правду!»

— Я всегда уважал вас, Лерхе, — волнуясь, начал Лозин, — и привык видеть в вас идеал честности и порядочности. Минуту тому назад у меня мелькнула мысль солгать вам, утаить то, что день и ночь меня мучает... Но потом стыд охватил меня и я скажу вам все. Я — подлец и негодяй. Слушайте, Лерхе, и судите меня сами!

И в длинном, горячем, сбивчивом рассказе Лозин передал все, что произошло с ним с первого дня организации «союза». Он рассказал об измене Веры, о всех своих муках и о том, как случайность дала ему узнать, кто такой Зибер и какие цели он преследовал. Лозин рассказал о путешествии в Москву, потом в Польшу, в Германию и Бельгию, не утаив ни одного разговора, ни одной мысли, ни одного своего шага.

Лерхе слушал его, ходя из угла в угол и сумрачно кивая головой.

Лозин кончил свою повесть и, опустив голову, красный, смущенный, ждал приговора. Журналист подошел к нему и, взяв его за плечи, сказал с ласковым сочувствием:

— Бедный! Не мучайте себя: ваша вина не так велика, как вы думаете. Вы оказались слабее, чем вы думали. Но это ничего. Вы всегда сумеете исправить свою ошибку. Я думаю, что, может быть, я сумею предоставить вам эту возможность искупить свой грех. Несмотря ни на что, я верю вам, я знаю, что вы меня не предадите. Слушайте, что я вам расскажу.

Глава 37

ВО ИМЯ РОССИИ И ФРАНЦИИ

Я не стану вспоминать, как арестовали в Лондоне меня и подполковника Стрепетова, благодаря доносу Зиберы: это малоинтересно. Из слов прокурора и следователей мы узнали, кто нас предал, так как Зибер в своем доносе дал о себе исчерпывающие сведения и подписался, как председатель нашего «Союза». Нам были неясны побуждения, которые руководили Зибером при этом предательстве, так как в письме на имя начальника лондонской полиции он продолжал называть себя «антибольшевиком». Правда, он заявлял в этом письме, что к предательству его побуждает раскаяние в содеянных убийствах, но это объяснение мы, конечно, не могли счесть за правду, зная Зиберу. Мысль о том, что Зибер — агент большевиков, приходила нам в голову, но мы ее отбрасывали, обманутые его талантливым лицемерием. Только теперь, от вас, я узнал всю правду.

Мы были арестованы и посажены в тюрьму. Следствие велось очень энергично и мы, считая глупым скрывать то, что уже известно и что скреплено нашими подписями (на протоколах заседаний «Союза»), сознались во всем. Мы поставили крест на себе; нас удручало лишь сознание, что мы гибнем без всякой пользы для родины. Благодаря каким-

то неизвестным для нас причинам, нас не предали суду, хотя следствие было закончено после нашего ареста очень быстро.

Некоторое время тому назад, когда начали перебрасывать на Рейн советские войска, нас, — меня и Стрепетова, — вызвали в канцелярию тюрьмы и объявили нам, что, по некоторым причинам, нас должны перевезти в Париж. Мы, конечно, ничего не поняли, а на вопросы о причинах этой меры нам не ответили. В тот же день нас отправили под усиленным конвоем в Париж, в котором заключили в тюрьму Санте. На следующий день после приезда за нами пришел конвой и повел нас по бесконечным коридорам тюрьмы. Нас ввели в огромную комнату. Пораженные, мы остановились на пороге... Здесь были почти все оставшиеся в живых члены «Союза расплаты за Россию»... Не хватало только вас, вашей жены, Зиберы и еще троих. Как я узнал впоследствии, эти трем удалось скрыться от полиции и они словно провалились сквозь землю. Относительно вас я тоже ничего не мог узнать. Анна Годе была присуждена к гильотине, но ее неожиданно освободили.

Все члены «Союза» сидели вдоль стены, на скамейках. В этой же комнате были четыре пожилых офицера — во французской, английской, американской и польской формах. Это были, по-видимому, представители армий Франции, Англии, Америки и Польши. Кроме офицеров, было человек десять штатских. Я с недоумением смотрел на это странное собрание и спрашивал себя, что все это значит. Но ответа не было и все продолжало оставаться непонятным.

Один из сидящих рядом с офицерами, полный, красивый, старый господин, типичный французский буржуа, обратился к старшему конвоя с вопросом, все ли приведены. Тот ответил утвердительно. Тогда господин приказал конвойным выйти из комнаты. Удивленные таким непорядком, конвойные оставили комнату. После этого таинственного вступления господин *встал* и обратился к нам с речью. То, что он нам сказал, было настолько неожиданно, что я, кажется, запомнил все от слова до слова. Вот эта речь:

— *Господа русские!* Мое имя — Альфред Бриар, я — депутат от Верхней Гаронны и мне было поручено изучение дела вашего «Союза» для доклада в Палате депутатов. С первых же страниц это дело чрезвычайно меня заинтересовало... даже поразило. Я изучил ваш устав, протоколы ваших заседаний и тексты речей и это открыло мои глаза на многое, что до сих пор было от меня скрыто. Я был всецело захвачен этим делом, мне открылся новый мир удивительного патриотизма... самоотверженности. Я — француз, ваши деяния — преступления перед моей родиной. Но, тем не менее, я не могу не преклониться перед вами, так как то, что вы задумали — высший подвиг мужества и великой любви к своему отечеству — тех чувств, которые особенно ценятся моим народом. Я буду говорить с вами, как с лучшими и самыми благородными сынами Великой России, временно захваченной кучкой бандитов.

Тяжело говорить о прошлых, великих ошибках моей родины — нет, даже не ошибках, а преступлениях — по отношению к России... Но я не могу не признать — открыто и честно, — что Франция бросила своего друга на произвол судьбы, во власть кровавых тиранов. Вы знаете — увы! — как мы были равнодушны к страданиям России. Не буду, однако, останавливаться на этом: это тяжело и для вас и для меня...

История всегда тяжело карает грубые ошибки в международной политике. Пробил час возмездия и для Франции... Последние дни приносят нам ужасную новость: советские войска перебрасываются на запад и вместе с германцами готовы ринуться... нет... уже ринулись кровавым потоком на мою родину. Мы встретим этот поток так, как подобает храброму народу, но — к чему скрывать? — наше положение ужасно. Наши союзники — Польша, Югославия, Чехословакия, Румыния — не могут дать нам серьезной помощи. Помощь благородной Америки — еще впереди. Приходится искать других путей к спасению от надвигающейся смертельной опасности...

И вот, изучение вашего дела натолкнуло меня на одну мысль, на один план, который должен спасти положение.

Я подумал: «Вот люди, которые могли бы помочь Франции! Они смелые, они самоотверженные, они готовы на подвиг ради своей родины, они готовы отдать за нее свои жизни. Но теперь, волею судьбы, интересы их родины и Франции совпадают. Они хотят свергнуть Советы, — того же хочет и Франция, так что подобный переворот остановит красные войска и удержит их от вторжения во Францию. Почему же не использовать этих людей и их великого плана в интересах обеих стран — России и Франции? Вопрос о вине этих людей отпадает, так как старое должно быть забыто, и новое мировое положение диктует и новое отношение к вам — людям, которых мы считали преступниками. Вас было немного, но вы оказались более правы в оценке страшной красной опасности, чем целый мир. И вот, я хочу предложить вам вопрос: «Согласны ли вы, под нашим руководством и с нашей помощью, возобновить свой «Союз расплаты за Россию»? Согласны ли вы продолжать свою работу — понятно, только в той части вашего устава, которая говорит о терроре среди *советских* руководителей?»

Этот план, одобренный французским правительством, был предложен на обсуждение союзных нам правительств. Интересы этих стран заставили их согласиться с нашим предложением и в настоящую минуту я говорю от лица не только Франции, но и от лица ее союзников. Если вы согласитесь, — ваше освобождение последует немедленно. Никто в мире не узнает об этом освобождении: все будет обставлено глубочайшей тайной.

Итак, согласны ли вы? Франция верит вам, мало того, — она, быть может, вверяет в ваши руки свою судьбу. И вы понимаете, конечно, что эта судьба — судьба и вашей родины, так как свержение Советов не только спасет Францию, но и воскресит Россию.

Бриар кончил свою речь. Мы попросили час на совещание, чтобы обсудить удивительное предложение Бриара. Нас оставили в комнате одних. Кто-то из членов «Союза» сейчас же сказал, что, несмотря на лесть и комплименты ним, наше освобождение стоит только в зависимости от нашего согласия или отказа на предложение Бриара. Таким

образом, мы останемся будто бы, несмотря на заявление Бриара, преступниками в глазах Франции, а вся речь Бриара — лицемерие. На это возразили, что нам нет дела до того, искренне или лицемерно к нам относятся. В нашем уставе сказано: «Все для России!» Таким образом, раз предложение Бриара может принести пользу России, мы должны это предложение принять. После короткого обсуждения все пришли к тому же выводу, и я от имени всех сообщил Бриару, что мы согласны на его предложение. В тот же день мы были освобождены.

После переговоров с моими друзьями я, выбранный новым председателем «Союза расплаты за Россию», заявил Бриару, что главным условием своей деятельности мы ставим полную независимость. Французские власти дают нам деньги, документы и все необходимое, но не имеют права вмешиваться в наш внутренний порядок, в нашу систему борьбы и т.д. Эти условия были приняты.

Большинство из нас владеет французским языком, а некоторые и немецким. Мы решили разделить на три очереди. Первая должна убить руководителей наступления на Францию, если это убийство удастся, вторая очередь убивает следующих сов-вождей, третья — следующих. Если бы первую очередь постигла неудача, — ее работу должна выполнить вторая очередь. Одним словом, мы приняли почти без изменения наш старый устав. Мы произвели жеребьевку. Я попал в первую группу. Мы решили начать действия в Бельгии, в тылу советской армии. Передав председательство Стрепетову, я выехал со своими помощниками в Бельгию, куда мы пробрались кружным путем, через Голландию. И вот мы в Брюсселе. К сожалению, пока дело подвигается вперед плохо. Приходится действовать очень осторожно.

Вот, Лозин, какие события привели меня в Брюссель. И, если хотите искупить свои ошибки в прошлом, — вы можете мне, так как вы близко стоите к Зиберу и советскому командованию. Передавайте мне все необходимые сведения, помогите мне как-нибудь втереться в нужную минуту в советскую армию, — больше мне от вас ничего не нужно.

— Но я дал слово Зиберу... — смущенно пробормотал Лозин.

— Какое слово?

— Слово не вмешиваться в политическую жизнь СССР.

— Как вам не стыдно, Лозин! — возмущенно воскликнул Лерхе. — Неужели слово, данное этому негодяю, провокатору, может иметь какую-нибудь силу? Вспомните его грязное предательство, смерть Малявина, наше долгое тюремное заключение... Бейте его тем же оружием, которое он любит! Вспомните его горячие клятвы и подлую измену этим клятвам. Вспомните, как он говорил, что у нас нет морали, нет этики. «Наша мораль, — говорил он, — родина, наша этика — Россия», «Забудьте благодарность, преданность, любовь, забудьте честность, щепетильность, деликатность», «Красивые чувства не для нас — мы не принадлежим себе» и т.д. Помните, Лозин, что, если на одной чаше весов стоит ваша душа с ее маленькими переживаниями, то на другой — Великая Россия, ее счастье и благополучие. Вы измените своему слову, но вы поможете спасти родину. Что перевесит?

Лозин горячо пожал руку журналисту.

Глава 38

В ПАНСИОНЕ ФРАУ БЕРТЫ

— О, Боже мой! — воскликнула горничная Роза.

Она убирала комнату и складывала обрывки бумаги в корзину.

Вера лениво обернулась и посмотрела на толстую немку, стоящую на коленях. Роза изумленно рассматривала фотографическую карточку, почти разорванную пополам. Вера вспыхнула.

— Почему порваль? — сказала немка. — Такой красивый господин, такой умный... Почему порваль?

Вера порывисто подошла к немке, вырвала у нее карточку и бросила в корзину.

— Это надо выбросить... сжечь! Понимаете?

Роза лукаво посмотрела на красную от гнева и смущения Веру.

— О! — фамильярно проговорила она. — Я понимаю! Раньше любил этта господин, теперь не любил. Теперь карточка не нужно — порваль. Да?

— Идите отсюда! — воскликнула Вера. — Вы говорите глупости.

— Глупости, глупости! Вы всегда так говорит: глупости. Совсем не глупости...

Роза вздохнула, добродушно посмотрела на полуотвернувшуюся Веру, потом подняла надорванную карточку, украдкой положила ее на стол и, взяв корзину, вышла из комнаты.

Вера видела маневр немки. Молодая женщина медленно подошла к столу и взяла карточку. С прекрасно сделанной сепии на Веру взглянули умные, насмешливые глаза Зибера. Тонкие губы, твердый подбородок... Она перевернула карточку и прочла:

«Никогда не думай обо мне дурно, Вера. Если и делал зло, — только во имя других. Я предвижу, что наши пути встретятся. Ты не умрешь, а разочарование во мне исчезнет. Ты простишь мне все и снова вернешься ко мне. Так говорит мне знание жизни, так говорит мне мимолетное прикосновение к твоей нежной душе. Я знаю тебя. Прости мне те тяжелые минуты, что я доставил тебе».

— Правда ли это? — прошептала Вера.

* * *

Вера поселилась на одной из маленьких улиц, выходящих к Ландвер-каналу, около Тиргартена. Молодая женщина заранее, из Москвы, списалась с фрау Бертой Эрдманн.

Когда в Москве было решено, что Вера останется в Германии, она вспомнила о фрау Берте и написала ей — впрочем, без особой надежды, что письмо дойдет по назначению: со времени бегства немки прошло уже много лет. Но письмо дошло и Вера получила ответ. Фрау Берта сообщала, что ей пришлось испытать много невзгод, ее возлюбленный, доктор Лемке, обманул ее и скрылся с частью ее денег. После этого она бралась за различные дела с переменным успехом и, наконец, остановилась на амплу содержательницы небольшого пансиона. Она скорбела о кончине Шаменина, вспоминала счастливые дни далекой жизни в Москве и в заключение выражала готовность приютить «свою дорогую Верочка».

И вот Вера в Берлине.

* * *

Тихо и монотонно текла жизнь в пансионе фрау Берты. Населяли пансион благообразные старички, отставные чиновники, старые девы, два ветерана Великой войны и какой-то инженер. Последнего фрау Берта почему-то особенно уважала и считала самым солидным жильцом. С ним она советовалась, ему доверяла свои дела, ему жаловалась на дороговизну, на гнилой картофель, на новую войну с Францией. Через него же она устроила Вере уроки русского языка в двух богатых берлинских семьях.

В то утро, когда Вера с таким грустным вниманием рассматривала фотографию Зибера, фрау Берта, волнуясь и размахивая толстыми руками, жаловалась своему любимцу-инженеру на испорченное в доме электричество.

— Вы понимаете, это для меня разорение! То лопаются трубы, то звонит звонок, который никто не трогает, то привозят вместо угля торф. Они там, *наверху*, только воют и не думают о населении! Они доводят до того, что ко мне в пансион придут эти проклятые большевики! Тоже, союзников нашли!

Она возмущенно погрозила рукой центру города. Инженер кротко мигал красными веками и о чем-то думал. Потом дотронулся до руки фрау Берты:

— У меня есть два монтера — русских. Они получают на заводе гроши и будут рады маленькому заработку. Через час я пришлю их. Не волнуйтесь, милая фрау. При вашей полноте вам вредно волноваться.

— Вы один меня понимаете, — растрогалась фрау Берта. — О, если б был жив мой бедный Генрих! Я не знала бы тогда ни проклятого торфа, ни пансиона, ни тухлых яиц, которые вечно подсовывает мне бесстыжая Эмма с рынка, ни моей глупой Розы, которая не умеет сварить кофе. Так вы пошлете мне монтера?

Глава 39

ХРОМОЙ КОКАИНИСТ

Одна и та же мысль, назойливая, липкая, неотвязная... Днем, ночью, каждый час, каждую секунду — мысль о Зибере. Вера гонит эту мысль, старается думать о другом, растерянно хватается за книгу, уходит гулять, — но снова всплывает перед ней насмешливое, тонкое, бледное лицо. В темные ночи оно встает перед Верой так резко, что ей хочется крикнуть от ужаса и бежать, закрыв глаза и сжав зубы. Лицо вытягивается, становится сатанинским... Глаза манят, притягивают, увеличиваются, приближаются, вспыхивают огнем, проникают в душу... Вера вскрикивает и просыпается. Но даже прогнав последние остатки сна, Вера снова видит в углу сутуловатую фигуру Зибера и слышит, как он называет ее: «Вера...» Она в ужасе присматривается... но в углу никого нет.

Так путались в ее душе сон и явь, липкие мысли и воспоминания. Она давно уже перестала понимать, любит или ненавидит Зибера и кто он в ее душе: Бог или дьявол. В минуту душевной борьбы она схватила его карточку, порвала

и бросила в мусор. Горничная Роза нашла карточку и вернула ее Вере. И Вера поймала себя на том, что плачет над карточкой и прижимает ее к мокрому от слез лицу. Она нервно рассмеялась, швырнула карточку на пол, задумалась. Потом подняла фотографию и поставила на комод.

Хорошее, солнечное утро. Держа в руке раскрытую книгу, Вера скользит глазами по странице и не понимает даже коротких фраз. Мысли ее далеко: Константинополь, Средиземное море, Марсель, Париж, Андрей, потом эта встреча на раскаленной зноем улице. Потом... этот вечер, когда он овладел ею... его глаза...

— Опять, опять! — вскрикивает она и встает со скамейки.

Потянуло к людям, захотелось поговорить с фрау Бертой, забыться, потушить блеск этих неотступных глаз. Она медленно пошла к выходу из Тиргартена. На минуту задержалась у маленького озера, в чистой воде которого отражались небо и деревья, посмотрела на веселую толпу школьников и вышла на улицу. До пансиона было 10 минут ходьбы. Она вошла в дом. Фрау Берты нигде не было. Ей встретилась одна из жилищ — старая дева с болонкой на руках. Старая дева была сварливая, злая сплетница, ненавидящая людей. Вере не хотелось с ней говорить и она проскользнула незаметно в свой коридор.

В коридоре стояла лестница, на которой у самого потолка копошился с электрическими проводами грязно одетый рабочий. Дверь в комнату Веры была открыта. Женщина заглянула в комнату и замерла от неожиданности. Около комода стоял невысокий, худой человек, который, склонившись, что-то внимательно рассматривал.

— Кто вы? Что вам здесь нужно? — спросила Вера по-русски, забывшись от странного испуга.

Человек вздрогнул, уронил что-то на комод, отскочил в сторону. Он повернулся к Вере. Лицо было незнакомое, растерянное и побледневшее. Глаза смущенно бегали, плечи согнулись, а туловище отвесило униженный, неловкий, быстрый поклон. Незнакомец почему-то торопливо пошарил в карманах пиджака и потом сказал *по-русски*, без всякого

акцента:

— Я монтер... проверяю провода в этой комнате...

— Это не дает вам права трогать мои вещи! — гневно возразила Вера. — Что вы сейчас держали в руке?

Она подошла к комоду и увидела, что монтер, по-видимому, рассматривая карточку Зибера.

— Что вы нашли здесь интересного?

— Простите, — ответил монтер. — Но я русский, давно не бывал в русской обстановке и, попав в комнату землячки, не мог сдержать своего любопытства... и потрогал некоторые вещи...

— Вы читали надпись на карточке? — уже спокойно спросила Вера. Ей стало смешно и своего испуга и растерянности монтера.

— Нет... не читал...

По его бегаящим глазам она увидела, что он лжет. Вера присмотрелась к нему. Что-то жалкое, прибитое чувствовалось в его фигуре. Ему было лет 35... может быть, 40... Лицо больное, бледное, несомненно интеллигентное. Серые, острые глаза избегали смотреть прямо. Впалые щеки, неуверенная улыбка на бескровных губах. Маленькая светлая бородка, маленькие усы. Коротко стриженная голова. Костюм рабочий, засаленный, грязный, сидящий мешком на худом теле.

— Ну, хорошо, — сказала, улыбаясь, Вера. — Земляку я — так и быть — прошу его провинность. Продолжайте вашу работу.

Монтер стал что-то делать около штепселя. Вера взяла книгу и села у окна. Но ей не читалось. Инстинктивно она чувствовала, что его колющие глаза настойчиво следили за ней: это ее раздражало. Он уронил отвертку. Вера вздрогнула и нервно повернулась к нему.

— Еще раз прошу прощения, — сказал он. — Я закончил работу.

Он поклонился и пошел к выходу. Вера заметила, что он сильно хромот.

— Пойдите, — вдруг вырвалось у нее. — Как найти вас, если нужна будет снова починка? Я предпочитаю дать за-

работать русскому.

Он назвал свой адрес, еще раз поклонился и вышел.

* * *

Вера входила в парк, когда кто-то позади крикнул странно взволнованным голосом, по-русски:

— Сударыня!

Это могло относиться, вероятно, только к ней и Вера оглянулась. Она сразу узнала русского монтера. Он догнал ее и, сдернув кепи, сказал:

— Простите, но мне хотелось бы кое о чем спросить вас...

Вера удивленно подняла брови. Он не надевал кепи и нервно мял его в руках. Глаза умоляюще и странно настойчиво смотрели на молодую женщину.

— В чем дело? — спросила Вера. — Что-нибудь относительно работы?

— Нет, — ответил он тихо. — Не о работе. Есть у вас десять свободных минут?

Он осмотрелся и добавил:

— Вы, кажется, шли в парк. Могу ли я проводить вас?

— Пожалуйста, — ответила Вера.

Странное поведение монтера ее заинтересовало. Они вошли в сад и медленно двинулись по прямой, как стрела,allee.

— Я слушаю вас, — сказала Вера.

Но он молчал, по-видимому, не зная, с чего начать. И вдруг спросил дрожащим, хриплым, срывающимся голосом:

— Кто этот господин, там, на фотографии?

— Какой господин? — удивилась Вера.

Она почувствовала, как кровь горячей волной ударила в голову. Ей стало вдруг странно жутко — от этого хриплого, взволнованного голоса хромого монтера.

— Вот тот... его карточка у вас на комоде, в вашей комнате.

Вера остановилась. Он смотрел на нее расширенными, неподвижными глазами. Ей показалось, что он трясется мелкой дрожью. Какое-то сильное переживание... волнение горело в его глазах.

— Послушайте... какое вам дело?

Он схватил ее за руку и торопливо прошептал:

— Это вопрос жизни и смерти для меня! Скажите, кто он? Где он теперь?

Вера вырвала руку из его цепких пальцев и гневно ответила:

— Вы сумасшедший! Что вам от меня нужно?

— Я умоляю вас, — кто он? Мне это очень нужно! Несколько лет я ищу... одного человека, но не могу найти его, он исчез, потерялся... Я нашел его... на вашей фотографии. Я хочу проверить, что я не ошибся. Кто этот господин, где он теперь? Поверьте, что не пустое любопытство толкает меня на эти расспросы, а нечто более важное... Кто бы вы ни были, — помогите мне!

— Ну, хорошо, — сказала Вера. — Его фамилия Зибер, он сейчас, вероятно, в советской армии, которая подходит к Реймсу. Довольны вы?

— Зибер?.. — пробормотал монтер. — Зибер, Зибер... не то, но что-то общее... Впрочем, фамилию можно переменить... Около Реймса? В советской армии? Вы можете дать мне сто адрес?

— Могу, — ответила Вера. — Могу дать адрес штаба, к которому Зибер прикомандирован,

Волнение монтера передалось ей. Какая-то радость, какое-то торжество сияли теперь в его глазах, сменив растерянность и робкое ожидание.

— Если вам не трудно, — забормотал он, заикаясь, — расскажите мне, где и как вы с ним познакомились. Может быть, вы присядете со мной на скамеечке? Вам неловко сесть со мной... с грязным рабочим? Но поверьте, что я из бывших... революция сделала из меня то, что я сейчас. Но все же разрешите представиться: Ринов, бывший офицер, теперь монтер.

— Я не вижу причины стесняться вас, — сказала Вера. — Лишь ваше странное... экспансивное поведение удивило меня в первую минуту. Но если все это для вас так важно, я охотно расскажу то, что знаю о Зибере.

Они сели на скамейку и Вера сжато передала историю знакомила с Зибером, выпустив все то, что лежало на ее душе тяжелым камнем. Он слушал ее с настороженным вниманием. Нервные подергивания землисто-серого лица выдавали иногда его волнение. Он не спускал с нее глаз и от него не укрылось то, что Вере почему-то тяжело говорить о Зибере. Когда она описала наружность Зибера, Ринов воскликнул:

— Это он! А Зибер, если читать эту фамилию справа налево, дает ту фамилию, под которой я его знал. Только сейчас я сообразил эту штуку! Его звали Ребиз!

— Ребиз? — повторила Вера. — Как странно!

— Да, странно... Он вообще странный... — криво усмехнулся Ринов. — Если я нас правильно понял, не особенно красивую роль он играл в вашей компании... Как вы смотрите на это?

— Да, — деланно равнодушно ответила Вера и отвернулась.

Она удивлялась сама себе, своей откровенности. Говорить все это незнакомому человеку! Но удержаться не могла. Хотелось говорить о Зибере, излить все, что наболело. Этот случайный, странный знакомый проявил такое волнение, такое внимание к ее повести, так чутко ловил каждое ее слово, что она увлеклась своим рассказом.

— Почему вы так заинтересованы этим Зибером или... Ребизом? — спросила Вера.

Он подумал и странно сурово ответил:

— Я сейчас очень взволнован... не могу собраться с мыслями и объяснить вам все это. Это очень длинная история. Я должен сначала успокоиться, обдумать ваш рассказ. Если бы вы позволили мне еще раз встретиться с вами...

— Хорошо, — ответила Вера и улыбнулась. — Вы какой-то странный чудак. Вы заинтересовали меня. Я вижу здесь какую-то тайну...

— Да, вы правы. Я чужак и у меня есть тайна. Я ношу ее несколько лет с собою...

Он усмехнулся, потом быстрым движением вынул из жилетного кармана плоскую коробочку, открыл ее, отвернулся и поднес коробочку к носу. «Кокаинист!» — мелькнуло в голове Веры. Он как будто понял ее мысль и с жалкой улыбкой снова повернулся к женщине.

— Я погибший человек. Не удивляйтесь моим странностям. Я жду вас завтра на этом месте. Спасибо вам! До свидания!

Глава 40

ПЕРЕД НОЧНОЙ АТАКОЙ

— Кто идет? — крикнул германский часовой из темноты.

Зибер сказал несколько слов по-немецки и показал пропуск. Солдат опустил приклад на землю и осветил бумагу ручным фонариком. Суровое лицо склонилось над бланком штаба и печатями. Тускло отсвечивал стальной шлем и штык винтовки.

— Проходите, — сказал солдат удовлетворенно и дал дорогу.

Зибер и Лозин пошли дальше, спотыкаясь о выбоины на шоссе. Небо было темное, покрытое тучами. От реки Эны тянуло сырой прохладой. Где-то далеко, далеко пыхтели грузовые автомобили, подвозя германскую пехоту генерала Гессе к берегу Эны. Отсюда намечался главный удар на Реймс, для чего немцы сосредоточили около местечка Барруа ударную дивизию Гессе.

Луч прожектора с французской стороны что-то искал на небе, осветил верхушки деревьев, выхватил из темноты крыши домов в Барруа. Гудели несколько аэропланов, вылетевших в ночную разведку. Вдали часто и глухо стреляла батарея тяжелых орудий. Сначала в небе появлялись зарницы

— отсветы выстрелов. И сейчас же доносилось грозное, громовое — «Ббу- ббух-ух-ух!» — и звуки разрывов.

Навстречу шла темная масса, поблескивая штыками. Звенели ножны, фляжки, лопаты. Масса надвинулась и затопила шоссе. Мрачные, сутулые от ранцев фигуры плыли мимо. Серые противогазовые костюмы плотно облегали тела. У каждого солдата сбоку висел противогаз — страшная, похожая на череп, маска.

— В пяти верстах отсюда, — сказал Зибер, — сегодня утром французы пустили газы. Одна рота немцев по халатности командира погибла целиком.

— А мы?... — спросил Лозин, чувствуя, как сердце сжалось от неприятного чувства. — Ни у вас, ни у меня нет масок. Вдруг сейчас газовая атака... Что мы будем делать?

— В штабе Гессе нам дадут маски и противогазовые костюмы. Но не думаю, чтобы французы успели начать газовую атаку. На рассвете — общее германское наступление. Кроме того, ветер не благоприятствует газовой атаке с французской стороны.

Зибер спросил встречного солдата, как пройти в штаб Гессе. Но солдат ничего не ответил и пошел дальше. Уже в самом Барруа патруль задержал Зибера и Лозина и отвел к своему начальнику, который сидел перед разрушенным домиком и при свете фонаря рассматривая карту. Офицер прочитал пропуск, задал Зиберу несколько вопросов и приказал солдату отвести русских в штаб Гессе. Штаб был расположен в конце местечка. По бокам улицы высились стены разрушенных каменных построек, торчали трубы, обгорелые балки, сломанные изгороди. На мостовой чернели воронки от снарядов.

Около ограды церкви лежала темная груда. Лозин вздрогнул, когда подошел ближе: эго были трупы... сотни трупов, сваленные беспорядочно и как попало.

— Это жители Барруа, — сказал Зибер. — Почти все население... Они задушены сегодня утром... объединенной газовой атакой аэропланов и танков.

— Что? Что?? — похолодел Лозин. — И женщины... и дети?

— И женщины и дети, — спокойно ответил Зибер. — Что же тут нового? Так было повсюду в местах боев. Население страдает не меньше, чем войска. Лес рубят — щепки летят...

Крыша церкви, разбитой снарядами, наполовину свесилась вниз, ветер раскачивал листы кровельного железа и они издавали неприятный, режущий ухо скрежет. На фоне неба четко вырисовывались, как паутина, спутанные обрывки обрывки каких-то ползучих растений, еще недавно украшавших стены деревенского храма. Было жутко, как на кладбище.

Они вышли на деревенскую площадь. Стояли бесформенные чудовища, составленные в правильные ряды.

— Танки, — сказал Зибер. — Им принадлежит честь взятия Барруа. Сто этих машин, опоясанных страшным газом, прорвали французскую линию и взяли Барруа, разрушив огнем и своей тяжестью половину домов в местечке.

Лозин с любопытством подошел к одному из танков и с невольным чувством уважения погладил бронированную стенку чудовища. Через прорези стенки торчали пулеметы, стволы двух пушек и какие-то трубы. Лозин вспомнил, что читал в немецком журнале об этих трубах. Это были аппараты для выбрасывания газовых мин. Мина выскакивала из трубы, летела на известное расстояние и взрывалась, распространяя ядовитые газы. Каждый из танков весил около 3,000 пудов, мог пройти 45 верст в час и выпускал в минуту 6,000 пуль. Танк мог подняться на крутую гору и пройти сквозь стены каменного дома. На рассвете предполагалось пустить 300 этих страшилищ на французскую укрепленную полосу. Должен был произойти бой бронированных чудовищ, так как французы сосредоточивали в тылу свои танки.

Германский солдат остановился у большого каменного дома, перед которым стоял спешенный кавалерийский отряд и несколько автомобилей. Окна дома были завешены изнутри чем-то темным, но свет проникал в щели. Над домом торчали короткие мачты радиоантенны.

Зибер и Лозин снова предъявили свои документы часовому и вошли в дом. Одновременно с ними в дом вошел молодой, высокий мужчина в форме летчика СССР. Он рассеянно взглянул на Зиберу и вдруг воскликнул:

— Товарищ Зибер! Вот удача! Веселее будет в этой чертовой дыре!

Зибер радостно пожал руку летчика и ответил:

— Я для связи с немецким штабом — по делам административного управления.

— А я — для аэросвязи от нашей соседней армии Заметова. Прилетел на своем аэроплане. Сегодня на рассвете будет веселое дело. Немцы прорвут французский фронт и тогда мы в Реймсе.

Зибер познакомил Лозина с летчиком, который назвал себя Ураловым. У него было милое, открытое, веселое лицо и Лозин сразу почувствовал к нему симпатию.

— Рекомендую, — скатал Зибер Лозину, взяв летчика под руку. — Один из способнейших командиров нашей армии. Самородок... из крестьян Орловской губернии. Молод, но уже кончил красную академию. Будущее военное светило СССР!

— Ну, уж вы наскажете! — скаля зубы, проговорил Уралов.

Он вытащил из кармана записную книжку, заглянул в нее, что-то записал и потом обратился к Зиберу.

— Вот, Зибер... Если хотите посмотреть картину современного боя, я могу взять вас на свой самолет. Я должен сделать утром несколько воздушных снимков с Реймса. Вылечу еще ночью. Хотите?

— Мне некогда, — ответил Зибер. — Я не могу покинуть штаба Гессе. Впрочем... попутчик у вас есть. Хотите, Лозин?

Лозин охотно согласился.

Они направились в комнату, где находился со своими офицерами генерал Гессе. У дверей их встретил адъютант. В большом зале стоял дым от сигар и трубок. В углу расположились радиотелефонисты с наушниками. За длинным столом сидел тучный, лысый старик в расстегнутом мундире и что-то говорил усатому, мрачному полковнику. Вокруг, в

почтительном молчании, стояли еще пять-шесть офицеров. На столе лежали карты, утыканные разноцветными флажками. Старик неторопливыми движениями передвигал по карте раскрашенные деревяшки разных форм и миниатюрные модели танков.

— Генерал Гессе, — прошептал Уралов, показывая глазами на старика.

— Кто? Что? Что им нужно? — уставился на них лысый старик.

Адъютант прошептал что-то ему на ухо. Старик мрачно буркнул ответ и снова обратился к полковнику. Адъютант подошел к Уралову и, щеголяя знанием русского языка, проговорил с легким поклоном:

— Господа, генерал, к глубокому *прискорбию*, очень занят. Генерал просил извинить его. Вам приготовлены *покои*. Прошу покорно следовать за мной.

Он проводил гостей в комнату, где стояли походные кровати и стол, велел солдату принести кофе и ушел.

Уралов прилег из кровать, с наслаждением вытянул ноги, закурил и сказал:

— Нет смысла спать. Атака будет через час, за три часа до рассвета.

— Но еще темно, — удивился Лозин. — Как же в такой темени можно наступать большими массами?

Уралов снисходительно улыбнулся.

— Немцы — большие сторонники ночного боя и разработали его теорию и, насколько возможно, практику в совершенстве. Современные технические условия войны создают положение, когда атакующий рискует быть уничтоженным, не дойдя до противника. Воздушные силы Франции представляли из себя такое грозное оружие, что немцы давно уже решили прибегнуть к ночным операциям в крупном масштабе и этому обучили свои войска заранее. Ночные действия почти парализуют работу аэропланов, делают разведку и корректирование стрельбы невозможной задачей. Ночью наступающий неприятель сильнее действует на психику войск, кажется страшнее и многочисленнее, особенно, когда нападение произведено неожиданно и бесшум-

но. Разгром французской армии на бельгийской границе... этот мощный удар своим блестящим успехом обязан именно неожиданности ночного нападения. Французы не сумели ориентироваться в направлении германо-советского удара и в одну ночь потеряли почти всю линию границы. На следующий день после этого немцы и наши войска продолжили наступление, создав *искусственную* ночь. По всему фронту мы наступали в дымовой завесе и густом тумане, который родился в баллонах и приборах наших химиков. Сегодня задуман такой же ночной натиск на Реймс. Я думаю, что...

Он не закончил.

Глухой, страшный удар потряс землю — за ним второй, третий... все крутом застонало, затрещало, посыпалась штукатурка с потолка, зазвенели стекла.

— Тяжелая артиллерия! — проговорил Уралов. — Начинается...

Глава 41

ПТИЦА ИЗ АЛЛУДУРА

— Вот и мой бипланчик, — с нежностью в голосе сказал Уралов.

Он показал рукой на силуэт летательной машины, стоявшей в тени огромной палатки, в которой помещалась походная авиамастерская. Около аэроплана хлопотали два германца — механики авиаотряда.

— Любимый мною тип машины, — продолжал Уралов. — Не выношу громоздких аэропланов. Мой биплан — точно балерина: легок, подвижен, изящен. Скорость — 400 километров в час, два пулемета, тонна бомб, аппарат для фотографирования, радиотелеграф. Чего еще? Достаточно для ловкого пилота, чтобы доставить врагу максимум удовольствия! Все чувствительные части машины защищены германским сплавом из алюминия — *аллудуром*. Я не гонюсь

за боем. Я — разведчик. Мне нужно проскользнуть незаметно, высмотреть все, что я поставил себе задачей, сфотографировать, — и домой. Когда я возвращаюсь с разведки — тогда можно и побаловаться: парочку-другую бомб сбросить. Но сегодня я лечу только в увеселительную прогулку. Хочу сфотографировать Реймс. Должен все же предупредить вас, что возможны неприятные встречи... в воздухе. Вы не очень нервны?

— Нет... — рассеянно ответил Лозин.

Он почти не слышал болтовни Уралова. На него возбуждающе действовала ночь и обстановка близкого боя. Он был сам в дыму сражений и чувство рядового бойца было хорошо ему знакомо. Но такого грохота, такой оглушительной, сливающейся в один гул стрельбы он еще не слышал никогда. Слова Уралова долетали до него непонятными урывками. Даже свист пропеллера, который на пробу пустили в ход механики, почти не долетал до его ушей.

Где-то далеко, как раскаты грома, слышны были взрывы. Ветер доносил запах гари и дыма. На западе часть неба была охвачена багровым заревом: пылала в огне французская деревушка, зажженная авиабомбами. По шоссе один за другим, непрерывной лентой, бежали грузовые автомобили, наполненные германскими солдатами; на некоторых машинах торчали дула орудий, стояли ящики со снарядами и какие то необыкновенно сложные приборы и аппараты.

— Садитесь! — прокричал Уралов.

Лозин неловко взобрался на сиденье машины. Он сразу утонул в мягком, удобном кресле. Уралов помог пристегнуть ремни, которые плотно прикрепили Лозина к сиденью, и сел на свое место. Лозин одел большие круглые очки и огляделся.

Далеко впереди смутно вырисовывался лес, прямо перед аэропланом чернело огромное поле, по которому машина должна была пробежать некоторое расстояние перед взлетом.

— Готовься! — крикнул Уралов механикам.

Один из солдат схватил лопасть пропеллера, с силой при-
тянул ее к земле и отскочил в сторону. Одна, две вспышки

в моторе — и впереди машины появился бешеный вихрь, сверкающий круг, серебристо-красный от зарева на небе. Машина мелко-мелко, часто задрожала, рванулась вперед и побежала по полю. Лозину показалось, что далекий лес со страшной быстротой надвигается на машину и вот-вот раздавит ее... Но когда лес был уже совсем близко, он вдруг стал куда-то проваливаться и исчез внизу.

Лозин посмотрел вниз и невольно схватился за сиденье. Огромное черное поле, лес, какие-то постройки, лента шоссе — были уже далеко-далеко под машиной, в туманной, черной глубине. Лозин почувствовал приступ тошноты и поднял глаза вверх. Темное небо, казалось, приближалось, становилось все больше. На востоке светлые полосы указывали на близкий рассвет; на западе ширилось и росло огненное, победное зарево пожара. В лицо бил холодный ночной ветер. Неприятное, томительное чувство тошноты и стеснения в груди стало проходить.

Блеснула скрытая ранее лесом светлая извилистая лента Эны. По берегу реки часто вспыхивали огоньки, то одиночные, то целыми группами. «Разрывы снарядов», — подумал Лозин. Высоко в небе поднимались тучи ракет и держались в воздухе, мерцая, словно звезды.

Картина была величественная, захватывающая — Лозин расширенными глазами смотрел вниз через свои очки на необъятный простор, раскинувшийся внизу под машиной.

Постепенно отдельные детали местности стали вырисовываться яснее. Восток все больше светлел. Уралов спустил машину ниже. Показался мост через Эну. Средняя ферма моста была взорвана и одним концом упиралась в дно реки. Левый берег, у моста, был окутан дымками разрывов.

Лозин взял висевший через плечо бинокль и поднес его к глазам. Несмотря на все старания, ему не удавалось найти людей по берегам реки. Все казалось пустынным, а между тем он знал, что здесь сосредоточены и спрятаны десятки тысяч людей. В одном месте он заметил на земле правильные зигзагообразные линии и решил, что это окопы.

Стало совсем светло. Лозин ощущал лицо. Оно было мокро от утренней росы. Кожаный костюм покрылся каплями воды. Только сейчас Лозин почувствовал, что трясется от холода и нервного волнения. Он достал из кармана фляжку с ромом и сделал несколько глотков. Приятная теплота разлилась по телу. Он снова схватил бинокль и приложил к глазам.

Машина спустилась еще ниже и Лозин увидел теперь и людей. На шоссе тянулась вереница автомобилей, которые казались совершенно неподвижными. Пестрели отряды пехоты и кавалерии. В глубоком тылу у немцев, по ровной, как линейка, насыпи полз окутанный дымом поезд.

Аэроплан сделал поворот и за излучиной реки открылась огромная равнина, покрытая кое-где рощами и виноградниками. Это, видимо, было главное поле боя. Равнина была окутана густым искусственным туманом. В перерывы между клубами тумана видна была густая сеть окопов.

В одном месте Лозин заметил редкие цепи бегущих людей, сейчас же скрывшихся в тумане. В другом месте тянулась правильная линия приземистых, неповоротливых танков.

Уралов снова повернул машину. По положению реки Эны Лозин понял, что они летят в тыл французам. Река осталась далеко позади, местность очистилась от тумана, замелькали многочисленные фермы и деревушки, еще не разрушенные войной, утопающие в зелени садов и виноградников.

Неожиданно почти рядом с аэропланом сверкнул огонек. Послышался явственный треск, как будто разорвали кусок полотна. Машину рвануло в сторону, но она сейчас же выровнялась. Лозин сначала не понял, в чем дело. Но, когда он увидел, что — то впереди, то позади машины — появляются облачка черно-желтого дыма, — ему стало ясно, что их обстреливают. Уралов круто взял вверх — и французы потеряли прицел.

Минут через пять машина накренилась вперед и пошла книзу — быстро, стремительно, как камень. Лозин почувствовал, как в нем все обмерло; приступ тошноты с новой

силой охватил его. По спокойному положению Уралова Лозин понял, что все благополучно. Вместе с тем он увидел, что Уралов внимательно рассматривает что-то внизу. Лозин проследил его взгляд и увидел невооруженным глазом, что по шоссе движется густая колонна пехоты. «Французы!» — подумал он. Аэроплан стал круто поворачивать назад. Внизу что-то трещало... слышался взрыв. Уралов делал короткие круги, спускаясь все ниже. Лозину стали видны фигурки солдат, бегущих в разные стороны. На шоссе осталось несколько неподвижных пятен.

«Трупы! — подумал Лозин. — Откуда этот снаряд?» Новый взрыв закрыл от него французов. Только теперь Лозин обратил внимание на манипуляции Уралова, который смотрел в какую-то трубу около своего сиденья и время от времени передвигал рычаг ящика, вделанного в дно лодки биплана. «Боже мой! — подумал снова Лозин. — Да это мы бросаем бомбы!» Он с ужасом перевел глаза на шоссе, но уже ничего не было видно, так как аэроплан изменил свое положение. Они снова поднялись вверх.

Вдали показалась река Вель, на которой стоит Реймс. И в это мгновение Уралов неожиданно резко стал поворачивать машину обратно. Лозин тревожно посмотрел вокруг и успел заметить несколько точек на небе, которые приближались к ним со стороны Реймса. «Французские истребители!» — испуганно подумал Лозин. Видимо, Уралов решил бежать перед лицом сильного противника. Мотор гудел с полным напряжением, аэроплан содрогался и трещал. Ветер бил в лицо с такой силой, что Лозин начал задыхаться. Земля уходила вниз, Уралов брал высоту.

Заблестела Эна. Лозин облегченно вздохнул, когда увидел, что от реки летел навстречу отряд больших монопланов и бипланов: это могли быть только немцы. Со страшной быстротой аэропланы приблизились, встретились и исчезли позади.

Уралов стал спускаться. Внизу расстилались постройки Барруа и поле, с которого биплан Уралова поднялся полтора часа тому назад. Поле становилось все больше и больше, видны были отчетливо и ясно редкие постройки, отдель-

ные деревья, люди. Казалось, что аэроплан сейчас ударится о землю. Лозин невольно закрыл глаза и сжал руки...

Легкий толчок — машина покатила по земле, прыгая на неровностях, и остановилась. Лозин открыл глаза. К ним бежали германские солдаты. Уралов легко выскочил из аэроплана, сиял шлем и очки и повернул к Лозину бледное, но улыбающееся лицо.

— Не удалось вам посмотреть Реймс! — сказал он. — Боевые бипланы не позволили. Я не хотел рисковать — и назад. Ну, как вы?

— Ничего, — ответил Лозин. — Страшновато было...

Уралов подозвал германского солдата и заговорил с ним. Лозин прыгнул с аппарата.

— Все в порядке! — повернулся к нему Уралов. — Германские танки и кавалерия с пулеметами уже заняли предместье Реймса. Поздравляю вас: вы еще сегодня сумеете снять своим фотографическим аппаратом Реймский собор!

ГЛАВА 42

ИСТОРИЯ ПОРУЧИКА РИНОВА

Серые глаза Ринова, не отрываясь, следили за лицом Веры, пока он медленно говорил:

— Я сам удивлялся своей смелости, когда решился... пристать к вам на улице и задать вопрос, который касается вашей... интимной жизни. Мое поведение граничило с нахальством. Но вопрос этот для меня чрезвычайно важен... вы не подозреваете, как он для меня важен. А потом... потом, я столько перетерпел за эти проклятые годы, столько унижений и горя, что еще один щелчок по носу для меня ничего не значит. И вот я рискнул...

Он рассеянно посмотрел вдоль прямой аллеи, в конце которой они сидели. Вера быстро взглянула на его бледное лицо и неуверенно спросила:

— Я не совсем вас понимаю... Почему вы решили, что этот вопрос касается моей интимной жизни? При чем здесь моя интимная жизнь?

Он быстро повернулся к ней и в его глазах она увидела легкую насмешку.

— Я обманул вас... я прочел то, что было на обороте карточки. Таких вещей не пишут просто знакомым. Вы были близки с Зибером...

Вера вспыхнула, хотя была еще раньше почти уверена, что Ринов читал надпись на карточке.

— Ваши выводы очень смелы! — гневно сказала она. — Кто дал вам право...

— Простите, — умоляюще заговорил Ринов, слегка тронув ее руку. — Я не хотел быть дерзким... Наша дальнейшая беседа докажет нам, что не легкомыслие и пустое любопытство заставляют меня задавать вам эти вопросы. Клянусь вам! Вполне понятно, что вы хотите узнать причину моего странного поведения и цель моих расспросов. То или другое объяснение я вам должен дать. Но предварительно я хотел узнать, что вы чувствуете к Зиберу, так как вся суть в нем. Надпись на карточке заставила меня насторожиться в своих расспросах о Зибере. Когда я читал надпись, мне она была непонятна. Почему он писал, что вы должны разочароваться в нем и простить его за какие-то тяжелые минуты? Но мне было понятно, что Зибер пишет какой-то близкой женщине. Это ясно. Тут в комнату вошли вы — и мои размышления были прерваны. Простите меня, но я сейчас же подумал: «Вот его любовница!» Разве надпись не дала мне права так подумать? Я растерялся, когда вы накрыли меня... но это не помешало мне с жадным любопытством смотреть на вас, смотреть на женщину, с которой, может быть, еще недавно говорил Зибер... Во мне все торжествовало, пело: я нашел Зибера, нашел моего... впрочем, об этом после... На другой день, после бессонной ночи, я встретил вас и вы рассказали о роли Зибера в вашем «Союзе расплаты за Россию». Я знаю Зибера — и эта роль меня не удивила. Иначе он и не мог поступить.

— Откуда вы его знаете? — перебила Вера, сидевшая все время с опущенной головой, смущенная, но и заинтересованная.

— После... После! — нетерпеливо махнул рукой Ринов и продолжал. — Что-то было в интонации вашего голоса, когда вы говорили о Зибере, что заставило меня насторожиться и задуматься. Ваше смущение, когда вы упоминали имя Зибера, какой-то тайный гнев, даже ненависть, вкладывали вы в рассказ. Ваши слова становились все более страстными. Постепенно, незаметно, центром рассказа стал Зибер. Он заслониł собой все другие персонажи, он стоял здесь, около нас, и вы видели только его... И мне все стало понятно, когда я сопоставил ваш рассказ с надписью на карточке. «Она его любила, — подумал я. — А сейчас? Любит его или ненавидит?» Я следил за вашим лицом и ловил на нем все новые и новые признаки гнева и ненависти. Вы не замечали, что проговариваетесь, — я замечал все. По-видимому, вы просто вылили то, что было на душе, найдя во мне благодарного слушателя. И именно потому, что ваши слова были так непосредственны... шли из самой глубины души, — все это было для меня особенно ценно. Новые мысли... новые планы зародились у меня в голове, когда я увидел, что оскорбленная гордость женщины мучает вас. Вы ненавидите его, ведь правда? И вы ненавидите его не только как предателя, но и как человека, который сделал зло вам лично... Вы не можете отрицать этого, вы не скроете этого, не посмеете! Ведь правда? Правда?

Он в упор смотрел на Веру немигающими, жуткими глазами, его лицо подергивалось от волнения, слова вылетали свистящим шепотом. И во всей его жалкой, худой, нервно дергающейся фигуре, в молящем выражении желтого лица чувствовалось такое жгучее нетерпение, что странное желание поделиться с этим человеком своими мыслями снова охватило Веру.

— Да... я ненавижу его... — с усилием сказала она.

— Но... за что? — скорее угадала, чем услышала Вера.

— За то, что он... осквернил меня, испортил мою жизнь, за то, что он уничтожил мою веру в людей, за то... ах! Ты-

сяча причин есть, которые мучают меня и разжигают злобу к нему! А, да что уж! Я не знаю вас, кто вы, что вы, но чувствую, что у вас нет причин любить Зиберу... Я не могу молчать! Хочется посоветоваться, поговорить — и не с кем, ни одной души... Слушайте, я расскажу вам все...

И она, действительно, рассказала все, не утаила ни одного факта. Сентиментальная душа ее, оскорбленная, обиженная, требовали ласки, участия, слова сочувствия. Ринов впился в ее лицо, запоминал каждую фразу, собирал в своей памяти каждое слово — с такой жадностью, с какой умирающий от жажды собирает в сосуд капли дождя. Несколько раз он вынимал плоскую коробочку и быстрыми, глубокими вдыханиями сладкого яда возбуждал себя.

Когда Вера кончила рассказ, он спросил:

— Я не понимаю, как же это... ваш муж может дружить с этим предателем и... соперником?

— Ах! — воскликнула Вера и нотка презрения не укрылась от Ринова. — Нужно знать его. Ни воли, ни характера... ничего! Им руководит какая-то глупая благодарность к Зиберу за мое спасение и детское желание видеть... гибель большевиков в Европе. Наивный мечтатель...

— Почему же вы оставили карточку Зиберы? Вы так его ненавидите...

Вера покраснела.

— Он оставил такой след... страшный след в моей жизни, что забыть о том, что произошло, я не в силах. И разве я забуду его, если... уничтожу его карточку? Мы бережем память не только о любви, но и о ненависти...

— Зачем он сделал эту сентиментальную надпись на карточке, раз не любил вас?

Вера горько рассмеялась.

— Это позерство, красивый жест — ну, если хотите, подлое желание уверить в его несуществующих чувствах ко мне. Ах, не знаю, что!

Они долго молчали, каждый думал о своем, оба взволнованные, нахмурившиеся. Вера первая прервала молчание.

— Вы обещали рассказать о Зибере. Что знаете вы о нем? Вероятно, я не ошиблась, когда чувствовала в ваших расспросах ненависть к нему...

— О! — воскликнул Ринов, мгновенно оживляясь. — Вы не ошиблись, вы не ошиблись! Я еще больше ненавижу этого дьявола, чем вы! Много лет прошло с тех пор, как я с ним... расстался — и нет часа, чтобы я не вспомнил о нем, не проклинал его. Если у вас есть запас терпения, я расскажу вам историю... нашего знакомства. Слушайте же: история презанятная...

Он как-то сразу побледнел, прищурил глаза, несколько раз рассеянно провел по лбу, подумал и начал свой рассказ...

* * *

... Юному поручику Ринову нужно было бежать из этого таящего смерть города, нужно было бежать, прятаться, исчезнуть, заставить забыть даже свое имя. Нужно было пользоваться тем, что румынская граница близко. Остаться здесь? Здесь, где на каждом шагу он может услышать роковое «А, Ринов! Вы арестованы!» Поведут грязные, оборванные, с грязными красными тряпками на руках люди; встретит безусый комиссар во френче, галифе и шевровых сапогах: скажет равнодушно, не глядя, заученные, малопонятные для него самого фразы о мировой революции и ее врагах. А там — несколько дней в тюрьме, среди издевательств и нравственных пыток. Потом — смерть, бессмысленная, одинокая, буднично-просто обставленная, где-нибудь за городом, у первой канавы, от рук тех же равнодушных, безучастных людей, лениво свертывающих сигарки с видом зевак на ярмарке.

И Ринов часто ловил себя на мысли, что ему страшна не смерть, которую он видел не раз за годы войны: о смерти он думал мало. Была страшна обстановка смерти: яма, сумрачный рассвет, серые лица красноармейцев, равно-

душные шутки и издевательства.

Удерживала Ринова здесь лишь мысль о брате, полковнике, который был на днях пойман красными и бесследно исчез. Полковник Владимир Ринов играл видную роль в Добровольческой армии и большевики особенно за ним охотились. Говорили, что он был опознан агентами красной контрразведки на улице, арестован и куда-то увезен. Это было страшным ударом для Ринова, который, рано потеряв отца и мать, привык видеть в брате единственного во всем мире близкого человека, учителя и друга. Теплилась еще слабая надежда, что брат жив; мучила мысль, что брат изуродован, убит.

Но он не мог помочь... Нужно было спасать себя... бежать.

* * *

Он пробирался к заветной цели, прячась от людей, как загнанный зверь, идя ночами, обходя жилые места. Он оброс волосами, лицо и руки огрубели, обмороженные, грязные и потрескавшиеся. Одежда пропахла потом, кишела насекомыми. Ноги были стерты в кровь, распухли и отказывались служить. Он уже несколько дней шел вдоль железнодорожной насыпи, убегавшей к югу, к спасению.

Некоторое время он не решался приближаться к станциям, потом стал заходить в железнодорожные поселки, покупал хлеб, молоко, холодное мясо. То, что на него не обращали внимания, ободряло его и придавало смелости. В темную ночь он залез в пустую теплушку и в ней проехал несколько станций. Когда поезд остановился на каком-то полустанке, он вылез и узнал, что до румынской границы осталось меньше 100 верст.

Зайдя в почти пустой зал буфета, Ринов купил кусок черствого, старого хлеба, достал кружку чая без сахара и с наслаждением выпил. Разморенный теплом, он пересел на

просиженный, драный, клеенчатый диван в углу залы и не заметил, как заснул.

Глава 43

БЕСЕДА ЗА САМОВАРОМ

Его разбудил какой-то сильный шум, шаги, грубые голоса, стук дверей. Он приподнялся и огляделся. В комнате находилось пять-шесть матросов, вооруженных револьверами. Они поминутно выходили в дверь, возвращались, тащили какие-то чемоданы, сундуки. У стола сидел человек с тонким, очень бледным, интеллигентным лицом, бритый. Он что-то торопливо, тоном приказа, говорил стоящему около него матросу с красным бантиком на груди и офицерской пашкой сбоку. Иногда бритый заглядывал в разложенные перед ним бумаги и делал в них отметки синим карандашом. Через некоторое время матрос с офицерской пашкой собрал со стола бумаги, положил их в портфель и, отдав по-военному честь, вышел.

Бритый поднялся со стула, потянулся и зевнул. Заметив Ринова, внимательно посмотрел на него насмешливыми, красивыми глазами, потом повернулся и крикнул в дверь:

— Тузов, чаю!

Один из матросов показался в дверях и переспросил:

— Чего изволите, товарищ Ребиз?

Бритый повторил свое приказание.

«Ребиз!» — подумал Ринов и стал вспоминать, где он слышал эту фамилию. И вдруг вспомнил и удивился тому, что забыл ее. Эта фамилия была грозой юга России и принадлежала одному из самых жестоких деятелей красной контрразведки, начальнику карательного отряда черноморских матросов.

Ринов почувствовал, что побледнел. Он встал с дивана и стал торопливо собирать свой скудный багаж, украдкой

взглядывая на Ребиза, который медленно похаживал по комнате и что-то тихо напевал. Раза два он пытливо взглянул на Ринова. Встречаясь взглядами, Ринов торопливо отводил глаза и, стараясь сделать лицо равнодушным, смотрел в другую сторону. «Чего он смотрит на меня? — мучительно думал молодой человек. — Подозревает? И чего я отворачиваюсь? Надо обязательно выдержать взгляд, обязательно!» И сейчас же он снова отвернулся, случайно встретившись глазами с Ребизом. «Фу, как глупо! — с досадой думал Ринов. — Надо это кончить! Уйти? Нет! Пожалуй, лучше заговорить, спросить что-нибудь. Когда приходит поезд... или попросить спички».

Он встал и подошел к Ребизу. Деланно-спокойно, звенящим голосом, он попросил спички. Ребиз в упор смотрел на офицера и молчал. Ринов повторил просьбу. И вдруг Ребиз заулыбался, глаза его сделались веселыми, добродушными.

— Я не курю, товарищ, — сказал он, — и спичек у меня нет.

Ринов вспыхнул, извинился и отошел к своему дивану. Ребиз позвал матроса, взял у него спички и подошел к Ринову.

— Вот, товарищ, пожалуйста.

Ринов закурил и вернул спички матросу. Ребиз походил по комнате и вдруг подошел к Ринову, сел рядом с ним на диван и спросил:

— Куда едете, *господин*? Простите, что мешаю вам: скучно, хочется с кем-нибудь поговорить. Мои ребята надоели до смерти, а вы, я вижу, человек интеллигентный.

— Торговать еду, — ответил Ринов.

— В такое время? Куда же? В Румынию? И документы имеете?

— Имею.

Ринов торопливо полез за паспортом. Ребиз пристально посмотрел на молодого человека и тихо проговорил:

— Нет, нет, мне ваших документов не нужно. Я так спросил: к слову пришлось. — Он задумался.

«Надо говорить что-нибудь, — лихорадочно думал Ринов. — Нельзя молчать! Раз заговорил — надо отвлечь его от подозрений и расспросов».

— Скажите, товарищ, — начал он равнодушно. — Это вы и есть комиссар Ребиз?

Ребиз усмехнулся.

— Я и есть — знаменитый, кровавый Ребиз, истребитель офицеров, гроза буржуев! Боятся меня здесь, на юге, как пугала. Вот и вы, молодой человек, хоть вы и не офицер и не буржуй, а боитесь меня — я ведь вижу, что боитесь! Правда?

— Чего мне бояться? — натянуто улыбаясь, сказал Ринов.

— Как чего бояться? — удивился Ребиз. — Я — Ребиз, неограниченный владыка и повелитель всего местного населения! Я не даю никому отчета в своих действиях, я делаю, что хочу, расстреливаю, кого хочу. Вот сейчас, например. Прихожу я на станцию, вижу — сидит молодой человек, по виду — интеллигент, может быть, белый. Держит он себя странно, до очевидности ясно волнуется, краснеет, бледнеет. Беру я этого молодого человека, расстреливаю, а потом пишу, что вот, мол, поймал офицера и по суду военно-революционного трибунала сего молодого человека отправил на тот свет или, как мы *технически* выражаемся, в штаб Духонина. Разве я не могу этого сделать, разве вы этого не понимаете и не боитесь? Нет, вы боитесь, молодой человек, я вижу, что вы боитесь. Меня не обманешь! Правда, боитесь?

— Боюсь! — вдруг вырвалось у Ринова. — Много слышал о вас дурного... ложные слухи всякие...

— Ничуть не ложные! — загорячился вдруг Ребиз. — Правильно все это, правильно! Ах, если бы вы, молодой человек, знали, сколько я душ загубил! И все во имя народа, во имя нашего святого народа, во имя его счастья, молодой человек! Вот вы, может, думаете в душе: «Зверь, зверь, убийца!» А я, если мне предложили бы спокойствие души, спокойствие совести, так сказать, — я отказался бы. Отказался бы обязательно. Потому что теперь я нашел себя, на-

шел оправдание своей жизни, нашел ее цель. Я убиваю, расстреливаю во имя идеи. Не думайте, что меня эти убийства не мучают, не терзают: моя душа болит, страдает. Но когда я вспоминаю, для чего все это, — мне становится так легко, так хорошо! Пусть меня зовут зверем, — я и сам иногда зову себя зверем. Но я знаю, что то, что я делаю, нужно.

В комнату вошел матрос, неся огромный, окутанный паром самовар. Потом матрос принес корзинку, вытащил из нее посуду, хлеб, холодное мясо, бутылку водки, заварил чай и ушел.

— Не хотите ли составить компанию? — предложил Ребиз.

Ринов решительно встал и подошел к столу. Странно чувствовал себя молодой офицер. Убаюканный словами Ребиза, он погрузился в какую-то апатию, готов был сделать все, что скажет Ребиз, готов был верить, что эта случайная, страшная встреча вовсе не так опасна и что все кончится благополучно. Но временами острая, тревожная мысль пронизывала его мозг, заставляла молодого человека вздрагивать: «А не игра ли все это, не ловушка ли? Чего этот странный человек вдруг разоткровенничался со мною, случайным встречным? Нужно быть настороже, молчать, слушать — пусть говорит!»

Ребиз налил два стакана чая, достал из корзинки сахар, наполнил маленький стаканчик водкой, быстро выпил и предложил водки Ринову. Тот отказался.

— Не пьете? И хорошо делаете. А я, вот, с некоторых пор пристрастился — не могу без нее. Совесть заливаю, мучения души...

Он насмешливо улыбнулся.

— Всякому извергу сие полагается — т. е. водку пить! Без этого нельзя: не все атрибуты изверга будут. Ну, кушайте, молодой человек, пейте. Как вас звать-то?

— Алексей... Семенович, — с запинкой проговорил свое новое паспортное имя Ринов.

Ребиз усмехнулся.

— Так вот, Алексей Семенович. Вы, может быть, слышали, что я бывший инженер. Значит, человек с высшим

образованием, хлебнувший кое-что из чаши наук. Могу с гордостью сказать, что я мало похож на наших инженеров, которые ни одной книжки, помимо своей узкой специальности, не откроют за всю свою жизнь. Я кое-что почитал на своем веку. Знаю хорошо немецкий и французский, немецкую и французскую литературу, конечно, и русскую...

«Чего он хвастает? — подумал Ринов. — Разоткровенничался, рисуется!»

Ребиз словно угадал мысли офицера.

— Вот вы думаете, наверное: чего он болтает — хвастает поди, подлец! А я не для хвастовства все это говорю. Просто я хочу, чтобы вы видели, что не с хамом разговариваете, а, прежде всего, с человеком интеллигентным, человеком идейным. Не за деньги я пошел в народ, не для власти, а идее служить. Мне неприятно, тяжело, когда меня принимают не за то, что я есть на самом деле. И особенно тяжело, когда меня не понимают интеллигенты. Вот, мол, инженер... кончил институт, а не только к большевикам ушел, но и перешеголял их жестокостью, кровожадностью... Кстати, Алексей Семенович, вы не студент?

Ринов быстро взглянул на Ребиза. Его лицо было спокойным и равнодушно-любезно.

— Студент, — ответил Ринов.

— Ну, вот. Вы студент. Скажите, как по-вашему: может быть мне оправдание, что я пошел с большевиками? Откровенно скажите. Мы сейчас частные люди, ведем частную беседу. Забудьте, что я — комиссар.

«Ловит!» — подумал Ринов. Но лицо Ребиза было по-прежнему равнодушно, глаза смотрели открыто.

— Как вам сказать? — с усилием проговорил Ринов. — Это вопрос слишком трудный... вопрос субъективного убеждения. Революция доказала, что между интеллигенцией и народом лежит бездонная пропасть, которой мы никогда не видели в идейном ослеплении. Народ, который мы боготворили... воспевали — неожиданно оказался необычайно... жестоким, разнузданным. В каждом его шаге видна звериная непосредственность... без малейшей мысли о будущем...

Ринов увлекся, загорячился.

— Народ оказался взбунтовавшимся рабом... Не используя, а уничтожив своих бывших господ, он ставит себя в ужасное положение... обрекает себя на анархию, голод и холод. Волею судеб, интеллигенция поставлена в ужасное положение. Все то, что происходит, подготовила она сама, это ее вина и, как будто, она должна и расхлебывать кашу, которую само заварила. С другой стороны, поняв свои ошибки, она должна удерживать народ от дальнейшего озверения и окончательной гибели. Она поставлена в ужасную необходимость бороться с народом, бороться... даже имея в руках оружие. И вот интеллигенция разделилась: одна часть идет с народом до конца и хочет разделить его судьбу, какова бы она ни была; другая — против народа, чтобы всеми средствами, даже оружием, наставить его на путь истинный. Кто прав, кто виноват — покажет будущее. Вы принадлежите к... первой группе.

— А вы ко второй? — спросил Ребиз.

— Я ни к той, ни к другой, — торопливо ответил Ринов.

— Вы очень осторожны, — улыбнулся Ребиз.

Глава 44

ОХОТНИК НА ТРЕПЕТ ДУШЕВНЫЙ

Ребиз снова налил себе стаканчик водки и выпил, бормоча что-то под нос. Потом заговорил быстро-быстро, странно-высоким, возбужденным голосом:

— Впрочем, все это не суть важно, все это ерунда! Никакого оправдания мне не нужно, никою я не боюсь, никакой вашей группы я не признаю и знать не хочу! Никогда я о народе не думал и меньше всего о нем думаю сейчас. Надеюсь, вы меня не выдадите?

Ребиз расхохотался, заметно возбужденный водкой.

— Вы знаете, что меня увлекло, почему я пошел на советскую службу? Вы думаете, идея служения народу, наше-

му святому народу, как я говорил вам давеча? Нет, ничего подобного! Меня привлекла *власть*, могучая, жестокая власть, мне захотелось владеть душой и телом отданных в мое распоряжение людей, мне захотелось иметь неограниченные возможности, мне захотелось видеть испуганные, молящие, обращенные ко мне глаза, робкие мольбы о пощаде, миловать и предавать жестокой казни.

Вы не знаете жгучего наслаждения, когда приведут на допрос вот такого, как вы, желторотого птенчика. Видишь, как он трясется, бледнеет, а тоже — старается не показать, что боится, о собственном достоинстве помнит! Сначала его обласкаешь, нежно так приголубишь: «Я-де, мол, ничего, я — человек добрый, интеллигентный, понимаю ваше положение. Мои ребята по ошибке вас задержали. Я знаю ваши убеждения, вы человек посторонний, в политическую борьбу не вмешивались. Вот посидим, поговорим, а потом я вас отпущу!» Ну, мой юнец и обрадуется, вздохнет так радостно, порозовеет. «Не радуйся! — думаю. — Не радуйся: рано еще, не выпустил!» Папиросу ему предложишь, чаем угостишь. «Вот, — думает юнец. — Ребиза зверем называют. Какой он зверь? Человек хороший, да глупый: провел я его».

А глуп-то не Ребиз, а юнец! Скажешь ему, что вот, мол, по интеллигентному человеку душа истосковалась, хочется поговорить, мнениями обменяться. Спросишь про папу, про маму, откуда родом, чем занимается. И все это осторожно, тихо так, между всякими отвлеченными, возвышенными разговорами. Убеждений его коснешься чуть-чуть, осторожно, чтобы не вспугнуть. Усыпишь его — смотришь, или правду скажет, или соврет — да так, что сразу видно. Так постепенно все это наматываешь, наматываешь, — вот и портрет его почти готов. Еще несколько деталей поймаешь, а потом равнодушно так спросишь: «На военной службе был?» Взгляд надо выдержать. Глядишь открыто, честно, а в его глазах читаешь: «Ловушка, или сказать правду?» Бывает, другой спросит: «Вы почему думаете, что я на военной службе был?» Ну и дурак! Спросит так — и сразу видно, что на службе был. Лучше уж «нет» сказать. Ответишь:

«У вас выправка военная, сразу видно: я тоже когда-то поенным был — глаз и наметался». Один сознается, другой упрется. Сознается — больше мне ничего не нужно — конец! Упрется, — продолжаю разговор, еще кое-что вымотаешь у нею, и потом, с нежной это улыбочкой, — логикой, строгой логикой забьешь его, заставишь сознаться. Я, мол, ничего... Просто вами интересуюсь, без всякой задней мысли. Чего от меня скрываться? Зачем? Наоборот, помочь могу чем-нибудь, из беды вызволить. Сочувствую вам, по человечеству, как интеллигент интеллигенту. Да я все равно вижу, что вы офицер — потому-то и потому-то.

А сам смотришь, как это «потому-то» действует: попадет ли в цель? Смотря по обстоятельствам и действуешь, скажешь, например: «Вы, милый, просто трусите! Почему вам не сказать: да, я офицер. Разве в этом есть что-нибудь позорное, разве офицер преступник какой или вор? Не убьют же вас за то, что вы офицер. Просто вы трус!» Ну, один вскипятится: «Поручик такой-то трусом никогда не был и вас тоже не испугался!» Другой думает: «А ведь правда, чего я скрываюсь? Может, и не убьют». Смотришь, дело в шляпе. Все это, конечно, случаи легкие: молодежь... пугаются, душа в пятки уходит, мысли, как на ладони, видны. Помучаешь его, помучаешь, насладишься его смущением, поиграешь, как кот с мышью, и — пожалуйста к ответу. Для меня довольно, что мальчишка — офицер. Раз офицер — разговор короткий.

Бывают, конечно, случаи потруднее. Привели раз ко мне человечка — на вокзале задержали, физиономия подозрительной показалась. Смотрю — морда офицерская, не меньше полковника по чину должен быть. Спокоен и хладнокровен абсолютно. Попробовал обычную систему: приласкал, приголубил, угощаю чаем, папиросами. Все приемлет, но осторожен чертовски. Про папу, маму солидного человека неудобно спрашивать. Моя «тоска по интеллигенту» тоже, вижу, плохо действует.

Говорил, говорил, — думаю, расположил его в свою пользу. Между словами нежно его так спрашиваю: «Вы в каком чине состоите?» — «Как в каком чине?» — «Ну, да! Ведь вы

офицер?» — «Нет, инженер!» «А, думаю, попался, голубчик!» Ну, и давай я его по своей специальности гонять. Только вижу — действительно, инженер! Не хуже меня свое дело знает. «Что за черт! — думаю. — Неужели мой нюх меня надул на этот раз?» Я так и сяк — ничего не выходит. На все вопросы отвечает ладно — видно, заранее подготовился. Уж от борьбы думал отказаться, — да случайно на верную дорогу выбрался. Начал старое время ругать, хорошо ругать, смачно. Вижу, мой инженер недоволен, побагровел. Я тогда еще пуще. Императорскую священную особу базарным словом обозвал. Инженера и прорвало: «Сам ты такой-сякой!» — закричит, да как пошел, пошел. Ну, я тут его и прижал. Оказалось, генерал-майор, военный инженер. Старая, верная императору собака! Себя погубил, а за господина своею заступился.

Да, молодой человек, нелегкая это штука в пограничной полосе служить! Здесь румынская граница, сюда со всей России бегут офицеры, под всякой личиной. Поймай его, черта! Но знали, кого послать сюда — и не одну сотню изловил я этих бандитов на границе. Изучил их, как свою ладонь.

Ребиз замолчал, задумался. Ринов взволнованно курил папиросу за папиросой. Горячие, лихорадочные мысли кружились в голове офицера. Он много зверств видел за время войны. Мною слышал об этом рассказов. Но никогда не приходилось ему слышать такого полного цинизма, наглости, самолюбования и эпического спокойствия повествования. Забывая об опасности, Ринов с трудом иногда сдерживался, чтобы не сделать чего-нибудь непоправимого: чтобы не ударить Ребиза, не обругать его. Чувство осторожности временами совершенно покидало Ринова и он бросал откровенно негодующие взгляды на комиссара.

Он смотрел на Ребиза в упор, он не мог отвести глаз от этого странного лица, которое ежеминутно менялось и вмещало в себя самые разнообразные и разноречивые чувства — от спокойного добродушия до гримасы хищного зверя. Это был великий актер, талантливый и разносторонний. Иногда Ринов встречался с комиссаром глазами и тогда

замечал в глазах Ребиза огонек иронии, насмешки и открытой угрозы. «И пусть! И пусть! — с волнующим чувством вызова думал Ринов. — Мерзавец, негодяй! Не боюсь я тебя!» И он с отвращением смотрел на покрасневшее от водки лицо Ребиза, словно выискивая точку, куда нужно было ударить.

«Ударю, ударю!» — думал Ринов и не видел в этом теперь ничего страшного. Казалось, так и должно быть, так было нужно. К этому неумолимо вели мысли, рожденные ночами без сна и нервным напряжением. На это толкала ненависть к своим врагам, обостренная постоянным, трепетным ожиданием их прихода, их расправы. Эти враги, вся к ним ненависть, презрение, боязнь, все волнения последних дней и жгучая гадливость перед рассказами Ребиза — сосредоточились, собрались, вместились в одно серовато-красное пятно — лицо сидящего с офицером человека, лицо странное и загадочное. «Погибну, а избыю, убью эту собаку!» — думал Ринов.

* * *

Вбежал один из матросов Ребиза и сообщил, что поезд подходит и пора на перрон. Ребиз вздохнул, прислушался к грохоту поезда, потом, не глядя на Ринова, с чуть заметной иронией сказал:

— Нам, кажется, по пути — на юг, к румынской границе? Хотите, едемте вместе: у меня отдельный вагон, можно нашу беседу продолжить.

Насмешливо улыбаясь, он добавил:

— Вы — хороший слушатель: внимательный, чуткий. Приятно, когда говоришь и в каждое твое слово вдумываются... Так едем?

— Едем! — решительно и твердо взглянув в глаза Ребиза, бросил Ринов. — Едем!

Они вышли на перрон, к пытящему, окутанному белым облаком паровозу. Пройдя мимо всего состава, Ребиз ос-

тановился у последнего вагона III класса. Матросы внесли в вагон вещи. Ребиз вошел в двухместное купе, позвал Ринова и, указывая на диван, сказал:

— Располагайтесь!

Позвал того молодого матроса, которому давал на вокзале какие-то бумаги, и приказал ему никого в вагон не пускать. Матрос значительно и строго посмотрел на Ринова, откозырял комиссару и вышел, плотно задвинув дверь.

— Вас не удивляет, — начал Ребиз, — что я так забочусь о вас, так предупредителен к вам?

Ринов молчал.

— У меня есть к вам какая-то необъяснимая симпатия, — продолжал Ребиз, — что-то вроде юношеского, товарищеского чувства. Бывает иногда так: встретишь человека — и сразу к нему почувствуешь симпатию, влечение...

«Издевается он, что ли? — мучительно думал Ринов. — Давно уже понял, что я белый офицер. Что ж, поиграть, видно, хочется?»

— А вот вы, мне кажется, такой симпатии ко мне не чувствуете! — насмешка снова тронула губы Ребиза. — Это я видел по многим вашим взглядам, по выражению вашего лица. Хорошо быть физиономистом: все сокровенные чувства, как на ладони, видишь!

Поезд дрогнул и медленно отошел от перрона, ускоряя ход. Ребиз рассеянно посмотрел в окно, помолчал, затем снова заговорил:

— Так вот, видите ли, как я уже докладывал вам, главное-то наслаждение от своей службы я вижу во власти над чужой душой. Я — охотник, но охотник — на чувства, на нервы, на трепет душевный. В силки я ловлю не зверей, а такое, знаете, нервное подергивание, губку дрожащую, огонек, в глазах вспыхнувший, морщинки такие, молодому лицу не идущие, о волнении говорящие. И как это ловко устроено: что ни чувство, то морщинка появится, что ни чувство, — особый огонек в глазах вспыхнет, губка особо подпрыгнет! Изообразишь в этом искусстве, изучишь все эти огоньки, морщинки, — и, как с паяцем играешь: на каждое движение особое слово имеешь. Скажешь одно — губка

вздрогнет, как будто за шнурок дернули; скажешь другое — глаза забегают, скажешь третье — конечности вздрогнут. Ловко это, искусство! Вот, милый мой, в этом и вся жизнь моя, упоение, страсть...

«Обо мне все это, обо мне!» — проносилось в голове Ринова.

Его собеседник пошарил в своих вещах, вытащил бутылку с водкой, стаканчик, налил и выпил.

— Узнаешь, — начал он снова, — что нужно, все трепетания души до донышка выпьешь, вроде паука высосешь, — потом другой разговор наступает, более откровенный, не такой тонкий, но тоже не лишенный *приятности*, нервы щекочущий. Человек сознался, выпытывать от него уж ничего не нужно. Ну и начнешь, примерно, так: «Что же, голубчик, вы думаете теперь? Что мне делать с вами? Выпустить?» Обрадуется, на секунду уверует, но... и верить боится. «Нет, я вас не выпущу!» Побледнеет. «Распоряжения предсмертные сделали? Может, имущество имеете какое? Кому передать? Напишите на бумажке — вот вам и конверт. Передам по адресу». Ну, другой и напишет. Возьму бумажку, прочту внимательно, даже с некоторым сочувствием будто бы, а потом порву бумажку и лоскутки ему же в лицо и брошу. Рассвирепеет, ругаться начнет, а я смеюсь. Он ругается, а я смеюсь, смеюсь...

Ребиз залился пьяным смехом... отвратительным смехом... Ринов трясся от отвращения и ненависти.

— Иногда, — Ребиз успокоился, — иногда пыточки разные душевные применяешь. Вот де, мол., родителей ваших завтра разыщу, или жену там или сестру, что ли. С ними тоже побеседую, поговорю по душам. Может, выпорю или рачтствую. Закричит, конечно, заругается, опять в дело разные эпитеты пустит: негодяй, мол, разбойник, подлец...

Ребиз задумался, потом оживился и заговорил:

— Был у меня недавно такой случай. Поймали мы злейшего врага своего — полковника Ринова... Что с вами?

Вопрос относился к Ринову, который страшно побледнел и простонал: «а... а... а!» «Брат, — подумал он. — Бог мой! Брат в руках этого зверя!» Страшным усилием воли он по-

давил новый стон и прошептал:

— Ничего... Продолжайте...

— Ну-с, вот... Вы, вероятно, слышали, какую роль он играл в Добровольческой армии. Он хорошо понимал, что ему у меня конец. Поставив на себе крест, он был спокоен дьявольски. Но он нам был нужен перед смертью. Надеюсь вернуться обратно, белые где-то спрятали массу оружия и часть архива штаба. Ринов знал, где все это было спрятано. Взялся я за него. Сначала лаской, уговорами: «Скажете, мол, — выхлопочу помилование! Я, де, мол вам не враг, хочу помочь и все такое». Но знал меня, подлец, хорошо знал по рассказам. Смеется в глаза, прохвостом называет. Бился я с ним, сколько оскорблений от него съел. Как-то раз мои нервы не выдержали: «Выпороть его!» — говорю. Выпороты, хорошо выпороты. Только не подействовало — крепок, как черт! Дня три его гоняли так — от плети к шомполу, от шомпола к плети, весь в крови, бледный, осунулся, чуть недохнет, но ни слова, понимаете, ни слова! Тут один из моих матросов подал мне мысль, с какого конца за милейшего полковника приняться. «У него, — говорит, — в городе жена прячется, ее бы к ответу попросить — тогда полковник все скажет». Обрадовался я — принял меры к ее розыску. Нашли, привезли ночью... Зову полковника. «Так и так, — говорю, — не скажете — за вашу жену возьмусь!» — «Ее здесь нет, она уехала». — «Не лгите: мы нашли ее!» Вижу — встревожился. «Нашли, так нашли, — говорит, — не будете же вы женщину пытаться! Она ничего не знает!» — «А это, — говорю — увидим!»

Ребиз замолчал, закурил папиросу и, не спеша, затаился. Как мертвый сидел Ринов — без движения, без сил, без воли... Проносились воспоминания о брате, вставало перед глазами его милое, хорошее, светлое лицо, особенно какое-то добродушное от сильной близорукости... И рядом всплывал образ всегда веселой, жизнерадостной, хорошенькой жены его, Анны Ивановны... «Боже мой. Боже мой! — думал Ринов. — Что он мне еще расскажет?..»

— Показал полковнику жену. Рвется к ней, руки протягивает, называет по имени. Вижу — в моих руках теперь.

«Ну, — говорю, — не скажете, так прикажу вашу Аню выпороть». Затрясся весь. «Не верю, — кричит, — что вы, человек интеллигентный, такую низость сделаете! Женщина она, понимаете, зверь вы такой! Убивайте меня, а ее отпустите!» — «Все сделаю! — отвечаю ему. — Не буду церемониться! И даже при вас сделаю. Раздевайте ее!» Вот матросы повалили женщину, заголили ее, конечно. Полковник тут заорал, руками машет, ругается, в истерике. Потом заплакал и молит: «Делайте со мной все... жарьте на сковороде... но ее пожалейте!» — «А скажешь, где документы? Где склад?» — «Не могу...» «Не можешь? Ну-ка, дай ей раз!» Урезали ее шомполом. Взыла баба: тело нежное — сразу кровь выступила. «Скажешь?» — полковнику говорю. Молчит, в сторону отвернулся, слезы капаят. «Дай еще!» — кричу...

— Довольно! — вырвалось у Ринова — воплем, стоном, мукой страшной. — Не могу я слушать...

— Ну, что вы! — насмешливо процедил Ребиз. — Нервы у вас, как у бабы! Нет... слушайте дальше. Всыпал ей еще. Смотрю, в обмороке дамочка. Окатили водой и снова... Чуть только стонет. Ну-с, не выдержал полковник... «Подлец вы, — говорит, — негодяй, зверь!» — и еще целую серию эпитетов выложил, а все же сказал, где склад и документы. На другой день мы его пристрелили. Вот этот самый револьвер на память оставил мне милый полковник.

И он показал так хорошо знакомый Ринову браунинг брата с буквами В.Р. — Владимир Ринов.

— А жена его... Аня эта? — трясущимися, белыми губами еле произнес Ринов.

— С женщиной скверно вышло. Не моя тут вина. На ночь ее пришлось у нас оставить — без сознания все время была. Ну-с, моя сволочь и воспользовалась: женщина красивая, пухлая была. Чуть не замучили: шесть матросов тешились. Утром узнал — набил морду всем шестерым. Их обвинять тоже особенно нельзя было, так уж разошелся, дисциплины ради. А женщину пришлось к стенке поставить, чтобы следы истории скрыть. Неудобно ведь было живую свидетельницу выпустить...

Он задумался и рассмеялся.

— Вот, друг мой, разве не великая это штука — людей, как кукол, в своих руках держать? А? Как вы думаете?

Он смотрел на Ринова в упор наглыми, смеющимися глазами. В них был вызов, насмешка, они покоряли, гипнотизировали, внушали Ринову, что ему нужно делать, подсказывали, что нужно сказать...

— Подлец вы, садист, мерзавец! — вдруг истерически закричал Ринов и бросился с поднятыми кулаками на Ребиза.

Глава 45

«ЛЮБЛЮ»

Ребиз поднял руку и Ринов отступил: на уровне своих глаз он увидел черное дуло револьвера...

— Сядьте, успокойтесь, — сказал Ребиз. — Да сядьте же, господин офицер!

Последнее было сказано тоном приказа, угрозы. Ринов опустился на диван. Ребиз насмешливо заговорил:

— Не выдержали, молодой человек! Нервы сдали? Ничего — бывает! Я это часто вижу, на это и рассчитывая. Случай легкий вышел: молоды еще вы, закваски в вас настоящей нет, щенки еще! Я думал — придется с вами повоювать, а вы скоро сдали. Видно, намучились за последние дни, бедненький! Ну, ничего, ничего... Я вам вреда никакого не сделаю. Наоборот, я вам должен быть благодарным: на вас я один из своих способов испытал, да и удовольствие вы мне доставили. Что вы офицер — я сразу понял. Вашими ответами вы мне это сами сказали, *сами* — понимаете? Все наслаждение в этом-то и было. Как, думаю, добиться, чтобы сам сознался? Вижу, человек молодой, горячий, наверное, всякими возвышенными мыслями напичканный, с душой мягкой, благородной. С такими легко дело сделать, до белого каления их довести.

Я и начал вас накаливать. Вижу — успешно. Такие натуры благородные на всякую мерзость с мечом в руках готовы выскочить, Дон Кихоту подобно. Все к свету лететь им хочется, как бабочке на огонь. Скажите ему, что вы подлость сделали, — он и полезет драться, вроде вас. Вот вы полезли — с головой себя и выдали. Я чувствовал, что вы полезете, знал уж это, — поэтому и револьвер наготове держал. Знаю вас, щенков сумасшедших! Дурак вы, батенька — не сердитесь уж на меня! Выдержки надо побольше. Ну, убили бы вы меня, положим, — что толку? А зачем рисковать? Не лучше ли было бы послушать, что я говорил, да и разойтись по-хорошему?

— По-хорошему?... — горько прошептал Ринов. — После того, как вы втоптали все в грязь... измучили меня...

— Неужели вы так чувствительны? Что же так подействовало на вас в моих рассказах?

— Полковник Ринов — мой брат, — упавшим голосом проговорил молодой человек.

Ребиз свистнул. На минуту он был поражен и в его глазах показалось что-то, похожее на сочувствие. Но он сейчас же улыбнулся и сказал:

— Так вот что привело вас к сознанию: простая случайность, родственная кровь заговорила! А я-то думал, что мой метод! Ошибка вышла! Ну что же: честно сознаюсь, что я побежден...

Он подумал, искоса взглянул на Ринова. Сухо бросил:

— Игра кончена. Я угадал — вы офицер?

— Да, поручик Ринов.

— Так вот, господин поручик, вы свободны. Можете уходить, но больше мне на глаза не попадайтесь — убью! Случайно вы узнали, что я убийца вашего брата и только эта случайность спасает вас, потому что выслушать меня вам стоило дорого. Это хуже смерти для таких, как вы. Вы получили свою порцию и меня едва ли забудете. Черт с вами — уходите, пока я не передумал! Куда хотите удрать — в Румынию?

Ринов кивнул головой.

— От следующей станции до границы — пустыки. Если хотите, — можете посидеть со мной.

— Нет, не могу я... — почти простонал Ринов.

— Как хотите! Не поминайте лихом. Прощайте!

Ринов вышел на площадку вагона и глубоко вздохнул. У него сильно кружилась голова, тряслись руки и ноги. Он прижался головой к покрытому инеем и льдом окну, сделал дыханием на стекле кружок, свободный ото льда, и стал смотреть на покрытые снегом, убегающие назад унылые равнины.

Минут через десять на площадку вышел матрос, закурил папиросу и вежливо обратился к Ринову.

— Извиняюсь, товарищ, простите, беспокою... Ребиз приказал дверь растворить, потому в вагоне жарко.

Ринов взглянул на матроса. Под вежливой улыбкой чувствовалась какая-то настороженность, в глазах был недобрый огонек. Ринов посторонился. Матрос открыл дверь, отошел и, встав позади Ринова, продолжал курить.

На спине своей Ринов чувствовал враждебный взгляд. Офицер незаметно взялся за оконную раму и впился в нее рукой. И в это мгновение матрос со страшной силой набросился на него сзади. Инстинктивно Ринов подался в сторону, удержавшись за раму, и матрос, едва задев Ринова боком, потерял равновесие и сорвался с площадки. Мелькнули сапоги — больше ничего не было видно... Ринов растерянно взглянул назад: на площадке никого не было, в вагоне стояла тишина. Чувствуя страшную слабость, Ринов сел на корточки и передохнул.

— «Что это было?» — проносилось в голове — и сразу мелькнула догадка: Ребиз приказал...

Поезд шел полным ходом. Ринов вскочил, выглянул в дверь. Кругом расстилался лес. Офицер тревожно оглянулся, потом спустился по ступенькам и спрыгнул на насыпь, неловко упав на мерзлую землю. Прижавшись к насыпи, замерев и сморщившись от боли в ногах и во всем теле, он пролежал две-три минуты, потом вскочил и, прихрамывая, побежал от рельс.

«Ребиз! Ребиз! — проносилось и мозгу. — Убийца! Он приказал! Он! Он!»

А ноги все дальше уносили от насыпи — к спасению, в самую глубь засыпанного снегом, безмолвного, утрюмого леса...

* * *

Ринов кончил свой рассказ и мрачно замолчал, подавленный воспоминаниями. Молчала и Вера, скованная ужасом. «Так вот кто такой Зибер-Ребиз... Палач и убийца», — думала она. Чего она могла ждать от него, если страдания других — для него наслаждение? И этому человеку она отдала свою душу и тело! Она вздрогнула и в отчаянии сжала кисти рук. Внезапно волна теплого сочувствия к сидящему с ней бледному, измученному человеку охватила ее.

— Что же было дальше? — спросила она.

— Дальше? — усмехнулся Ринов. — Дальше — бегство за границу, мытарства, унижения, голод... Скитания по Румынии, Чехии, потом Германия. Прыжок из вагона не прошел даром. Что-то случилось с ногой, впоследствии неудачно делали операцию и в результате — хромой калека. Проклятая встреча заставила меня возненавидеть людей, убила жизнерадостность, сделала мрачным, нелюдимым. Что-то стряслось с моим мозгом — временами я ненормален. Когда я работал на погрузке пароходов в Гамбурге, мой добрый приятель, швед, научил меня нюхать кокаин, пить водку стаканами, и после этого я еще быстрее пошел вниз, на дно. Мне 36 лет, но я разбитый, больной старик... И все эти проклятые годы не было часа, чтобы я не вспоминал Ребиза, его сатанинской улыбки, чтобы я не вспомнил его страшного рассказа о смерти моего брата, не было часа, чтобы я не мечтал о мести. Иногда, в глухую ночь, где-нибудь в ночлежке я рычал от ярости, и рвал подушку, представляя Ребиза в моих руках. Все несчастья свои... разбитую, погубленную жизнь... я поставил ему в счет, потому что

только он и он свихнул мою психику, сделал меня духовным уродом и физическим калекой. Ужас, пережитый мною во время этой страшной беседы с Ребизом, искалечил меня.

И вот, я нашел его. Я увидел его проклятые глаза — и старая жажда мести... за брата, за Аню, за себя — овладела мною, не дает мне покоя ни минуты. Я — пропавший человек, но я хочу убить его! Понимаете? Убью его!

Он схватил Веру за руку и она невольно отшатнулась. Его глаза горели, рот был перекошен от злобы, губы тряслись. «Сумасшедший!» — мелькнула страшная мысль.

— Убить? — переспросила она. — Как это... убить?

— Это значит уничтожить! — закричал он. — Застрелить... задушить... отравить... не все ли равно? Как будто вы не понимаете, к чему я вел все эти разговоры? Что ж, вы думаете, что теперь, когда я знаю, где и как найти его, — я буду спокоен? Да я сгорю от злобы, пока не найду его! Убить его — моя цель! Моя жизнь погибла, ничего не стоит и я могу ее отдать для мести. Кому я нужен, несчастный урод — хромой пьяница... кокаинист?

Он опустил голову и что-то забормотал себе под нос. Вера смотрела на него и чувствовала, как волна ужаса растет в ней.

— Мне приходилось отказываться от мести, — Ринов поднял голову. — пока я не встретил вас. В самом деле, где я мог встретить Ребиза, где мог найти его? Он сгинул, пропал и я ничего о нем не слышал. Чем больше я ненавидел его и проклинал, тем яснее мне становилась мысль, что никогда мне не удастся свести с ним счеты. И вот чудо случилось: я могу его увидеть и... убить. Вы понимаете, что со мной делается?

Некоторое время они молчали. Затем Ринов сделал резкое движение и бросил в сторону Веры:

— Завтра я запишусь в германскую команду добровольцев-электротехников и уеду на фронт. Там доберусь до Зибера. А вы... слушайте меня... вы должны помочь мне! Вы должны ехать со мной в Реймс! Разделите со мной месть... заплатите ему за все, что он сделал с вами...

— Нет! Нет! — испуганно воскликнула Вера. — Я не могу, не могу...

— Не можете? — ядовито процедил Ринов. — А почему, позвольте вас спросить? Разве вам мало того, что он с вами сделал, мало того, что я рассказал? И рассказал-то я все это, чтобы сделать вас своей сообщницей. Вы должны помочь мне — таких, как Зибер, нужно уничтожить.

Он уговаривал ее, растерянную, взволнованную, готовую плакать, молил... угрожал, почти кричал на нее. Бледная, трепещущая, она только качала головой на его страстные слова и сжимала руки в тоске.

— Нет... нет... — шептала она. — Я не могу... не могу... я не пойду на это... не могу...

Он вскочил, разъяренный, готовый бить ее, обманутый в своих ожиданиях, в тайных надеждах на ее помощь...

— Не хотите? Я даю день на то, чтобы вы решились! Завтра я спрошу вас и, если вы не согласитесь, — я немедленно уезжаю в Реймс и... сделаю все сам...

Не прощаясь, он резко повернулся от нее и пошел к выходу из сада. Она осталась сидеть, подавленная, готовая лишиться чувств. Страшные картины вставали перед ней. И одна яркая мысль вдруг предалась в голову:

— Боже мой! Боже мой! Что я сделала! *Что я сделала!..*

* * *

Опять ночь без сна, ночь, полная пытки... часы, когда вся прежняя жизнь пробегает в одну минуту перед воспаленными глазами. Что делать? Где решение? С кем идти? Правду ли говорит этот сумасшедший? Какие у него страшные глаза! Помогать ему? Боже мой! Никогда! Предоставить всему идти так, как оно идет?.. А если убийство? Ну, что ж! Гак и надо! Так суждено... Но нужно ответить этому маньяку. Он ждет. Что ему сказать?

Утро серым, мутным светом влилось в окно, а решения не было. Она встала с постели, измученная, разбитая, с си-

ними кругами под глазами. Она не знала, что сказать Ринову, когда он придет, и боялась этой встречи. Она ходила по комнате из угла в угол, садилась, вскакивала и снова ходила. До его прихода оставалось полчаса, а решения не было. И вдруг она схватила листок бумаги, торопливо набросала: «Нет, не могу!», позвала Розу, велела ей отдать записку Ринову, когда он придет, и, крадучись, вышла из дома по заднему ходу. Она быстро шла, почти бежала, не зная куда, зачем, — лишь бы подальше от этого страшного человека. Несчастный калека, кокаинист, маньяк, — он внушал ей отвращение и страх. Она пыталась вызвать в себе то чувство, которое питала к нему во время его рассказа, — и не могла. Что-то мешало ей и она не знала, что.

Она вернулась домой под вечер и Роза передала ей записку Ринова. Неровным, дрожащим почерком было нацарапано: «Вы недостойны имени женщины! Вы — самка, баба! Я никак не думал, что вы так привязаны к этому дьяволу. Теперь я это ясно понял. Вы по-прежнему любите его. Впрочем, черт с вами! Я уезжаю еще сегодня и ваш любовник не уйдет от меня. Не вздумайте помешать мне. Не лезьте в эту историю — я и вас прихлопну!»

Вера не обратила внимания на грубый тон письма. Одна мысль поразила ее. Она еще раз прочла записку и вдруг ей стало ясно и понятно все. И бессонная ночь, и страшные картины, и страх перед Риновым и мучительные колебания. «*Вы по-прежнему любите его...*» Да. Это правда! Она любит Зибера. Она любит его даже таким, каков он по рассказам Ринова. Она видела его насмешливое лицо, он звал ее, он был дороже всего и всех... Только теперь она поняла, что каждая ее мысль была с ним, всякий ее вздох был о нем. Она забыла... простила ему все в эту минуту, когда опасность была за его спиной...

В тот же день, бросив кудахтавшую от удивления фрау Берту, Вера ехала на вокзал, к западному экспрессу. В автомобиле, на вокзале, в людской толпе, в вагоне, одна мучительная и радостная и почему-то жуткая мысль журчала, как ручей, гремела, как яростный шквал, нежно баюкала: «Люблю... люблю... люблю...»

Глава 46

РАЗГРОМ АНГЛИЧАН У БЕНАРЕСА

В течение пяти дней в далекой Индии, на фронте в 200 км. длиной, между Горакпуром и Аллахабадом, шел тяжелый бой советско-индийско-афганской армии с английскими войсками.

Не ожидая подкреплений из Австралии, Канады и Новой Зеландии, англичане рискнули и перешли в наступление на Лукнов и Канпур. В 100 километрах от этих двух городов британская армия наткнулась на упорное сопротивление советского авангарда. Медленно отступая, передовые красные части дали возможность подойти и развернуться главным советским силам, подкрепленным массой индийских сипаев и афганцев. После этого красные войска перешли в контрнаступление и оттеснили британскую армию на фронт Горакпур-Аллахабад. Здесь, благодаря прибытию подкреплений из Австралии и Новой Зеландии, командующий английскими силами задержался и принял бой.

Занимая все новые и новые индийские провинции, советское командование, с первого же дня вторжения в Индию, всячески поощряло добровольческое вступление индусов в свою армию, благодаря чему к ней примкнули в разных областях десятки тысяч солдат-сипаев. Они были выделены в отдельную индийскую армию, которая, благодаря своей организованности, стала кадром для дальнейших воинских формирований из индусов-добровольцев. Когда завязался бой на линии Горакпур-Аллахабад, советскому командованию пришлось использовать сначала сипаев, а потом ввести в бой индусов, еще не закончивших свою спешную подготовку.

Было решено бросить массу индусов на каком-нибудь участке фронта, чтобы смертью этих десятков тысяч положить дорогу вперед регулярным войскам. Рассчитывая на ненависть индусов к англичанам, советское командование решило бросить сипаев и индийских добровольцев на ка-

кой-нибудь слабый участок фронта. Начиная с 2-х часов ночи, советская артиллерия повела усиленный огонь по центру английского расположения, чем британский главнокомандующий был введен в заблуждение. Приняв простую демонстрацию за подготовку атаки в широком масштабе, он собрал в центре и на правом фланге все резервы. Между тем, как только начало светать, советское командование закончило сосредоточение индусов и бросило их в атаку на левый фланг.

Атака эта была полной неожиданностью, так как сосредоточение колоссальной массы людей прошло с удивительной быстротой и точностью и не было замечено британцами. Весь главный удар был направлен на тесный, пятиверстный фронт, занятый дивизией английского генерала Дэвиса, состоявшей из мусульман, которых индусы особенно ненавидят. Впереди атакующих шли 10,000 гурхов и сикхов, которые с ужасающей яростью бросились на мусульман. В течение часа дивизия Дэвиса мужественно отбивалась, расстреливая индусов в упор из пулеметов. Но на смену убитым становились сотни других — и скоро лавина бронзовых демонов затопила английские окопы. В прорыв были брошены две советские дивизии. К 12 часам дня левый фланг был совершенно отрезан от центра и начал быстрое отступление на Бенарес. Дивизия генерала Дэвиса и две соседние дивизии были частью уничтожены, частью взяты в плен.

Британская армия начала отступление на юго-восток. Советские войска шли по пятам. В следующую неделю были взяты Патна и Гайя. До Калькутты оставалось около 400 километров.

* * *

Первая американская армия в 100,000 человек прибыла в Гавр и была немедленно переброшена к Амьену против германских войск. К этому времени германо-советские войска наступали уже с линии Абервиль-С. Кентен-Неша-

то-Бельфор. Армии американцев, как и французским войскам, пришлось поспешно отходить. Вскоре прибыли еще 400,000 американцев, но прежде, чем эти войска были переброшены на предназначенный им участок фронта, шедший в течение недели грандиозный бой на линии Нешатель-Компьен-Шалон-на-Марне-Бельфор закончился отступлением французских войск. Американцы ограничились только прикрытием истомленных французских солдат в тех местах, где неприятель напирал особенно яростно. Советская кавалерия захватила Санли. До Парижа оставалось около 40 километров.

* * *

Штаб второй армейской советской группы разместился в Реймсе; сюда же приехали Зибер и Лозин. Поддерживая непрерывную связь с Лерхе, Лозин узнал, что журналист и его помощники с подложными французскими паспортами пробрались за советскими войсками в Реймс. Здесь Лозин встретился с Лерхе и журналист с довольной улыбкой показал бумагу, только что полученную от правительства Франции через французских шпионов, с которыми Лерхе встречался. Эта бумага была от имени французской коммунистической партии; в ней говорилось, что Жан Коллар (это имя стояло в паспорте Лерхе) состоит в партии коммунистов и известен, как энергичный работник на пролетарской ниве. Подписи: Анжель и Руайо, лидеры партии. Подобные же бумаги были выданы трем помощникам Лерхе. Лозин был поражен.

— Анжель! — воскликнул он. — Чтобы этот ярый коммунист выдал такую бумагу! Как вы объясняете это, Лерхе?

— Я знаю подпись Анжелю, — ответил Лерхе. — Или в этой бумаге подпись замечательно подделана, или Анжель больше патриот, чем коммунист, раз он решил помочь правительству. Во всяком случае, так это или эдак, но бумага для меня чрезвычайно нужна. Она мне очень и очень при-

годится, так как большевики организуют в захваченных французских провинциях широкую пропаганду и охотно берут французских агентов-коммунистов.

Пока таких агентов очень мало. Случился большой пассаж для наших большевиков: вопреки их надеждам, большинство французской коммунистической партии высказалось за защиту территории от врага, а многие коммунисты даже вступили в ряды армии. В завоеванных провинциях население сумрачно и неохотно слушает пропаганду красных агентов. Были возмущения в Марли, Этре, Ару. Эти возмущения жестоко подавлены и масса крестьян расстреляны. Грабежам и обычной расправе подвергаются только зажиточные буржуа. Кое-где с помощью французских подонков учреждены советы рабочих депутатов. Были строгие приказы, грозящие за грабежи и мародерство расстрелами.

Северные армии ведут себя хуже, чем южные советские войска. Это объясняется тем, что северным войскам пришлось выдержать главную тяжесть боев и самые большие переходы. Поэтому северные солдаты считают себя вправе пограбить. Но, в общем, я ожидал худшего от красного солдата. Я слышал, что немцы ведут себя не лучше. Но я отвлекся... С бумагами Анжела и французским паспортом я надеюсь легко устроиться в интернациональном бюро пропаганды северных армий. Тогда я могу совершенно легально жить, ездить в завоеванных областях и искать удобного случая для решения своей задачи. Как вы думаете, Лозин?

— Я согласен с вами. Но вам придется быть очень осторожным, так как Зибер имеет какое-то отношение к бюро пропаганды: ведь он прекрасно знает Францию и историю коммунистического движения в этой стране. Не попадитесь ему на глаза: он вас узнает...

— Ничего! Другой костюм и маленькие перемены в наружности заставят Лерхе исчезнуть с лица земли. Впрочем, и я не хочу попадаться Зиберу на глаза. Скажите, что нового, Лозин?

— Зибер передал мне, — ответил Лозин, — что командарм, товарищ Савин, скоро прибудет в армию. Через нес-

колько дней, если только не случится чудо, Париж будет взят. Большая часть армии, вероятно, не задерживаясь, двинется на новые позиции, к западу от Парижа. Вопреки мнению осторожных немцев, красные боги хотят отпраздновать взятие Парижа с большой помпой. Около 100,000 советских солдат будут участвовать в параде и пройдут церемониальным маршем мимо своих вождей. Конечно, будут речи и все, что полагается в таких случаях. Будут представители всех коммунистических партий мира. Я думаю, что все это — самый удобный случай для вашего выступления. Будут ответные речи французских коммунистов. Если вам удалось бы затесаться в их толпу — дело в шляпе. Мы еще подумаем, как это устроить...

— Да, это было бы очень хорошо! — возбужденно воскликнул Лерхе. — Убить этих верховных гадин на глазах красных войск, французской толпы, красных представителей всех народов. Какое впечатление! Какой удар! Ах, дай-то Бог!

Глава 47

БОЛЬШЕВИКИ В ПАРИЖЕ

— Вы слышали о самой последней новости? Это потеха из потех, — сказал Лозину Зибер. — В Бордо, куда переехало французское правительство, образовалось *временное национальное российское правительство*. Это смехотворное правительство, без народа и без земли, набрало из врангелевских подонков армию в 20,000 человек. Ею командует старый дурак, генерал-лейтенант Снежин. Но правительство, правительство — вот что меня смешит! Как глупо, бессмысленно! Это в момент, когда мы в 20 верстах от Парижа, когда мы на вершине торжества!

Я сейчас читал декларацию этого опереточного правительства, выпущенную на русском и французском языках.

В ней объявляется, что, опираясь на Францию, правительство ставит своей целью борьбу с красной опасностью путем объединения всех русских эмигрантов и создания славянской армии. Правительство объявляет, что оно уверено в близком падении советской власти и в благоразумии красных солдат, которые, будучи сынами России, должны отказаться от содействия торжеству мирового разбоя. Оно призывает красных солдат к отказу от повиновения своим генералам. Правительство заявляет, что, при содействии Франции, оно не сложит оружия, пока Россия не будет освобождена. Считая, что русский парод, разбитый духовно и морально за долгие годы царствования тиранов, временно утратил государственную мудрость, правительство, для блага родины, берет на себя всю полноту власти и ответственности за судьбы России до полного в ней успокоения. Тогда Учредительное Собрание выявит волю хозяина Земли Русской — Русского Народа. До тех же пор, правительство не допустит никаких посягательств на власть ни слева, ни справа; оно обещает русскому народу полное успокоение и самый широкий, истинный демократизм. Вот вам содержание декларации. Ну, не прелесть ли? Это, по-моему, делить шкуру не только неубитого медведя, но медведя, подмявшего под себя охотников! Впрочем, это эмигрантское правительство делает некоторые шаги, чтобы разложить нашу армию. Такие попытки обнаружены неоднократно.

— Какие шаги? — быстро спросил Лозин. Все это его сильно заинтересовало.

— В армию, — ответил Зибер, — неведомыми путями стали попадать кипы прокламаций и призывов к бунту. Некоторые бумаги подписаны известными эмигрантскими фамилиями. Вчера командир 18-й Тульской дивизии донес, что солдаты охотно читают эти прокламации. Я просмотрел эти бумажки и одна из них обратила на себя мое внимание. В ней говорилось, что все красные вожди скоро погибнут и что солдаты должны сейчас же после их смерти восстать, так как иначе освобожденная родина от них отвернется. Каково нахальство? С такой уверенностью, апломбом!

Можно подумать, что в Бордо появился новый «Союз расплаты за Россию!»

Лозин вздрогнул и подумал: «Ты ошибаешься: будет действовать старый “Союз”...»

— И дай Бог этому «Союзу», если он появился, полного успеха! — вызывающе сказал он. — Дай Бог, чтобы он расплатился со всеми вами за убийство России!

— Опять то же самое! — улыбнулся Зибер. — Опять мы — убийцы России! Сколько раз я говорил вам, что, если мы, большевики, — убийцы России, — то вы, дряблые, сентиментальные русские интеллигенты — соучастники этого убийства. Допустим, что мы — убийцы... Но вы то, вы, — что же вы стояли, разинув рот, и смотрели, как мы пришли, захватили Россию и стали ее убивать? Чего же вы растерялись, почему вы спрятались в свои норы? Да потому, что вы жалкие трусы, дрожащие за свою шкуру! В то время, когда сильные люди брали власть, вы копались в своей душонке и решали вопрос: нужно ли выступить против захватчиков? Как выглядит этот вопрос с такой точки зрения? Ну, а если взглянуть на него с противоположной стороны? А Васька слушает, да ест: пока вы думали, — мы захватили Россию... Если мы — убийцы России, то вы — наши помощники...

* * *

«Кто он, этот человек?» — думал Лозин о Зибере. — Убежденный ли фанатик или искусный актер? Пионер идеи или просто психолог, демагог, знающий толпу и сумевший создать себе карьеру угодничеством? Нет, нет... только не это! Он фанатик... он верный раб своих богов и их учения!»

Они шли к реймской мэрии, где был расположен штаб северной группы красных войск. Зиберу нужно было в штаб, а Лозин пошел прогуляться.

Они пересекли улицу, когда какой-то встречный прохожий, почти столкнувшийся с Лозиным, издал странный воз-

глас не то радости, не то испуга. Лозин с удивлением посмотрел на прохожего. Он был просто одет, как одеваются тысячи французских рабочих, но Лозина поразили его горящие, колючие глаза, которыми он словно проткнул Зибер.

Прохожий был маленького роста, худой, сильно хромал. Бледное, болезненное лицо его, острые серые глаза, хищный оскал зубов и светлая бородка почему-то врезались в память Лозина. Прохожий быстро приложил руку к потрепанной шляпе, опустил глаза, пробормотал какое-то извинение и уступил дорогу. Они продолжали путь, но когда через несколько шагов Зибер обернулся и Лозин последовал его примеру, хромой стоял все на том же месте и смотрел им вслед. Зибер поморщился.

— Мне кажется, что я где-то его видел, — задумчиво сказал он и по лицу его пробежала тень. — Уверен, что он русский: блондин, серые глаза, широкий нос, да и сказал он что-то на ужасном французском языке. А, впрочем... Черт с ним! Вы куда, Андрей?

Они стояли у входа в штаб.

— Поеду к себе, — ответил Лозин и пошел к автобусу.

Уже сидя в уходящей машине, Лозин снова увидел хромого. Видно, он все время шел за ними. Теперь этот странный человек стоял на тротуаре, заложив руки в карманы пиджака, и неподвижно смотрел на ту дверь, за которой исчез Зибер...

* * *

Командующий III-ей германской армией, генерал-лейтенант Эрик фон Кюльман, развернул письмо. В нем стояло:

«Дорогой генерал! При нашем последнем свидании, мы затронули вопрос о непрекращающейся пропаганде коммунистов в Германии. В связи с этим, мы высказали опасения, что это может повредить нашей борьбе. Мы выразили пожелание, чтобы наши опасения были доложены Верхов-

ному Правителю и Главнокомандующему и чтобы вопрос о взаимоотношениях с советским командованием был обсужден в спешном порядке.

После этого штаб Главнокомандующего получил из Германии самые неутешительные сведения о положении некоторых областей. Коммунистическое движение, вопреки нашим ожиданиям, растет и принимает угрожающие размеры. Во многих местах вербовка солдат, благодаря этому, сильно затруднена.

По моему докладу Верховному Правителю, последний решил провести в жизнь постановление великого военного съезда. Вы, конечно, помните, что на этом съезде было решено воспользоваться силами русских Советов для разгрома Франции и потом способствовать перемене власти в России, так как русские Советы — постоянная угроза германскому народу и германскому государству. В настоящую минуту мы стоим на пороге Парижа. Французские армии разгромлены, мы же окрепли и не боимся за будущее. В тылу готовы новые миллионы солдат и эти войска скоро будут перевезены из Германии на фронт.

Таким образом, мы можем приступить к использованию тех путей, которые будут способствовать свержению советской власти в России. Этим ударом мы сразу убьем коммунизм в Германии, так как вся его опора — СССР. Как мы говорили на съезде, переворот должна совершить сама советская армия. Мы должны этому всячески помогать.

Что может произойти для нас, если этот переворот произойдет? Советская армия, перекрасившись в национальный русский цвет, вероятно, откажется продолжать войну. Но эта армия теперь нам не нужна, поэтому мы сейчас же заменим ее новыми миллионами наших солдат. И могу Вас уверить, мы тверже станем на ноги, так как исчезнет постоянная боязнь перед своим союзником. Будет только наша, спаянная воедино, германская армия. Восставшую советскую армию мы постараемся разоружить, а потом перевезем ее по частям обратно в Россию и будем заканчивать войну сами. Конечно, все это мы должны начать тогда, ко-

гда Париж будет далеко в тылу, а Франция будет лежать у наших ног.

Ваша армия, дорогой генерал, находится в непосредственной близости от советских войск. У вас собрана большая часть наших офицеров, знающих русский язык. Поэтому Верховный Правитель делает в Вашей армии главный штаб «Свержения советского командования». По этому поводу Вы получите официальный приказ.

Между прочим, обратите особое внимание на V-ю советскую армию, в которой царит определенное брожение. Некоторое время тому назад один полк этой армии отказался идти в атаку, мотивируя отказ нежеланием драться за Советы. Много солдат и офицеров расстреляно, а полк расформирован.

На днях встречусь с Вами в Париже; тогда побеседуем подробнее. Жму Вашу руку.

Генерал-лейтенант фон Лаубниц».

* * *

Работали радиостанции всего мира, распространяя потрясающее известие:

— Сегодня в 2 часа 44 минуты пополудни германские драгуны полковника Вирца заняли предместье Парижа С.-Дени; одновременно советский кавалерийский полк командира Крунина, пройдя Венсенский лес, занял Шарантон. Парижские форты оказались взорванными».

Пять часов спустя: «III германская и V советская армии заняли Париж».

На следующее утро громкоговорители на площадях столиц всего мира ревели и грохотали: «Советско-германские войска заняли Пуссен, С.-Жермен, Версаль и продвинулись на 10 километров к западу от этих пунктов».

«Столица мира и жемчужина Франции — в руках грубых тевтонов и красных вандалов...» — такова была первая

фраза воззвания о помощи — воззвания, с которым французское правительство обратилось к народам мира. Это был вопль отчаяния, вопль ужаса, агония прекрасной Франции...

Глава 48

КРАСНЫЙ ФЛАГ НА ЭЙФЕЛЕВОЙ БАШНЕ

Быстро, с удивительной точностью и энергией происходила высадка американских войск во Франции. Шербург, Брест и Бордо были наводнены десятками тысяч американских солдат. Прошлая Великая война научила многому Соединенные Штаты и теперь это пригодилось для быстрой организации армии и еще более быстрой ее перевозки. Любопытно отметить, что война помогла Америке избавиться от безработных, главная масса которых пошла в армию. Во Франции уже было более миллиона американских солдат, но высадка новых отрядов не прекращалась. Все многочисленные попытки германских и советских подводных лодок помешать этим перевозкам разбились о целую систему необыкновенно остроумной контрборьбы. Был использован весь опыт 1917 и 1918 гг. — Великой войны — когда был положен конец германскому подводному хозяйничанью в океанах и морях.

За все время германцам и большевикам удалось потопить только двадцать четыре транспорта, причем погибли около 30,000 американских солдат — цифра не очень значительная на фоне гигантской борьбы.

Американские войска взяли на себя защиту линии приблизительно в 150 километров длиной. Эта линия шла от устья Сены по левому берегу этой реки до города Мант; отсюда линия поворачивала на юго-запад и доходила до Удана. Французские войска стояли на линии, идущей от Удана до Бельфора (через Арпажон-Мелен-Мери-Лангр). Подкрепления из Америки позволяли американцам постепенно удлинять линию своего участка фронта. Предпо-

лагалось, что через некоторое время американцы возьмут на себя защиту половины фронта.

Наступило затишье. Германцы и красные войска укрепляли свои позиции. Американцы и французы делали то же и накапливали резервы для отражения возможных новых ударов. Вместе с тем разрабатывался план франко-американского наступления, которое должно было начаться после перевозки во Францию новой 500-тысячной американской армии, находившейся в периоде формирования и обучения.

Однако, внезапно разыгравшиеся события ускорили развязку гигантской борьбы народов.

* * *

Лозин шел к Марсовому полю — туда, где в этот чудный солнечный день красные боги должны были отпраздновать свою победу над Францией.

Он шел по улицам Великого города, среди десятков тысяч народа — и невольно вспоминался ему другой праздник, праздник встречи президента, возвращавшегося из Арденн, праздник национального торжества, праздник, омраченный выстрелами Годе и Гронского.

Тогда Париж был другой — сияющий, веселый, шумный, клокочущий, страстный. Тогда толпа была другая — разодетая, крикливо-остроумная, пестрая, радостная.

Париж нахмурился и его дум не мог разогнать даже веселый, яркий день. Люди шли — десятки, сотни тысяч, — чтобы увидеть вождей тех гуннов, которые затопили прекрасную Францию, чтобы услышать, для чего сделано это злое дело, чтобы убедиться в силе и могуществе победителей. Над толпой царили гипноз силы, вечное обаяние торжествующего победителя, любопытство перед грубым врагом...

Люди шли, угрюмые и сосредоточенные, — и грустью веяло от толпы: она шла не на праздник — она шла на погребение своей родины, на похороны старого, привычного

и милого сердцу мира... Теперь нужно было выслушать новое слово и заповеди нового мира, который хотели создать красные боги. Толпа шла мрачная, печальная. Многие были в темных костюмах, словно в трауре, словно шли на кладбище.

Хмуро и злобно парижане смотрели на тянувшиеся к Марсову полю отряды красных войск — пехоту, кавалерию и артиллерию. Чуждые люди, вооруженные, грубые, веселые, с непонятными песнями, с непонятными командами, вливались непрерывным потоком на Марсово поле и окружающие улицы. Над стройными, густыми колоннами развевались тысячи красных знамен и значков. Оркестры, словно в насмешку над побежденной Францией, играли марсельезу — песню истинной свободы.

Лозин дошел до улицы Сюффрен и пошел вдоль нее к набережной Сены. Во всю длину улицы, от вокзала Марсова поля до военной академии, были выстроены шпалерами советский войска. Эти стройные, бесконечные шеренги опоясывали Марсово поле. С улицы Сюффрен прямая зелено-желтая линия солдат, оперенная иглами штыков, поворачивала на набережную, отсюда на улицу Лабурдонне и, пройдя по улице Ла Мотт-Пике, смыкала правильный прямоугольник на улице Сюффрен.

У вокзала Марсова поля Лозин свернул к Эйфелевой башне — центру сегодняшнего торжества. Около башни красные вожди должны были произнести ответные речи на приветствия французских, английских, германских и других коммунистов. Закинув голову. Лозин увидел, что на верхушке башни развевается колоссальный, ярко рдеющий на солнце красный флаг. Это был символ великой победы, символ новой эпохи и жизни вселенной, когда красные боги сделали новый гигантский шаг.

Лозин предъявил особый именной билет, выданный ему Зибером, и красный караул пропустил его на Марсово поле. Журналист с любопытством осмотрелся.

Все «поле» было занято войсками; не было ни одного свободного кусочка, на котором не виднелись бы прямые шеренги. Единственным пока свободным местом была пло-

щадка перед башней. Здесь возвышались амфитеатром колоссальные трибуны для избранной публики — русских и иностранных коммунистов. Прямо против трибун, у подножия башни, был устроен высокий помост, задрапированный красным сукном и сплошь обвитый гирляндами из зелени и красных роз. На помосте стояли красивый золоченый стол и такого же стиля стул. По углам помоста возвышались высокие столбы; они были обвиты зеленью, красными лентами и цветами; гирлянды из роз, красных флажков и красных лент соединяли концы столбов. На этом помосте должны были говорить речи вожди СССР и иностранные коммунисты. Несколько в стороне от помоста находилась трибуна для немногих избранных. Она была особенно роскошно отделана и могла вместить только 50 человек. Трибуна предназначалась для вождей коммунизма, для советского командования и представителей штаба германского главнокомандующего.

Вдоль подножия башни на высоте 50-60 метров был укреплен колоссальный плакат с надписью огненно-красными буквами:

«КРАСНЫЕ СОЛДАТЫ НЕСУТ В СВОИХ СЕРДЦАХ СВОБОДУ ТРУДЯЩИМСЯ ВСЕГО МИРА! НА СВОИХ ШТЫКАХ ОНИ НЕСУТ ДЕВИЗ: “МИР ХИЖИНАМ — ВОЙНА ДВОРЦАМ!”»

Ниже эта надпись повторялась на французском языке.

«Все те же лживые, надоевшие лозунги!» — думал Лозин. — Мир только теперь узнает цену этим лозунгам; мы, русские, эту цену знаем давно: она вписана на наших спинах навсегда...

Вот здесь, — продолжал думать Лозин, — сегодня должно решиться, что сильнее: любовь к родине или боязнь за свою жизнь? Хватит ли силы воли у четырех скромных русских людей отдать свою жизнь за торжество жизненных начал, к которым привыкло и на которых воспитано человечество? Эти четыре человека неизвестны: но их имена прогремят по вселенной. Будет ли тверда рука и верен глаз в нужную минуту?»

И сознание, что и он причастен к этой попытке уничтожить красных богов, волнующей теплотой охватило Лозина. Он вспоминал сейчас, что произошло вчера, вспоминал, как счастливая случайность и беспечная доверчивость Зиберы дали возможность помочь Лерхе и его друзьям.

Это было так. Зибер привез огромную пачку отпечатанных на прекрасной бумаге пропускных билетов на Марсово поле и на трибуны для коммунистов.

— Большая работа! — сказал Зибер. — Нужно вписать в эти бланки около 2,000 имен и фамилий русских и иностранных коммунистов по заготовленному заранее списку. Бюро не дало мне ни одного писаря: никому не верят. Помогите мне писать. Лозин: я один не могу успеть кончить эту работу до утра.

Лозин согласился. Они сели за работу, за которой провели около семи часов. Воспользовавшись коротким отсутствием Зиберы, Лозин вырвал из середины пачки запасных билетов четыре бланка, вписал французские имена и фамилии Лерхе и его помощников и спрятал билеты. После этого он продолжал работу.

Закончив последний бланк лишь под утро, Лозин сейчас же отправился к Лерхе, который еще два дня тому назад приехал в Париж и, при первой встрече с Лозиным, жаловался ему, что на Марсово поле не удастся попасть благодаря усиленной охране и недопущению к Эйфелевой башне широких народных масс. Теперь, обрадованный, он покинул Лозина и бросился собирать своих помощников.

* * *

Трибуны для коммунистов стали заполняться. Люди ходили по одному и группами, рассаживались или оставались стоять, оживленно разговаривали и курили папиросы, трубки, сигары. Большинство было одето хорошо: некоторые с претензией на изысканность, некоторые в простых рабочих блузах, штанах, сапогах и кепи. Было несколько сот

человек в советской военной форме — представители всех войсковых частей Красной Армии. Военные держали себя беспечно, весело смеялись, болтали. Иностранные представители, в большинстве, были солидны, важны, проявляли сознание величия минуты. Здесь были немцы, англичане, чехи, венгры, итальянцы, сербы, шведы, норвежцы, индусы, афганцы, персы.

Особой группой держались французы. Лозин наблюдал за этой группой и не мог не рассмотреть на лицах французов подавленности и грусти. Эти люди говорили тихо, как будто боялись обратить на себя внимание. Они часто останавливались на полуслове и смотрели вокруг себя удивленным взглядом; казалось, они никак не могли привыкнуть к чуждой им, странной обстановке в сердце Парижа, в сердце их родины. И Лозину было жаль их: «Почему они здесь? — думал он. — Куплены ли они или пришли искать сюда осуществления своей новой веры, пришли сюда за истиной? Обманутые люди!»

Лозин прошел в первый ряд трибун, нашел свое место, которое находилось рядом со стулом Зиберы, и уселся. Трибуна для 50 избранных вождей коммунизма и вождей Красной Армии тоже стала заполняться. Лозин узнал многих по виденным ранее фотографиям. Впрочем, гул голосов на трибунах говорил ему каждый раз фамилии новоприбывших. Приехало много людей, которых Лозин совсем не знал и фамилии которых ему ничего не говорили. Приехали командующие армиями и некоторыми резервными корпусами и представители германского штаба.

Кто-то тронул Лозина за плечо. Он оглянулся: сзади стоял улыбающийся Зибер.

— Ну, каковы ваши впечатления? — спросил Зибер. — Мне предлагали место на трибуне для избранных, но я пошел сюда. Здесь интереснее, так как можно наблюдать за этими... представителями народов.

Он махнул рукой назад.

— Какое все это производит на них впечатление? Как вы думаете?

— Конечно, прежде всего впечатление грубой силы, — ответил Лозин. — Если они не совсем пьяны от коммунизма, — они должны понять, что это торжество — торжество грубого Хама...

— Как вы надоели своим нытьем! — улыбнулся Зибер. — Не отравляйте хорошего настроения!

Крики «Ура!», приветственный гул войск и звуки оркестров, игравших интернационал, отвлекли их. На трибунах все вскочили и вытянули головы к улице Сюффрен, откуда, все усиливаясь, приближался гул. «Командарм Савин!» — повторялось тысячами голосов.

Шагах в полторастах от трибун остановился красивый автомобиль, покрашенный в кроваво-красный цвет; на радиаторе развевался шелковый красный флаг.

Из автомобиля вышел худой человек, одетый в простую защитную форму, элегантные сапоги и фуражку, и быстро пошел к трибунам. Лозин увидел короткую острую бородку, длинный, тонкий нос, сжатые губы. Глаз не было видно под сверкающим на солнце пенсне. Лицо было желтое, истощенное, со впалыми щеками. Человек остановился, нервным движением снял пенсне, протер стекла носовым платком, снова одел, потом, дернув себя за бородку, продолжал идти на трибуну для избранных.

— Да здравствует Савин! — раздался гул голосов.

Человек остановился, повернулся к трибунам, слегка поклонился и, поднеся руку к козырьку, крикнул резко и быстро:

— Приветствую представителей трудящихся всего мира!

За советским главнокомандующим на трибуну прошли красные генералы. Несколько адъютантов суетились, рассаживая начальников.

Кругом воцарилась тишина. На улицах слышна была слабая, далекая команда: «На кра-ул!» И сразу сверкнула прямая линия тысяч штыков и заиграли оркестры. Снова крики «Ура!» и мощные ответы на чье-то приветствие. Кругом все гудело от криков и музыки.

— Наконец-то! — сказал Зибер и встал, чтобы лучше увидеть приезд пролетарского диктатора.

Красный бог подъехал на таком же автомобиле, как главком. Плотный, самоуверенный, спокойный, страшный преемник Ленина осторожно вылез из автомобиля и, расстегнув черное, легкое, коротенькое пальто, мелкими шажками пошел к трибуне. Его приветствовали громовыми криками. Он остановился, спокойно посмотрел на кричащих людей, потом снял шляпу и низко поклонился. Лозин увидел крупную, массивную голову, покрытую седой гривой. Диктатор ничего не сказал и прошел на трибуну для избранных, где уселся в первом ряду. Сложив на коленях руки, он внимательно посмотрел вокруг себя.

Глава 49

СМЕРТЬ ЛЕРХЕ

Какой-то человечек с рыжей бородкой, в защитной форме, с исписанными листками бумаги в руке, суетливый и взволнованный, подбежал к диктатору и, показывая на листки, что-то быстро ему говорил.

— Церемониймейстер! — с насмешливой улыбкой сказал Зибер про человечка. — Вы знаете, здесь не митинг, здесь торжественная церемония, в которой все расписано по минутам и в которой все роли заранее распределены.

— Товарищ Густав Ардан! — громко провозгласил человечек.

На помост для ораторов поднялся худой, длинный, черненький, как жук, француз. Он был взволнован и первые слова его речи совершенно не были слышны. «Громче, громче!» — требовали трибуны, хотя большая часть коммунистов все равно не понимала французского языка. Ардан усилил голос. Говорил он вяло, бледно, без всякого воодушевления.

Зибер зевнул, отвернулся и стал разглядывать публику. Вдруг он схватил Лозина за руку и прошептал:

— Вы не знаете этого господина, — вон того, в коричневой шляпе, с черной бородкой?

Лозин обернулся, проследил взгляд Зиберы и увидел, ряда на четыре выше, сидящего у края трибуны Лерхе. У него были выкрашены в черную краску волосы, усы и борода, но, несмотря на это, его можно было узнать. Лозин вздрогнул.

— Нет, — сказал он. — Почему вы задали этот вопрос?

— Не знаю, — ответил Зибер. — По моему, я его видел и, по какой то странной ассоциации, мне кажется, что это лицо я видел рядом с вами, обязательно рядом с вами. Поэтому я и спросил вас.

Лозин вспомнил, что на заседаниях «Союза расплаты за Россию» он всегда сидел рядом с Лерхе. Зибер, по-видимому, бессознательно запомнил это. «Нужно отвлечь его», — подумал Лозин.

— Внимание! — с натянутой насмешкой сказал он. — Сейчас будет говорить ваш бог.

— Да, да, — рассеянно ответил Зибер. — Но я все-таки не понимаю... Где я встречался с ним?

— Ваша память стареет, Зибер, — сказал Лозин. — Помните, в Реймсе вам показалось, что столкнувшийся с вами... хромой — тоже ваш знакомый...

— Что ж, — пробормотал Зибер. — Я почти уверен, что и того и этого я в свое время встречал.

И он несколько раз еще оглядывался на Лерхе.

На помост ровным и спокойным шагом поднялся красный диктатор. Он подождал минуту и, когда воцарилась тишина, начал громко и раздельно:

— Товарищи! Достигнуто то, о чем еще так недавно мы не могли даже мечтать, скованные цепями капитала. Мы были слабы, разъединены, неорганизованны; мы были биты, запуганы. Паутина хитрой, умной мировой буржуазии связывала наши первые освободительные попытки, мы были рабами мировой олигархии, мы были илотами изнеженных, жестоких и бессердечных рабовладельцев. Мы могли думать только о бесконечно медленном завоевании наших прав и зарево свободы озаряло для нас только грядущие столетия.

Но грянула война — великая война для пролетариата всего мира, потому что она, залив полмира кровью обманутых рабочих и крестьян, показала воочию всю лживость и преступность создающей такие бойни буржуазии. И русский пролетариат, первый поняв это, отказался от войны и, силою права, справедливости и штыков, захватил власть. Буржуазия растерялась и не оказала почти никакого сопротивления. Когда же она опомнилась, когда она осознала весь ужас случившегося, — она собрала все свои силы, чтобы вернуть прежнее. Хитростью и коварством, лживыми обещаниями лживой свободы, она пыталась обмануть народ и привлечь его на свою сторону. Но народ знал, где правда, — и пошел за нами. Лишь часть — безумцы и глупцы — пошла за своими господами. В стране появлялись — то здесь, то там — новые Вандеи. Кровавая борьба шла годы, но кончилась победой пролетариата.

Мы вели внутреннюю борьбу, но не забывали о борьбе за мировой пролетариат. Мы изучили обстановку во всем мире и, когда были готовы, — бросили всему миру перчатку. Мы начали великую освободительную войну труда против капитала — войну не стачками и забастовками, а войну, которой, на свою погибель, научила нас мировая буржуазия — войну кровью и железом. Мы начали и продолжаем поход при общем сочувствии рабочих всего мира. Мы обязаны им своими быстрыми успехами. Благодаря их поддержке, мы закончим войну так, как этого хочет мировой пролетариат.

Мы — в сердце Франции: освободительная армия в Париже. Мы пойдем и дальше — туда, куда нас призовут стоны угнетенных — и не кончим войны до тех пор, пока не достигнем полной, великой победы.

Я выслушал приветствие рабочих Франции и это приветствие наполняет мое сердце радостью и счастьем. К сожалению, часть французских пролетариев, обманутая ложным национализмом, пошла против нас и, благодаря их преступной несознательности, льется братская кровь немецких, французских и русских рабочих. Я хочу верить, что это ско-

ро кончится и что рабочие Франции увидят в нас не грубых завоевателей, а братьев и спасителей.

Приветствую вас всех, собравшихся здесь, представителей людей с мозолями на руках, людей, не знающих радостей сытого, людей, заключенных в сырые и темные заводы и фабрики! Приветствую в вашем лице все обиженное, угнетенное и несчастное, населяющее холодные подвалы, конуры и чердаки! Идите к этим несчастным и скажите, что близок час их освобождения, скажите им, что скоро яркое солнце согреет их измученные, исхолодавшие души. Скажите им, что красный солдат слышит их стоны и спешит к ним, сжимая винтовку. Скажите им, что красное знамя — эмблема свободы — уже водружено в сердце Парижа, на Эйфелевой башне. Смотрите на это знамя: оно развевается от ветра и каждым своим трепыханием шлет трудящимся всего мира привет, такой же пламенный, как и оно само!

И, указав эффектным жестом на вершину башни, красный вождь сошел с помоста при громе аплодисментов и восторженных криков.

Говорили речи другие ораторы. Быстро, нервно, захлебываясь, брызжа слюной и принимая картинные позы, говорил главком — о будущей жестокой расправе с буржуазией всего мира. Говорил злобно, переходя иногда на истерический крик. Потом выступали англичане, немцы, скандинавы, чехи, индусы.

После небольшого перерыва человек с рыжей бородкой, в защитной форме, пересмотрев исписанные листки бумаги, крикнул:

— Товарищи! Делегаты от Нормандии — Жан Коллар, Гюи Летурнель, Эмиль Сарр и Франсуа Тильо — уполномочены от имени 20,000 французских рабочих пожать руки великим вождям русского народа и Красной Армии. Они хотят этим пожатием выразить надежды французских рабочих на скорое и полное освобождение от цепей капитала.

Лозин вздрогнул: «Жан Коллар — Лерхе! Господи! Сейчас, сейчас!...»

При общих рукоплесканиях четыре человека сошли с трибун и направились к местам избранных.

— Слушайте, Лозин! — вдруг взволнованно вскрикнул Зибер. — Что это? Это не французы! Я узнаю одного из них: это Лерхе!

В следующую минуту Зибер перепрыгнул через барьер трибуны и бросился за Лерхе и его товарищами с криком:

— Держите их! Остановите! Это убийцы! Убийцы!

К трибуне избранных бросилась толпа с криками ужаса и возмущения. Большинство из сидевших на трибуне вскочили с мест, некоторые перепрыгнули через барьер и бежали прочь. Лишь диктатор спокойно продолжал сидеть, как будто все происходившее не относилось к нему. Казалось, он не хотел ронять достоинства божества перед этой толпой послушных рабов, и даже тогда, когда первая пуля, пущенная рукой Лерхе, просвистела мимо головы диктатора, — он не пошевелился и не разнял рук, сложенных на коленях. Может быть, он знал, что его закроют, спасут, что за него отдадут жизни другие — и тогда он не ошибся...

Несколько солдат его личной охраны приняли на себя первый град пуль и отдали свои жизни за красное божество. Но и Лерхе уже лежал с простреленной головой, а двое его помощников издавали последние стоны под прикладами и сапогами красных солдат. Лишь четвертый был каким-то чудом невредим, прыгал в разные стороны дикими скачками и, обезумев от ужаса, стрелял во все стороны. Был он юный, совсем мальчик, стройный и ловкий. По нему дали несколько выстрелов — и он упал. Солдат в серой каске с красной звездой подбежал к нему, взмахнул винтовкой, но, остановленный сильной рукой, недовольно оглянулся. Сзади стоял Зибер и кричал:

— Оставить живым! Допросить!

Он встал на колени и приподнял голову умирающего. Глаза были полузакрыты, грудь часто дышала, рот был полон красной пены, которая пузырилась на углах губ. Одна рука хваталась за воздух, пальцы сжимались и разжимались, другая рука была поджата под туловище.

Лозин пробился в первый ряд толпы, окружившей раненого, и с ужасом смотрел, как улетала жизнь из юноши.

Кругом была тишина и на бледных лицах солдат, сомкнувшихся кольцом, не было ни злобы, ни жажды мести: была растерянность и жгучее любопытство.

— Кто вы? — спросил Зибер. — Как вам удалось сюда пробраться?

Раненый не ответил. Он широко открыл глаза, посмотрел вокруг, пошевелил губами и вдруг сказал странно спокойным и ясным голосом:

— За Великую Россию...

Закрыв глаза и больше их не открывал... Зибер опустил его голову и мертвая рука одновременно упала на землю. Лозин пошел прочь. «Союз расплаты за Россию» кончил свое существование», — подумал он,

С площадки уносили на носилках умирающего солдата охраны диктатора. Лозин случайно поймал взгляд солдата, впившийся во что-то с непередаваемым выражением преданности, страдания и счастья. Солдат смотрел туда, где на трибуне все так же спокойно сидел грузный, плотный старик.

Глава 50

ГОЛОВА ОТОРВАНА

Позади высилась громада Луврского дворца, ярко освещенного заходящим солнцем; на том берегу Сены — Школа изящных искусств, налево — дворец Правосудия; направо, за легкими, изящными мостами — простор извивающейся Сены. Типичная парижская набережная — прилизанная, затененная стройными, ровно посаженными деревьями.

Это был центр, сердце Парижа, это было место, овеянное романтизмом истории. Здесь проезжали раззолоченные кареты Людовиков; звеня шпорами, пробирался нетвердыми шагами стройный, затянутый в бархатный камзол,

подвыпивший офицер королевской гвардии. Быть может, когда-то здесь слонялись, напевая веселую песню, мушкетеры — Атос, Портос и Арамис; бежала к Бастилии опьяненная яростью и кровью толпа; бушевали санкюлоты, потрясая копьями и топорами; среди блестящей свиты проезжал маленький, угрюмый корсиканец...

И все это было, как сон... Лозин вздохнул, когда увидел медленно приближавшийся к нему и Зиберу эскадрон германских драгун. Стильные каски и дула карабинов блестели в последних лучах солнца. Белобрысые и рыжие головы качались в такт движению лошадей, слышалась резкая, тяжелая, как камень, немецкая команда.

Эскадрон перешел на рысь и круто повернул с набережной на Рю ле Лувр.

И сейчас же другой диссонанс, другое вопиющее противоречие местному колориту, выплыло из-за Иль де ла Сите в виде маленького, пузатого, закопченного парохода, который с трудом тащил две баржи, наполненные солдатами в серых касках с красной звездой. Солдаты, судя по шуму, крикам и песням, были пьяны. На одной барже хрипло и нестройно пели интернационал; кто-то вразрез со всеми высоким фальцетом тянул «Вниз по Волге реке».

— Это солдаты дивизии Заметова, — сказал Зибер. — Дивизию перебрасывают к Орлеану, у которого сейчас идет бой. Одна из лучших частей нашей армии.

— Да, это видно, — пробормотал Лозин. — Пьяная банда!

— Им нужно забыться, — раздраженно возразил Зибер. — Впереди тяжелые бои. Предстоит последний, решительный удар. Во всех армиях смотрят сквозь пальцы на пьянство солдат перед боем. Чем ворчать, вы лучше осознайте, поймите то, что наша армия перекатилась через Париж, через самое сердце французское. Париж уже в 100 верстах позади фронта. Конец войны близок, Лозин, а вместе с тем и наша победа. Победа не только над Францией, но и над всем миром. Нас ждут в Англии, в Испании, на севере, на юге, везде... Готовится взрыв, великий, всеобщий взрыв. Старый мир, старый социальный порядок летит к черту. То, что произошло у Эйфелевой башни, — это последние

конвульсии старого мира, последняя его попытка удушить нас, предательский удар сзади, в спину. Но у Лерхе ничего не вышло, хотя, по нашим сведениям, за новым «Союзом расплаты за Россию» стояли все буржуазные правительства. Ну, а если бы ему удалось убить наших вождей — разве на их место не стали бы новые, не менее талантливые люди? Была бы, конечно, заминка, но ничего страшного не произошло бы.

— Но ведь «Союз расплаты за Россию», может быть, еще жив! — воскликнул Лозин. — Что, если ему все же у дастся нанести вам решительный удар? Хотя вы и говорите, что будет только заминка, но такая заминка в виду у неприятеля, среди напряженной борьбы, едва ли легко пройдет для вас...

— Ерунда! — замахал руками Зибер. — Не хочу и думать об этом!

Они медленно перешли по мосту через Сену и вышли на Сен-Жерменский бульвар.

Походная колонна советских войск, мелко стуча сапогами, тянулась вдоль улицы, по-видимому, к Западному вокзалу. Истомленные, бледные лица солдат казались гипсовыми масками. Шинели и сапоги были покрыты грязью и пылью. Мелькали забинтованные головы и руки. Охрипшими голосами кричали командиры.

Высокий, крепкий солдат, в помятой стальной каске, в стоптанных сапогах и порванной шинели, с винтовкой на ремне, подбежал к Зиберу. Солдат держал между пальцами потухшую сигарету и попросил знаками огня. Зибер протянул ему сигару и зажигалку.

— Куда идет ваша часть? — спросил Зибер.

— Да вы русские будете? Земляки, значит! А я думал, французы проклятые! А полк наш, значит, из самого из боя на другое место переводят... в этот... как его... Орла... Орле...

— Орлеан, — подсказал Зибер.

— Во, во!.. Туда, значит! Мы ему там покажем, француз! Будет помнить пермяков! Мы из Перми, значит! Будьте, товарищ, здоровы!

Он закурил и побежал догонять свою роту.

— Разве не трогает вас эта картина? — спросил Зибер, повернув улыбающееся лицо к Лозину. — «Мы им покажем!» Это пермяк, наш русский темный мужик с дикого Урала. И вот он — в авангарде революции, в сердце мира, в Париже, с винтовкой в руках и огнем в сердце. Он наш — русский, русский! Понимаете? По-моему, и у вас должно мелькнуть гордое чувство. Серый русский мужик диктует свою серую, крепкую правду тонким просвещенным умам лживой буржуазии... Сопротивление слабеет, скоро нас встретят с открытой душой народы всего мира...

— Вот, например, эти, — усмехнулся Лозин, показывая глазами на толпу зевак, которые, рассыпавшись по тротуарам, угрюмо и молчаливо следили за солдатскими рядами.

Зибер брезгливо поморщился.

— Эти? Парижские мещане! Трутни, избалованные кабаками, тунеядством, подачками англичан и американцев! Слякоть, которую нужно убрать с лица земли. Я не об этих говорю, мы не к этим идем. Это — лакеи буржуазии, а не пролетариат...

Он взглянул на наручные часы.

— Однако, довольно бить баклуши, бродить по Парижу и зевать на чудеса в виде пермяков на Сен-Жермеиском бульваре. Вы остаетесь глазеть? Ну, глазейте, да подумайте, не лучше ли оставить свои детские мыслишки и примкнуть к ним. Наше дело — правое и победа будет всегда с нами.

Лозин молчал, так как никогда еще слова Зибера не казались столь близкими к истине, как сейчас, когда большевики были в Париже. Какое-то внутреннее чувство говорило ему, что успех их непрочен, случаен, что достаточно толчка, чтобы все затеянное ими рассыпалось. Но где этот толчок, кто даст его? Когда это будет?

Зибер кивнул Лозину и вскочил в проходивший автобус. Лозин проводил глазами последнюю колонну солдат, которую замыкал жалонер с красным значком на штыке винтовки.

Кто-то тронул Логина за плечо. Он быстро обернулся. Около нею стоял маленький человек с быстрыми, нервными движениями и страшно бледным лицом. Глаза его остро смотрели на Лозина, губы сложились в неопределенную улыбку. Лозину показалось, что он видел где-то этого человека.

— Что вам угодно? — спросил по-французски Лозин.

— Не можете ли вы... назвать фамилию того господина, с которым вы только что говорили? — смущенно хихикая, произнес по-русски незнакомец.

— Его фамилия? Зибер, — ответил Лозин. — А вам зачем?

— Видите ли... я с ним был знаком в России, но давно. Я не был уверен... то есть... был уверен, что это он, но хотел еще раз проверить, а потому не решился сразу подойти к нему...

Он сделал шаг в сторону и Лозин увидел, что странный человек сильно хромает. И вдруг он сразу, отчетливо вспомнил, что видел этого человека в Реймсе, около мэрии.

— Я узнал, что Зибер в армии, от одной дамочки в Берлине, — продолжал хромой, внимательно следя за лицом Лозина.

Потом, пожевав губами, добавил:

— Ее фамилии Лозина... Вера Лозина...

— Вера! — воскликнул Лозин. — Это моя жена...

— А! Так вы господин Лозин? — спросил хромой. — Она говорила о вас очень много... очень много... и просила передать вам привет. Я по ее описанию сейчас же узнал вас. Она говорила, что вы с Зибером большие друзья. Правда это?

Хромой с явной усмешкой смотрел на Лозина.

— Я буду очень рад поговорить с вами... — сказал хромой. — Сейчас я должен идти. Разрешите встретиться с вами еще раз. Хорошо? Где вы живете... и Зибер?

Лозин жил теперь отдельно от Зибера. Хромой записал адреса. Потом церемонно поклонился и сказал:

— Очень рад знакомству с вами. Мы еще должны встретиться... и поговорить... и поговорить... До свидания.

Он снял кепи и быстро заковылял в сторону.

Лозин смотрел ему вслед и только тогда, когда хромой скрылся в толпе, вспомнил, что даже не спросил его фамилии. «Что хотел сказать этот странный человек, — думал Лозин, — когда говорил о нашей дружбе с Зибером? Почему он улыбался так насмешливо? Неужели Вера ему что-нибудь рассказала? Нет, это невозможно. Она не могла рассказать».

Его мысли перенеслись на другое... воспоминания о Вере охватили его. Он подумал, что за последнее время она как-то исчезла из его сознания... из его жизни... Вместо ее лица он видел какое-то белое пятно — бесформенное, туманное. Спокойно и — неожиданно для него самого — равнодушно он подумал, что от его любви к ней ничего не осталось. Было сознание, что где-то там, в Берлине, живет его жена, с которой он должен был снова встретиться, может быть, провести всю жизнь. Но он не представлял себе, как произойдет эта встреча, что он скажет Вере, как все это будет. Теперь ему казалось странным, что когда-то он клялся ей в любви, молил о взаимности, страдал. Все куда-то ушло, было далеко, далеко...

Другие впечатления, встречи, грозные события, яркие картины, а главное, время, — закрыли от него серой дымкой когда-то дорогое лицо Веры. Все прошло... осталась какая-то неопределенная тоска и неприятный осадок на душе...

Он с удивлением вспомнил, что давно уже не получал от нее писем — и это не трогало, не волновало его. Раньше он с нетерпением ждал этих писем; теперь — он только сейчас вспомнил, что она не пишет...

Страшный, оглушающий удар потряс воздух и землю. Все заходило вокруг.

Лозина отбросило в сторону... Зазвенели оконные стекла... на мостовую посылались осколки... затряслась земля... дома... поднялся вихрь пыли...

Прохожие бежали во все стороны... некоторые падали на мостовую. Вдоль улицы пронеслись две обезумевшие от ужаса лошади, волоча за собой опрокинутую повозку. Женщина тащила на руках ребенка и кричала страшным голосом.

Из домов выбегали испуганные люди, задирая кверху головы, ища на небе воздушную эскадрилью. Промчался по направлению к Сене эскадрон советской кавалерии.

Лозин бросился вместе с толпой к берегу Сены. Запахло гарью, на темнеющем небе занималось зарево.

Когда Лозин с большим трудом протискался сквозь густую толпу к выходу на набережную, он увидел огромный столб пламени и дыма на том месте, где... раньше стоял Луврский дворец. *Раньше* — потому что сейчас там были только развалины, окутанные черным дымом... Соседние здания были также наполовину разрушены. Общий гул ужаса царил над толпой.

— Что это? — спросил Лозин у старика-француза, который без шляпы, с перекошенным ртом, смотрел на столб огня.

— Взрыв, страшный взрыв! — воскликнул, взмахнув руками, старик. — Они разрушают Париж, проклятые разбойники — боши и большевики!... Лувр, Боже мой, Лувр, который четыре века украшал Париж! Его уже нет, он исчез... взлетел на воздух!... Боже мой. Боже мой! Что еще ждет нас? Что ждет Францию?

Он побрел в сторону, схватившись руками за голову и монотонно бормоча и раскачиваясь, как от зубной боли.

Советская кавалерия начала оттеснять толпу с набережной. Угрюмые всадники наступали на толпу лошадьми, зазевавших хлестали нагайками. Несколько человек сидели на мостовой и стонали от полученных уларов. Лозин узнал в командире эскадрона молодого человека, которого встречал у Зибера. Лозин быстро и решительно пошел к командиру.

— Что случилось? — спросил Лозин, взявшись за седло танцующей лошади. — Бомба с аэроплана?

Кавалерист нагнулся с седла и шепотом проговорил:

— Случилось ужасное... непоправимое... Я не знаю, что теперь будет. Какие-то террористы взорвали Луврский дворец в то время, как там заседали все наши вожди: предсовнарком, все наркомы, командующие армиями, главари компартии... Там было больше двухсот человек... Думаю, что

погибли все... дворец разрушен до основания... *Мы остались без головы...* голова оторвана начисто... никого не осталось...

Глава 51

«ЛУВРСКАЯ БОЙНЯ»

Зибер был в Сен-Дени, когда взрыв потряс город. Здесь, в предместье Парижа, слышен был на мгновение лишь далекий гул. Никто не придавал особенного значения этому гулу, так как налеты одиночных французских аэропланов были явлением частым. Парижане привыкли к взрывам авиабомб.

Зибер вернулся к себе домой уже поздно вечером. Он имел квартиру из трех комнат в занятом советскими войсками громадном особняке на улице Вивьенн, вблизи Национальной библиотеки. Здесь был расположен один из советских штабов. Около дома стоял ряд мотоциклеток и автомобилей, подъезд был ярко освещен, блестели штыки часовых, сновали взад и вперед солдаты с донесениями и пакетами, вбегали и выбегали ординарцы.

Зибер привык к этой толчее и сейчас не обратил внимания на то, что, несмотря на поздний час, сутолока около штаба, против обыкновения, не уменьшилась. Стояли группы солдат, вполголоса обсуждавших событие дня. Но Зибер ничего не заметил, погруженный в свои мысли. Он пробрался среди толпы к своему подъезду, поднялся на второй этаж и позвонил у двери. Молодой солдат, его вестовой, открыл дверь, взял у Зибера шляпу и сказал:

— Разрешите доложить: вас ждут в кабинете гражданка...

— Какая гражданка? Что ты мелешь? — удивился Зибер.

— Молодая, значит... русская...

— Сколько раз я тебе говорил, чтобы без меня никого не пускать в кабинет! Что ей нужно?

— Говорит, что важное дело... сама не в себе... я и пустил...

Зибер прошел мимо солдата и открыл двери кабинета. Женщина в темном дорожном платье вскочила, бросилась к нему и остановилась на полпути.

— Вера?! — прошептал Зибер. — Ты... вы... здесь, в Париже?

Она молча смотрела на него и бледное ее лицо постепенно заливалось краской смущения. В глазах менялись чувства страха... радости... преданности... любви... С полминуты она не прерывала молчания, борясь со своим волнением, и, наконец, выговорила прерывистым шепотом:

— Вам грозит большая... опасность, может быть, смерть. Я приехала сюда, чтобы спасти вас...

— Как спасти? От кого? Что с вами?

Он усадил ее в кресло, взял стул и сел напротив нее. Удивление было на его лице. Он был поражен. Ее глаза! В них было такое странное, необыкновенное выражение, неожиданное для него теперь... после того, что было...

Волнуясь, она рассказала ему о своей встрече с Риновым и о том, что он должен быть давно уже в Париже, рассказала о всех тех трудностях, которые ей пришлось перенести за дорогу. Ее долго не пускали в армию, ее упорное желание попасть на фронт казалось подозрительным. К ее уверениям, что она едет к Зиберу по секретному делу, относились с недоверием и насмешкой. Наконец, когда фронт перекатился через Париж, ей позволили ехать в штаб северной группы советских войск, в которой должен был быть Зибер. Ей не оказали никакой помощи. Она пробиралась с воинскими эшелонами, с санитарными поездами, шла пешком, подвергалась лишениям, издевательствам и оскорблениям со стороны пьяных, разнузданных солдат. Это была целая повесть страданий, это был подвиг самоотречения и самоотверженности... Она добралась до Парижа, нашла справочное бюро советской армии в Городской Думе и узнала адрес Зибера.

— Слава Богу! — закончила она свой рассказ. — Я успела вовремя! Он здесь... я чувствую это! Берегитесь, бойтесь его!..

— Спасибо вам, Вера. — мягко сказал Зибер. — Но за такие подвиги не благодарят... нужно поклониться вам, как героине. Я припоминаю эту историю с Риновым. Да, его брат погиб... кажется, в 1920 году. Тогда была жестокая борьба. Я расстрелял его. Но это было так давно... и, вообще, это такие пустяки — смерть одного человека. Я не боюсь угрозы этого сумасшедшего: его угрозы навеяны кокаином. Не это поразило меня в вашем поступке... меня поразило другое... Как вы, оскорбленная мною, ненавидящая меня, решились искать меня, поехали сюда ради моего спасения? Вы... ненавидите меня?

— Ненавижу? — переспросила она с жалкой, страдальческой улыбкой и опустила голову.

Потом сразу выпрямилась. Страшно побледнела и сжала кисти рук. Встала, пошатываясь, подошла к Зиберу, опустилась на колени, схватила его руку и, плача, всхлипывая, прошептала:

— Я... ваша раба... я люблю вас... любила и буду любить! Вы — страшный, вы жестокий, но для меня ничего и никого нет на свете, кроме вас...

Он взял ее голову в свои большие, сильные руки, нежным движением откинул назад ее льняные волосы и приблизил свое лицо к ее лицу. Их глаза встретились. Так они сидели несколько минут и молча смотрели друг на друга. Он вздохнул и отвел глаза.

— Родной мой!... — заговорила она страстным шепотом. — Я не могу быть без тебя! С тобой... всегда с тобой! Ты писал, что наши пути встретятся... Я простила тебе все... я не понимала, что это любовь... та любовь, которая бывает только раз в жизни и которой я была осчастливлена... которая завладела мною навсегда... до конца дней моих. Та любовь, о которой мечтает всю жизнь каждая женщина, — великая, всепожирающая любовь, которая не знает убеждений, взглядов, расчетов, которая начинается, как великий пожар и испепеляет душу... Наши пути опять встретились и я не хочу уходить от тебя. Я не могу судить тебя за твои поступки... тебя называют жестоким зверем... Пусть... я ничего не знаю, кроме твоих глаз, губ, голоса... ничего не

хочу знать! Ты — большой человек и к тебе нельзя подходить с такой же меркой, как к другим людям... тебе многое дозволено...

Слезы катились по ее лицу, глаза, не отрываясь, смотрели на Зибера. Он повернулся к ней и в глубине ее зрачков прочел рабское поклонение. Он был для нее божеством. Он печально покачал головой.

— Что же ты хочешь от меня, Вера? Я — вечный странник... Я не могу отдаться личной жизни — я никогда не имел ее. Если ты пойдешь за мной, — немного внимания могу я уделить тебе. Ты скоро бросишь мне упрек... ты не найдешь около меня счастья. Я так мало могу быть с тобой...

— Только видеть тебя каждый день! — страстно воскликнула она, прижимаясь к нему. — Быть твоей рабой... вещь... прислугой... кем хочешь! Не отталкивай меня... я так люблю тебя... я ток люблю тебя!...

Она обнимала его, в своих руках он чувствовал ее сильное, молодое тело. Ее губы тянулись к нему, алчные, жадные, открывая ряд влажных, блестящих зубов.

Воспоминания о часах страсти, проведенных еще так недавно с этой женщиной, охватили его. Теперь она была снова с ним, пожираемая огнем любви, дрожащая, такая близкая, доступная, прекрасная в своем волнении... Желание охватило его и он склонился к ее губам...

Радостный вздох вырвался из ее груди... торжествующий... победный... Она обхватила шею Зибера, прильнула к нему и закрыла глаза...

* * *

Всего через несколько дней после уничтожения Луврского дворца весь мир понял значение этого великого события. Казалось бы, что на фоне страшной войны, когда ежедневно гибли десятки тысяч людей, смерть двухсот человек должна была пройти незамеченной. Но это было не так. Когда Лозин думал об этом, он вспоминал недавно слышан-

ную фразу:

— Мы остались без головы...

Да... голова была оторвана!..

Лозин думал и вспоминал историю, вспоминал много примеров, когда бурные события выдвигали вождей — вождей политических, военных и религиозных. Среди них было много гениев, проявивших себя самодовлеюще, своей внутренней силой, неожиданно и чудесно; были и такие, которые умели пользоваться обстоятельствами, умели исчерпывающе и талантливо соединять свои желания с окружающей обстановкой.

Он вспоминал и такие случаи, когда отдельные люди, кружки или партии, воодушевленные какой-нибудь идеей, обладающие сильной волей, упорством и способностью внушать другим свои желания, создавали события *сами*.

Он сравнивал то, что читал в истории, с тем, что его окружало. Ему казалось, что сейчас еще не время строить заключения и выводы о природе и сущности большевиков — той кучки людей, которая захватила Россию и хотела захватить весь мир. Слишком ничтожна была перспектива времени, слишком сильны были политические страсти для такого суда... Но он признавал в душе, что никогда еще власть над огромным народом не была в руках более жестоких, но, вместе с тем, и более сильных и волевых людей. Он думал, что большевики были не только выдвинуты, вытолкнуты событиями, но умели и создавать события — силою воли, способностью внушать ее широким массам. Он вспомнил историю их воцарения в России...

Учтя обстановку, ход событий, усталость от войны, они начали свою энергичную проповедь в 1917 году. Всех поражали их цинизм и бесстыдство, все смеялись над ними или возмущались ими. Но это их не смущало: они прозрели ход событий и знали толпу лучше, чем она знала сама себя. И они победили миллионы, подчинили их себе, воспользовавшись удачной обстановкой.

Став у власти, они загипнотизировали миллионы людей, подчинив их своим желаниям. Ими возмущались, против них восставали, но это делалось все слабее и слабее. Рус-

ские Вандеи умерли одна за другой...

Какой-то странный транс охватил великий русский народ, захваченный кучкой людей, которые с холодным цинизмом вивисектора резали и кромсали живое тело страны. Они сказали народу: «Ты пойдешь за нами на освобождение мирового пролетариата». И народ пошел устилать своими телами и заливать своею кровью чужие поля. Своей волей кучка людей создала *события* — великие, грозные события. *Только своей волей*, так как не было логического и исторического основания для того, чтобы русский народ шел за воцарение идей, которые были ему непонятны и чужды, которые еще не созрели для мира и которые показали свою полную несостоятельность при попытке провести их в жизнь.

В этом Лозин видел силу и талантливость большевиков. *Они умели пользоваться событиями, но они умели и создавать события.*

Лозин думал теперь, после события у Луврского дворца, что нашел блестящее подтверждение своим мыслям о большевиках. То, что последовало за взрывом в Лувре, доказывало, что красный гипноз в СССР и в советских войсках держался не логикой коммунизма и не исторической необходимостью, а только силой воли и силой внушения кучки людей, стоявших во главе страны. Не стало этих жестоких, но сильных и волевых людей — и присосавшаяся к ним мелкая, ничтожная клика растерялась и не знала, кем заполнить пустое место.

Но заменить было нечем. «Луврская бойня», как окрестили это событие газеты, показала, чем держался красный гипноз: исчез источник внушения — и гипноз рассеялся, как дым. Следствие установило, что под Луврский дворец была заложена тонна какого-то сильного взрывчатого вещества. Эта тонна — не сотни миллионов пуль и снарядов, не битвы миллионных армий, а только тонна химического вещества — уничтожила красный потоп и красные армии...

Глава 52

КАТАСТРОФА

Известие об убийстве красных богов быстро распространилось по всему миру. В советских армиях эта катастрофа произвела огромное впечатление. Тайная работа германцев среди красного офицерского состава и открытая пропаганда русского национального правительства среди красных солдат — путем распространения миллионов брошюр, прокламаций и призывов к восстанию — сделали свое дело... Но еще большее дело сделало внезапное исчезновение того гипноза, который сковывал волю и желания тысяч солдат и офицеров. Среди советских командиров и комиссаров царили паника и растерянность: они не верили солдатам, не верили друг другу, видели со всех сторон гибель.

Власть пытался взять в свои руки триумвират. Но этот триумвират быстро распался. Командование армиями взял в свои руки наиболее популярный в армии генерал. Однако, это не помогло делу; в воздухе чувствовалась гроза. Солдаты и командиры проявляли самое оппозиционное отношение к советским верхам. Приезд нового главнокомандующего был встречен криками: «Долой коммунистов!»

Однако, все держалось еще по какой-то странной инерции. Нужен был толчок, чтобы вырвать людей из странного дурмана, чтобы рассеять обаяние убитых красных богов. Таким толчком послужили события в Румынии и СССР.

* * *

Как и всюду, известие о «Луврской бойне» произвело моральный сдвиг и в Дунайской советской армии, которая к тому времени заняла Румынию. Армия пришла в такое же состояние неуверенности и нерешительности, в каком

находились советские войска во Франции. Учтя настроение противника, румыны, отступившие на территорию Югославии, и русский добровольческий корпус, состоявший из остатков врангелевской армии, перешли в наступление.

Когда передовые казачьи отряды русского корпуса вошли в соприкосновение с противником, казаки увидели идущие им навстречу густые колонны солдат. Над колоннами развевались русские *национальные* флаги, оркестры играли «Коль Славен». Парламентеры заявили, что 3-я советская дивизия восстала и сдается. В тот же день перебежчики сообщили, что советский главнокомандующий убит и что вся советская армия уходит домой, в Россию.

Сейчас же за этим событием, в СССР началось восстание, охватившее Поволжье, часть Украины и Сибирь. Повстанцы захватили почти без сопротивления несколько губерний, расправляясь с большевиками с ужасающей жестокостью. Неорганизованность восставших позволяла все же отрядам красных регулярных войск и ГПУ держаться во всех крупных пунктах. Восстанию не хватало опытных вождей и оружия. Однако, оно ширилось, захватывая все новые губернии и делало положение большевиков катастрофическим. В темную ночь исчез и последний оплот большевизма: взлетела на воздух взорванная неизвестными лицами кровавая база ОГПУ на Лубянке, в Москве.

Уход советской армии из Румынии и восстание в СССР послужили тем толчком, который вывел из оцепенения советские войска во Франции. Действие этого толчка сказалось быстро.

Находящаяся на фронте и особенно оппозиционно настроенная к советам V армия неожиданно восстала и перебила многих командиров и комиссаров. Посланные для умирения отряды IV армии отказались действовать против восставших. V армия выслала во французские окопы парламентеров, которые заявили, что армия, желая признать власть русского национального правительства, готова перейти на сторону Франции или разоружиться — в зависимости от приказов русского правительства. После переговоров с Бордо, французское командование пропустило всю V армию

сквозь фронт. Представители русского национального правительства встретили армию и заявили ей, что согласно решению французского правительства, вся V армия включается в состав французской армии и будет находиться под командой генерала Снежина.

Измена V-ой армии, поразившая всех своей неожиданностью, поставила в очень тяжелое положение германское командование. Оно никак не ожидало таких быстрых результатов своей же собственной пропаганды. Немцы предполагал помочь свержению большевиков только тогда, когда будут переведены на фронт новые кадры германских войск. Теперь германцы растерялись: их охватил страх за будущее. Согласно своим расчетам, они предполагали провести постепенную замену восставших советских войск германскими. Однако восстание началось раньше, чем они думали — и в этом был трагизм. Но нужно было действовать и действовать быстро, так как усиление врага вовсе не входило в расчеты германского штаба, а пример V-ой армии мог подействовать на советские войска заразительно. Уход V-ой армии и обнажение огромного участка фронта мог стать катастрофическим, если бы французы воспользовались этим прорывом и бросили в него свои войска. Но французы не использовали этого случая и остались стоять на месте. Германо-советские резервы ликвидировали прорыв. Пассивность французов объяснялась тем, что они и американцы не были готовы к общему наступлению. Кроме того, русское правительство в Бордо указало, что с общим наступлением необходимо подождать до восстания всех советских армий.

Немцы начали спешную переброску войск из Германии. Когда было перевезено около 500,000 солдат, германская главная квартира предложила советским войскам постепенно уходить в тыл. Советский главнокомандующий ответил, что «имея целью освобождение мирового пролетариата», советские войска не могу оставить фронт. Это звучало жалко и смешно после убийства красных вождей и было последней попыткой заменить могучий гипноз паллиативом.

И это сейчас же сказалось, так как в тот же день красные войска восстали и арестовали ответственных советских

деятелей, а многих убили. Часть этих деятелей успела скрыться. Во главе армии стал бывший царский полковник Марин. Германский штаб сейчас же запросил Марина, согласен ли он отвести красные войска в тыл. Марин ответил уклончиво. Он заявил, что красных войск уже не существует, а есть войска национальные, русские. В ответ на это поступило требование германского штаба о разоружении русских войск. Одновременно резервные германские войска стали сосредоточиваться в тылу русских армий.

Это было слишком ясно, чтобы не понять германских намерений. Германский штаб, надеясь на развал русских войск и их растерянность, хотел эти войска разоружить, решась на это даже на виду у неприятеля.

В ответ на это последовал приказ Марина всем русским армиям сдать оружие французам и просить разрешения вступить под покровительство российского национального правительства. Разрешение было дано и русские войска перешли к французам, обнажив линию фронта почти в 300 километров. Этот переход был совершен со стихийной быстротой и в руки германцев попали лишь тыловые части войск и склады военного имущества.

Печальный для германцев конец союза с СССР поставил их лицом к лицу с катастрофой. Было бы глупо со стороны франко-американского командования не воспользоваться колоссальным прорывом и, хотя союзные войска еще не были готовы, они повели наступление на фронте в 250 километров. В этот прорыв было брошено 800,000 французов и 500,000 американцев.

Американские войска, прибывшие в Шербург, Брест и Бордо, немедленно перебрасывались на место боя. Германцы противопоставили натиску сначала 500,000 солдат, которые недавно прибыли из Германии на смену советским войскам. Но этого было, конечно, мало и 275-тысячная армия, стоявшая как заслон против Англии на берегу Па-де-Кале, была брошена в бой. Кроме того, из Германии подходили непрерывно подкрепления.

Несмотря на это, натиск французов и американцев был настолько силен, что германским армиям пришлось отсту-

пать. В течение нескольких дней германцы отошли с линии Мелен-Мери-Лангр на линию Мелен-Эперне-Нешате. В некоторых местах, следовательно, они отступили на юг более, чем на 60 километров. Однако, на этой линии германцы оказали бешеное сопротивление и бой постепенно заглох.

Но общее положение стало более благоприятным для французов, так как прикрывающие Париж германские войска занимали теперь сильно выдвинутую вперед позицию. Франко-американское командование начало методичную подготовку наступления на этот сектор. Некоторые русские армии должны были принять участие в наступлении.

В один день и час миллионы французов, американцев и русских грозной лавиной ринулись на германские линии. Удар был тяжкий и германцы его не выдержали. Прорыв на Суассон и Реймс поставил германские войска в Париже в тяжелое положение. Париж должен был неминуемо пасть...

Глава 53

ПАРИ ПРОИГРАНО

С момента взрыва в Луврском дворце Лозин тщетно искал по всему Парижу Зибера. События следовали одно за другим с такой быстротой и положение руководителей советских войск становилось настолько опасным, что из армии началось повальное бегство командиров, комиссаров и, вообще, всех лиц, занимавших ответственные посты. Некоторые из них остались в Париже, переменяв фамилии, запасаясь подложными документами, используя свои связи и знакомства в рабочем мире. Многие бежали в нейтральные страны — в Голландию, Швейцарию, Швецию. Когда началось общее восстание советских войск, в Париже были расклеены объявления, в которых население столицы призывалось к розыску и выдаче большевиков, рассеяв-

шихся среди огромного населения города. За сокрытие беглецов налагались строгие кары. Началась облава. Ежедневно в штаб восставших войск привозили и приводили десятки гражданских и военных чинов бывшей армии СССР, занимавших ответственное положение в советских войсках.

Лозину было очень легко восстановить свое реноме, доказать, что его дружба с Зибером была построена не на согласии и политических взглядах. Не было никаких данных, что Лозин служил в Красной Армии и занимал какой-либо пост у большевиков. Кроме того, ему нетрудно было доказать, что в «Союзе расплаты за Россию» он играл видную роль. Его показания были проверены и Лозина оставили в покое.

Все мысли его были направлены на то, чтобы разыскать Зибера. Бессознательно ему хотелось слышать, что скажет Зибер *теперь*, когда пари, заключенное в Москве, было им проиграно. Лозин не мог скрыть от себя, что в его душе живет чувство преклонения перед цельностью натуры Зибера, живет странная симпатия к этому человеку, несмотря на то, что он был врагом Лозина по своим взглядам и нанес страшный удар в личной жизни Лозина. Были все причины ненавидеть этого человека, но Лозин не мог вызвать в себе этого чувства. Может быть, это было преклонение слабого перед сильным, бессознательная зависть к человеку, который имел точную цель в жизни и шел к этой цели с каменной непреклонностью.

Он не мог найти Зибера. Он точно установил, что Зибер не был арестован. Видимо, Зибер успел скрыться заранее, пользуясь прекрасным знанием языков.

Лозин пытался поступить добровольцем в восставшую армию, но эту попытку встретили в штабе полковника Марина настолько сухо и уклончиво, что Лозин взял свое прошение обратно. Видимо, его дружба с Зибером скомпрометировала его, вызвала недоверие и подозрения. Когда восставшая армия покинула Париж и ушли через фронт к французам, Лозин остался в Париже и продолжал поиски Зибера.

В то утро, когда гул приближающейся канонады показал парижанам, что начался решительный бой за обладание столицей Франции, когда население с надеждой и волнением встречало каждый слух об освобождении от «бошей», — Лозин, усталый и недовольный, брел к себе домой, на Монмартр, где жил в последнее время.

Несколько дней он искал службу или работу — и пока ничего не находил. Приказы о выдаче большевиков напугали население и, хотя восставшие войска покинули Париж и ответственность за помощь скрывающимся исчезла, — к русским относились почти враждебно. Парижане видели в русских, не ушедших с армией, — большевиков, в каждом русском им чудился переодетый советский комиссар или германский шпион.

У самого дома, где он жил, Лозин увидел того странного хромого, который почему-то следил за Зибером. Хромой, видимо, ждал Лозина, так как при его приближении быстро пошел навстречу.

— Господин Лозин, — сказал он. — Вы нужны мне.

Лозин остановился. Хромой, как и в прошлый раз — на Сен-Жерменском бульваре, — внимательно и чуть насмешливо смотрел на Лозина серыми, острыми глазами.

— Я могу оказать вам услугу, — сказал хромой, — большую услугу. Я думаю, что вы потеряли своего друга... Зибер. Я знаю, где он.

— Откуда вы знаете? — воскликнул Лозин. — Как вы знаете, что я потерял Зибера?

— О! — усмехнулся хромой. — У меня есть причины интересоваться Зибером и вами. Я следил за вами обоими и каждый шаг ваш мне известен!

— Где же Зибер?

— Не так скоро, не так скоро! Услуга за услугу! Я вам скажу адрес Зибера, но вы должны уделить мне часа два для беседы. Мне нужно сообщить вам много интересного.

— В чем же дело? — удивился Лозин. — Хоть сейчас! Идемте ко мне.

— Нет, — ответил хромой. — Я хочу, чтобы вы сейчас поехали к Зиберу.

— Сейчас? Но почему именно сейчас?

— Это я объясню вам после. Так вот, вы съездите к Зиберу, а вечером мы встретимся и пойдем куда-нибудь кутнуть. Там и побеседуем.

— Кутнуть? — все больше удивляясь, переспросил Лозин. — Ничего не понимаю. У меня не для этого ни настроения, ни... денег.

— Я вас приглашаю, я! Вы не пожалеете, что пошли со мною. Вы услышите от меня замечательные вещи. Согласны?

— Ну, что ж? Вы заинтересовали меня, — сказал Лозин. — Хорошо, я согласен.

— Еще одно маленькое, но обязательное условие, — проговорил хромой. Ни под каким видом не говорите Зиберу, как вы его нашли, кто указал вам его квартиру.

Лозин принял и это условие. Хромой сказал ему адрес Зибера и заковылял от молодого человека.

* * *

Через час Лозин бродил по Нейли, где скрывался Зибер. Больших трудов стоило отыскать грязный, темный, загороженный высокими домами двор, в недрах которого находилась нужная квартира. После долгих переговоров с обитателями двора Лозин нашел комнату Армана Бувье, адвоката из Прованса. Под этим именем прятался тот, кого искал Лозин.

Он открыл дверь. Какое-то движение произошло в комнате, послышался женский вскрик, кто-то пробежал через комнату и исчез за дверью, которая была в противоположной стене комнаты. Но Лозин не обратил на это особенного внимания. Сначала ему показалось, что он один в комнате. Это была темная и мрачная конура и нужно было присмотреться, чтобы что-нибудь рассмотреть в ней. Какая-то фигура поднялась с кресла и сделала шаг к Лозину.

— Это вы, Лозин? — раздался слабый надтреснутый голос.

— Зибер! — воскликнул Лозин.

— Т-сс... — приложил палец к губам Зибер. — Здесь нет Зибера. Здесь есть Бувье. Арман Бувье...

Он зажег лампочку и только теперь Лозин увидел, в каком состоянии находится Зибер. Он стоял, сторбившись, опираясь на край стола и беспокойно поглядывая на дверь соседней комнаты, куда проскользнула при входе Лозина какая-то тень.

Лицо Зибера было бледное, смертельно усталое, болезненное. Подбородок и щеки были покрыты седой щетиной, глаза поражали безжизненностью и равнодушием. Зибер кутался в полы накинутого на плечи пальто. Он сел в кресло и равнодушно спросил:

— Как вы нашли меня?

Лозин начал какую-то фантастическую историю. Но Зибер почти ее слушал, сидя с закрытыми глазами.

— И вот я нашел вас, — закончил Лозин. — Я очень рад. Мне так хотелось поговорить с вами о том, что произошло...

— Да, — сказал Зибер. — Многое произошло за то время, что мы с вами не виделись, Лозин... очень многое... Все рухнуло. Красные вожди умерли и... некому было заменить их. Вы знаете, что на днях было опубликовано в газетах? Луврский дворец взорвал все тот же проклятый... трижды проклятый «Союз расплаты за Россию»! В этом союзе осталось всего пять человек после смерти Лерхе и его помощников. Эти пять человек, в которых я вселил когда-то дух разрушения и убийства, взорвали на воздух... всех наших вождей. Несколько дней они бешено работали под землей, пробираясь ход под Луврский дворец, заложили в фундамент гигантскую мину — и все полетело к черту. Они не рассчитали страшной силы взрыва и потому ждали результатов своей работы в соседнем доме, около дворца. Взрыв погубил и их. Остался только один тяжело раненый и обожженный. Французы спрятали его. Теперь, после восстания, он опубликовал в газетах свой рассказ о том, как шли приготовления

к взрыву. Сегодня раненый умер... Ах, Лозин, если бы вы знали, как я теперь грызу себя за то, что вдохнул в головы нескольких безумцев мысль об убийстве! Я внушил им эту идею... я загипнотизировал их... я свел их с ума! И вот результаты... Взрыв — и рухнуло все, что с таким трудом подготавливалось — веками... Понимаете, Лозин, *веками!*... Если бы вы знали, как я мучаю себя за свою неосторожность! Я должен был предвидеть, что этих безумцев выпустят из тюрьмы и помогут продолжать их дело. Это так понятно, так естественно, так логично!... Иначе не могло быть. Я должен был предвидеть, что они проникнут в тыл нашей армии. Сколько ошибок, сколько ошибок! Проклятые американцы, проклятые немцы — они тоже вложили свою долю в нашу гибель!...

— Ничего вы не могли предвидеть, — почти грубо сказал Лозин. — Это вам только кажется теперь, что можно было что-то предусмотреть. Но разве можно... предусмотреть цепь таких случайностей, которые привели к смерти ваших богов? Нет, Зибер, если не это убийство, так случилось бы что-нибудь другое, что все равно погубило бы вашу затею. Нашлись бы другие люди, которые отдали бы свои жизни за Россию. Помните, Зибер, мои предсказания? Я говорил, что на Западе вас ждет гибель. Ваши затеи были осуждены на провал. Мы верили в вашу гибель и мы оказались правы. Мы не могли оказаться неправыми. Мы — слабые, безвольные; вы — жестокие, бездушные. Но вы побиты последствиями своей... жестокости, так как нельзя жестокостью добиваться осуществления на деле своих книжных, утопичных идей. Вы побиты, так как мы были правы, так как истина... практическая житейская истина, была с нами. Ваша истина — бездушная, книжная. Жизнь не приняла вашего учения, так как жизнь идет по своим законам и ее нельзя переделывать и переустроить... хотением отдельных людей. Жизнь сыграла с вами злую шутку. Она забросила вас на вершину ваших мечтаний и изобразила из себя послушную рабу. Она терпела ваше существование на земле, она позволила издеваться над собой, — но тем жестче и неумолимее должна была быть ваша расплата, так как над жизнью и ее за-

конами нельзя смеяться безнаказанно.

Чтобы дать человечеству великий, пока еще непонятный нашему слабому уму урок, — жизнь возвела на высочайшую вершину... циничных демагогов и наглых вивисекторов. И они, эти люди, хотели убийством одного класса, потоками крови, океаном слез и страданий создать счастье другого класса людей... Но кровь не дает счастья: там, где пролита кровь — проклятье и гибель. Может быть, вы — великие люди, но от этого ничего не изменилось: жизнь все-таки сильнее вас, а невозможное... не стало возможным. Вы сильнее нас, дерзновеннее, но вы оторвались от жизни, а потому вы — преступники не только перед нашими несовершеннолетними, убогими людскими законами, но и перед мудрыми и вечными законами жизни. Мы же, несмотря на наши неудачи и ваши успехи, держались жизни и всегда говорили, что невозможное — не возможно.

Жизнь была за нас и мы, ее дети, плоть от плоти и кровь от крови, инстинктом всегда чувствовали, что мы правы и победа останется за нами. И этот инстинкт давал силу и энергию бороться с вами. Жизнь наносила вам поражение за поражением. Ваши учение и опыты проваливались, когда вы хотели... втиснуть жизнь в тесные рамки декретов. Наконец, жизнь сделала вам последнюю уступку — дала вам последнюю, великую победу, а теперь... теперь сталкивает вас в пропасть, потому что вы ей надоели. Вы смеялись над жизнью... вы не признавали эволюции... вы хотели волею двух-трех людей перестроить в несколько лет жизнь и мир. Теперь жизнь смеется над вами, над вашей наглостью, над вашей самоуверенностью.

Вы обвиняете американцев и немцев. Но при чем они тут? Американцы и немцы — самые практичные и близкие к жизни люди и жизнь избрала именно их орудием, чтобы раздавить вас... «Союз расплаты за Россию»? Но что он сделал? Он только убил ваших красных вождей. Но когда вожди были убиты — все ваше дело рассыпалось в прах. В этом доказательство того, что все ваше здание покоилось не на жизненном фундаменте, а на воле отдельных лиц. Если бы жизнь и ее законы были за вас — ваши солдаты не

бросили бы вас так легко, как они это сделали. Вы не хотите признать логичности происшедшего... Не американцев и немцев, не «Союз расплаты за Россию» и Лерхе проклинайте, а жизнь, так как она нашла бы и другой способ, чтобы уничтожить то, что хочет стать выше ее законов...

— Вы, видимо, долго готовились к этой погребальной речи на нашей могиле, — горько улыбнулся Зибер. — Может быть, вы и правы. У меня нет сил обсуждать все это... теперь. Во всяком случае, если вы помните наше пари в Москве, — вы должны потребовать от меня уплаты моего проигрыша — мою жизнь...

— О, нет! — воскликнул Лозин. — Я думаю, что логика вещей убедит вас... и *теперь вы перемените* свои взгляды...

Зибер покачал головой.

— Поздно мне, старику, менять свои взгляды... моя душа пуста... умерла... у меня ничего нет... ничего, что могло бы привязать меня к жизни...

Он покачал головой и несколько раз повторил:

— Ничего... ничего... ничего...

Когда Лозин с тяжелой душой возвращался от Зибера, гул приветственных криков вывел его из задумчивости. Он рассеянно посмотрел кругом, вдоль улицы, и увидел отряд драгун, скачущих от Булонского леса. Это была французская кавалерия.

Союзники вступили в Париж...

Глава 54

ПАРИЖ ЛИКУЮЩИЙ

Кругом было необыкновенное оживление и Лозин решил пойти пешком, чтобы увидеть, как парижане встречают своих избавителей. Он вышел на авеню Карно и направился к площади Звезды.

В такой ажитации, в таком волнении, в такой безум- радости Лозин никогда еще не видел парижан. Все населе-

ние высыпало на улицы, загрозило мостовые, тротуары, балконы, крыши домов. Люди кричали, обнимали друг друга, поздравляли, размахивали руками, плакали от счастья.

Женщины, девушки, подростки, дети окружили отряд французских кавалеристов, смяли строй, разъединили солдат, стащили их с седел, обнимали, целовали. Толпа качала начальника отряда. Офицера посадили на стул посреди улицы. Появилось вино и каждый старался чокнуться с офицером, который, бледный и взволнованный, не успевал отвечать на поздравления и поцелуи.

Молоденькая девушка с прелестным, свежим лицом, с румянцем смущения на щеках, громко крикнула, что влюблена в лейтенанта и хочет, чтобы весь мир знал об этом. Несколько человек схватили ее и усадили с громким хохотом и шутками на колени к офицеру.

В другом месте дюжина крепких, сильных женщин качали маленького черноусого драгуна. В третьем — толпа отняла у солдата шинель и разрезала ее на клочки — на память о первых французских солдатах, вступивших в Париж после ухода немцев. Когда кто-то крикнул, что солдату придется отвечать за шинель — прямо на мостовую со всех сторон полетели кредитные билеты в пользу солдата.

Лозин шел дальше. Полчаса ему пришлось затратить, чтобы на площади Звезды протолкаться сквозь беснующую толпу. На Триумфальной арке развевались национальные флаги. Какой-то офицер, сидя на живой подножке из рук, плеч, голов, говорил речь. Невдалеке несколько юношей и девушек отплясывали дикий танец. Целые толпы кружились в бешеных хороводах.

Таких сцен Лозин не видел даже во время веселых карнавалов. Зрелище общего энтузиазма волновало кровь, вызывало слезы на глазах, тянуло отдаться во власть вихря, в котором кружилась толпа.

На Елисейских полях Лозин увидел группу мотоциклеток, около которых стояли французские и... русские солдаты. Лозин с любопытством смотрел на русских. Они были одеты в ту же форму, в какой служили в советской армии. Лишь на рукавах гимнастеров были нашиты трехцветные

национальные ленточки.

Бравый французский унтер-офицер ловко встал на сиденья двух мотоциклеток, развернул лист бумаги, потребовал внимания и стал читать:

«Граждане Парижа! Счастье повернулось лицом к Франции. Мы бьем врага и гоним его из пределов родины. Еще несколько ударов и Франция освободится от наглого нашествия. Нам помогло восстание в большевистских армиях. Они поднялись против угнетателей России и свергли их. Но многие из большевиков скрылись и рассеялись среди населения Парижа. Они здесь, кругом нас, может быть, некоторые снимают у вас квартиру, едят с вами, стоят сейчас рядом с вами. Они скрываются под маской французов и иностранцев. Граждане! Это враги Франции и всего мира! Помогите обезвредить их, они должны быть пойманы! Специальные отряды из наших и русских солдат будут обыскивать Париж. Помогите этим отрядам, сообщайте им все, что вам известно о врагах человечества. Это ваш долг, граждане! Помогите ним!

Французское военное командование».

«Бедный Зибер! — подумал Лозин. — Его дни сочтены! Если его поймают, — он будет повешен!»

* * *

— Вы не сказали мне до сих пор своей фамилии, — проговорил Лозин, когда вечером хромой пришел в условленное место.

— Ринов, бывший офицер. — ответил хромой. — Мы с вами коллеги по несчастью... по нашей бесполезности для России...

— Почему? — удивился Лозин. — Я думаю, что мы теперь пригодимся России.

— Гм... — запнулся Ринов, — вы еще, пожалуй, и пригодитесь, но я...

Он показал на искаленную ногу.

— Не обязательно быть на военной службе, — возразил Лозин. — России нужен каждый интеллигентный человек.

— Едва ли я пригожусь, — горько сказал Ринов. — Поменьше бы России таких духовных уродов, как я!... Нет, от меня не будет пользы. Я поставил в жизни только одну цель... достигну ее и умру.

— Зачем такие мрачные мысли? Какую же вы поставили себе цель?

— Потом узнаете! — угрюмо буркнул Ринов.

Они шли по оживленной, шумной улице. Париж высыпал из домов. Город был разукрашен, иллюминирован, блесстел огнями, кичился праздничным нарядом, как именинник. На улицах было много военных — героев дня. Попадались союзники — американцы и русские. Рычали автобусы, проносились сверкающие лимузины, из недр метрополитена струились толпы горожан и военных.

Над городом жужжали эскадрильи аэропланов — на охране от вражеского налета. Голубоватые, мертвенные лучи прожекторов скользили по небу, выискивая невидимого неприятеля. Но внизу, в городе, царило веселье. Враг ушел, был прогнан, — можно было веселиться.

Лозин смотрел вокруг себя любопытными глазами. В желто-белом зареве парижских улиц, в непрестанном гуле ночной жизни, в реве автобусов и автомобилей, в суетливой беготне человеческого муравейника, в беспечном смехе, несущемся со всех сторон, — было что-то захватывающее, стихийное. Лозин ощущал усиленную пульсацию Великого города, видел переполненные театры, сады, скверы, бульвары, рестораны, кино, видел беспечную расточительность тысяч пьяных мужчин, видел тысячи женщин, залитых золотом и бриллиантами, с глазами, горящими жаждой веселья и порока. Великий город кипел и клокотал, как котел, переполненный парами. В каждом шаге было страстное желание забыть войну, забыть нанесенные раны, использовать до конца, выпить жизнь, которая еще недавно так легко мо-

гла быть отнята. Победа еще не была полной, но уже пришла реакция, упадок напряженных нервов, жажда личной жизни, от чего еще недавно отрешались во имя жизни государства. В этой бурной, клокочущей ночной сутолоке Парижа Лозин слышал один общий истерический крик: «Жизни, побольше жизни, наслаждений, удовольствий!»

— Куда же вы меня ведете? — спросил Лозин.

— В одно милое уютное кабаре, — ответил Ринов. — Там изолированные ложи, прекрасное вино, интересные женщины...

— Женщины? — удивился Лозин. — Деловая беседа и вдруг — женщины...

— Голые! — неожиданно грубо бросил Ринов. — Голые женщины...

Он задумчиво посмотрел на Лозина и добавил:

— Об этой беседе я давно мечтал. Она стала центром моих желаний за последнее время. Когда я думал о ней, — мне казалось, что нужно создать известную обстановку, чтобы говорить о том, что вы сегодня услышите. Беседа будет... о крови, о страданиях. Это парадокс, но, по-моему, такие беседы должны вестись в обстановке, несоответствующей... обратной трагизму беседы. Тогда это сильнее действует... Что может больше возбудить, сделать восприимчивость острее, чем вино, острая еда, музыка, обнаженная женщина? Именно в такую обстановку я вас и веду.

— Вы хотите внушить мне что-то... подействовать на мое воображение? — улыбнулся Лозин.

— Да, я этого не скрываю! — пробормотал Ринов.

Они подошли к большому дому, залитому светом множества электрических лампочек. Огромные, ярко разрисованные афиши пестрели на стенах. Над прекрасно исполненным рисунком изящно изогнувшейся обнаженной женщины бесконечно повторялась надпись: «Прелестная Габи». На другой афише та же артистка была зарисована в эксцентричной, откровенной позе — «Танец огня».

На длинном панно было изображено множество силуэтов танцующих нагих женщин в одной и той же позе. Это было ревю, рассчитанное на американский вкус: «50 герлс

из Кентукки».

Лозин и Ринов вошли в театр. У кассы стояла веселая, возбужденная толпа. Мелькали военные формы. Ринов взял билеты и они прошли в свою ложу. Огромный белый зал кабаре был полон шумящей толпой. На сцене человек в красном смокинге говорил куплеты, высмеивая остро немцев и большевиков.

Они уселись а Ринов на дурном французском языке заказал меню ужина. Только сейчас Лозин заметил, что Ринов был одет, против обыкновения, в элегантный модный костюм, чисто выбрит и надушен. Ринов усмехнулся.

— Удивлены? У меня есть кое-какие сбережения. Я хранил их ко дню, когда настанет мое торжество, мой праздник, когда я достигну цели, о которой мечтаю много лет.

— Теперь вы достигли этой цели?

— Не совсем... но близок к тому.

Томная мелодия американского вальса наполнила зал и все погрузилось в приятную полутьму. Толпа, возбужденная великим событием дня, вином, флиртом, музыкой, обстановкой, игрой нескромных взглядов, смехом, шутками, — закружилась по залу. Смутно белели пятна лиц. Огненные языки под кофейниками казались в полумраке светлячками. Стекланный потолок зала пропускал ровный золотистый свет. Мелькали фигуры мужчин, оголенные руки дам, лица танцующих — возбужденные, сосредоточенные, загадочные, пьянящие. Мужчины властно склонялись к своим партнершам, сжимая их талии. Женщины покорно подчинялись каждому движению, казались зачарованными ритмом, мелодией, замаскированным сладострастием движений партнеров. Среди этой обстановки, среди квинтэссенции всего того, что может возбудить чувственность, кружились французы, американцы, русские, англичане...

Пряные мелодии сменяли друг друга, будя желания. На эстраде танцевала с фригийским колпачком на голове Габи — прекрасная, обнаженная женщина, своею чувственной, томной прелестью символизируя великую Францию. Тело женщины — ослепительное, яркое, наивное в примитивном цинизме движений — извивалось, трепетало, прини-

мало бесстыдные позы, сияло, как символ желаний и вожделений толпы. На это тело, на каждый его изгиб, на каждую линию, — были обращены жадные, восторженные, потемневшие от страсти глаза сотен мужчин. И третий союзник возбуждения присоединился к музыке и женскому телу — вино. Искрящееся, холодное и горячее, крепкое и слабое, всех цветов и оттенков, всех стран и всех марок — оно било в голову, туманило рассудок, будило дерзость, делало недоступное доступным, дозволенным и желанным...

На сцену одна за другой выбежали «50 девушек из Кентукки». Это был гвоздь программы, триумф обнаженного женского тела. 50 нагих тел сплетались и кружились в бешеном вихре. Зал охватило какое-то безумие. На эстраде для оркестра сладострастно гримасничали, завывали и корчились негры-музыканты. У потолка плавали разноцветные, разнообразные воздушные пузыри, казалось, наполненные горячечным сладострастным дыханием танцующей толпы. В центре зала несколько пар дробно выстукивали какой-то дикий танец, извиваясь, трепеща от взаимных прикосновений, с жадно открытыми ртами, с сузившимися от страсти глазами. Завывание свистулек, стук кастаньет, смех, пение, туман от сигар и трубок, перемена света, грохотанье барабанов, мечущиеся тени на стенах — создавали сцену дикой вакханалии, какого-то каннибальского неистовства...

Лозин с трудом оторвался от этого зрелища. Принесли ужин. Ринов потребовал русской водки. Он наполнил большой рюмки и сказал:

— Пьем за Россию — Великую Освобожденную Россию!

Они чокнулись и выпили холодную обжигающую влагу. Лозин с наслаждением приступил к еде. Таких вкусных вещей он давно не ел. Ринов подливал непрерывно водку и Лозин чувствовал, как временами зал куда-то уплывал из его сознания. Сладко кружилась голова, все принимало другие формы, казалось прекрасным.

— Вы читали те воззвания, которые распространяют французские власти? — вдруг спросил Ринов.

— Воззвания? — переспросил Лозин.

— Да... о поимке большевиков.

— Читал...

— Вы согласны с ними? Согласны, что большевиков нужно ловить по всему Парижу?

— Да, конечно...

— Почему же вы не выдаете Зибера?

Лозин вздрогнул.

— Не все ли вам равно? — спросил он. — Какое отношение имеет это к той беседе, о которой вы мне говорили?

— Самое прямое! — сухо отрезал Ринов. — Речь будет идти о Зибере...

— Если вы думаете, что я соглашусь выдать Зибера, то...

— Нет, вы не уйдете! — сказал Ринов, видя, что Лозин приподнялся в кресле. — Вы должны выслушать меня! Я знаю, что вас связывает дружба... но вы должны узнать все...

— Но...

— Сидите! — властно бросил Ринов.

Его лицо странно изменилось. Жалкое, униженное выражение исчезло, глаза заблестели, он сразу помолодел. Лозин снова опустился в кресло.

Глава 55

ЗИБЕР ПЛАТИТ СТАВКУ

Ринов подумал о чем-то и сказал:

— Послушайте, что я расскажу вам о делеких днях моей юности. В то время я встретился с человеком, которого звали Ребиз. Большой след он оставил в моей жизни... я не забыл Ребиза до сих пор...

Он начал свой рассказ — тот рассказ, который когда-то так потряс Веру. Лозин слушал с все возрастающим ужасом этого странного, уродливого человека. Ринов передал длинную повесть своих страданий, своего падения, своих надежд на месть — все, что у него осталось в жизни. В про-

должение рассказа он часто подносил к носу коробочку с белым порошком и к концу рассказа довел себя до состояния страшного возбуждения.

— Вот кто ваш друг! — почти крикнул он, закончив свою повесть. — Теперь вы знаете, почему я следил за ним. интересовался им, узнавал, где он живет! О! Он не мог от меня спрятаться! Как только я узнал, что ему грозит опасность ареста, как только я подумал, что его могут вырвать у меня и спасти от моей мести, — я ночами простаивал около его квартиры, прятался по подворотням, мокнул под дождем, но не выпускал его ни на мгновение. Теперь вы знаете, что это такой страшный враг, какой может создать только самое больное воображение. Боже, какой страшный враг! Умный, смелый, талантливый, гениальный актер, человек с душой циника и маньяка! Это — враг всего святого, враг человечества... дьявол, дьявол, дьявол!

Ринов с силою схватил Лозина за руку.

— Его нужно уничтожить... понимаете? — хрипло прошептал он. — И вы должны мне помочь!

Лозин откинулся в кресле, вырвал свою руку из цепких пальцев хромого, избегая взгляда его безумных глаз.

— Но почему вы не убили его до сих пор сами? — тоже шепотом спросил Лозин. — Зачем вам понадобился я?

— Почему я не убил его? — пробормотал Ринов. — Видит Бог, что по крайней мере десять раз — здесь, в Париже — я стоял за спиной Зибера, готовый броситься на него с револьвером в руке... и... не мог... понимаете... не мог! Кокаин съел мою волю, убил решимость! Когда я видел ненавистное лицо Зибера — спокойное, уверенное, полное какой-то дьявольской внутренней силы, — все холодело во мне, руки опускались и я уходил, как побитая собака... Ах, Лозин, если бы вы знали, сколько мучений я перенес за это время, сколько раз шел с твердой решимостью убить — и не мог! Понимаете, не мог... не мог... не мог! Это дьявол... заколдованный дьявол, прикрытый какой-то невидимой силой!..

— Почему же вы не выдадите его? — спросил Лозин. — Вот вам простое решение вопроса.

— Выдать? О, нет! Я не увижу тогда своей мести! Я хочу видеть, как он будет корчиться передо мной! Я хочу, чтобы он вспомнил меня, я хочу напомнить ему о своем брате! О! Вы не знаете всей сладости мести! Выдать?... Нет! Какая же это месть!..

На его губах выступила пена, глаза дико вращались, лицо было белое, как гипсовая маска.

— Когда моя очередная попытка убить его кончилась обычным крахом моей воли, — я вспомнил о вас. Мне пришлось в голову, что вы можете быть исполнителем моей воли...

— Но почему вы решили, что я пойду с вами? — проговорил Лозин. — Вы сами называете меня другом Зибера...

— Почему? — воскликнул Ринов. — Разве вам мало того, что я рассказал о прошлом этого сатаны? А если этого мало, то я могу еще кое-что сообщить вам. Помните, я обещал вам рассказать о встрече в Берлине с вашей женой...

Лозина охватило неприятное предчувствие. «Боже мой! — подумал он. — Что еще наговорит мне этот ужасный человек?»

Ринов рассказал о встрече с Верой, о карточке Зибера, об исповеди Веры, о том, как Вера отказалась мстить Зиберу.

— Знаете, почему она не пошла за мной? — остро впившись в лицо Лозина, прошептал Ринов. — Она продолжает любить Зибера...

— Откуда у вас этот вывод? — пробормотал Лозин.

— Не верите? — злобно усмехнулся Ринов. — Тогда что вы скажете, если я вам покажу это...

Он вынул из бумажника фотографическую карточку и протянул ее Лозину. На карточке были изображены Зибер и Вера. Они сидели, нежно прижавшись друг к другу. Карточка была снята недавно и при этом здесь, в Париже. Лозин сразу узнал обстановку квартиры Зибера при советском штабе в Париже.

— Что это? — прошептал он.

— Вы давно не получали писем от жены? — спросил Ринов.

— Давно...

— Знаете, почему? Потому что Вера покинула Берлин и живет в Париже... с Зибером.

Лозин застыл в своем кресле.

— Когда сегодня утром я передавал вам тайный адрес Зибера, — сказал Ринов, — я поставил условием, чтобы вы сейчас же ехали к нему. Я думал, что вы застанете их врасплох, увидите Веру и это подействует на вас сильнее, чем мои рассказы. Но вечером я увидел, что вы ничего не знаете. Видимо, она успела спрятаться при вашем приходе...

Лозин вдруг вспомнил, что при посещении Зибера слышат женский вскрик и видел, как кто-то пробежал в соседнюю комнату.

— Как вы достали карточку? — спросил он Ринова упавшим голосом.

— Я подкупил денщика Зибера, побывал в квартире и взял эту карточку с письменного стола.

Ринов испытующе посмотрел на Лозина и коротко бросил:

— Довольно вам всего этого? Пойдете вы теперь со мной?.. Уничтожить эту гадину?...

Лозин не ответил. Он думал... думал с удивлением, что все его чувство к Вере исчезло совершенно. Сообщение поразило его сначала своею неожиданностью. Теперь он представил себе Веру в объятиях Зибера — и это ничуть не тронуло его. Может быть, так лучше. Теперь он свободен, может начать новую жизнь... Пойти убивать Зибера? У него нет сил для этого! Обаяние Зибера было слишком сильно...

— Нет, я не пойду с вами, — тихо сказал он. — Я не могу...

Ринов вскочил в бешенстве.

— Вам мало этого? — зашипел он. — Вы трусите... боитесь уничтожить врага — врага России. моего врага, вашего врага... зверя, дьявола... садиста!... Он отнял у вас жену, а вы... Эх, вы... жалкий трус!..

Лозин вскочил и пошел к выходу из ложи. Ринов в бесильной ярости бросил ему вдогонку:

— Не думайте, что ваш проклятый друг уйдет от меня! У меня нет силы воли убить его... но хватит ее на то, чтобы выдать его! Не вздумайте предупредить его... несчастный дурак!

* * *

Лозин выскочил на шумную улицу и бесцельно пошел по ней быстрыми шагами.

«Что делать? — думал он. — Оставить все так... пусть идет, как идет? Что они мне теперь? Все ушло в прошлое... Нужно начинать жизнь сначала.. забыть годы страданий... Веру... Зибера... Мой путь ясен: нужно ехать в Россию».

Какое-то бессознательное чувство влекло его вперед, к неясной цели. Он пробирался среди толпы, прочищая путь локтями, пересекал улицы, останавливался и снова шел вперед. Нетерпение охватило его. Он сел в автобус и вылез из него уже вдали от центра города. Некоторое время он шел темными переулками и остановился около мрачных огромных ворот. Здесь скрывался Зибер.

Лозин вздрогнул, когда впервые ясно понял, куда так торопился. Он вошел во двор и нерешительно остановился перед домом, где жил Зибер. В окнах было темно. «Неужели его нет дома?» — подумал Лозин.

Какая-то женская фигура наткнулась на него в темноте. Женщина издала восклицание и подняла голову. Лозин узнал Веру. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Лозин пробормотал:

— Я все знаю, Вера... Вы живете здесь, у Зибера... Сейчас идете к нему?

— Да, я живу здесь, — спокойно ответила она. — Я — жена Зибера.

Лозин опустил голову и тихо сказал:

— Ему грозит опасность... его хотят выдать.

— Выдать? Кто? — задохнулась женщина.

— Его враг. Почему вы не бежите из Парижа?

— Завтра мы уезжаем, — ответила торопливо Вера. — Сегодня я весь день хлопотала о визах... еще не была дома с утра. Мы уезжаем в Швейцарию.

— Завтра будет поздно, — глухо сказал Лозин. — Вас арестуют. Может быть, за вами уже идут. Вы знаете того, кто хочет выдать Зиберу... Его фамилия Ринов.

— Ринов? — Вера схватилась за стенку дома. — О, тогда нужно бежать! Скорее, скорее!

— Почему у вас нет огня?

— Он спит... он спит и не чувствует, что опасность рядом с ним... что за ним идут!.. Боже мой!

Она бросилась вверх по лестнице, во второй этаж, где была квартира Зиберы. Лозин пошел за ней. Она схватила ручку двери и дернула ее изо всех сил. Дверь была заперта. Тогда она начала стучать в дверь, бледная, с широко раскрытыми глазами, готовая упасть от волнения. Она трясла дверь, звала Зиберу, молила открыть...

Но никто не отвечал. Дверь не открывалась.

— Что же это? — пробормотав Вера, схватив Лозина за руку. — Неужели он уехал без меня... бросил меня?..

Лозин попробовал открыть дверь. Она была заперта изнутри.

— Нет, — сказал он. — Зибер дома, раз другого выхода из квартиры нет.

— Тогда... тогда... — начала Вера, по шум внизу лестницы прервал ее.

Послышались грубые, тяжелые шаги, стук прикладов об пол, громкие мужские голоса. Знакомый голос произнес:

— Наверх, наверх! Он живет наверху!

— Ринов? — воскликнула Вера и бессильно прислонилась к двери.

Французские и русские солдаты поднимались по лестнице. Их было много и они сразу наполнили площадку перед дверью. Впереди шел Ринов. Он насмешливо посмотрел на Лозина и сказал:

— А! Вы уже здесь! Но, кажется, и мы не опоздали! Любезная нашего общего друга — тоже к нему! Приятная ком-

пания собралась!

Он оттолкнул Веру и безуспешно попробовал открыть дверь.

— Ну, ты, содержанка! Попроси своего друга открыть! — крикнул он Вере.

— Он не открывает нам, — ответил Лозин, возмущенный тоном Ринова. — Я думаю, что он убежал...

— Убежал?! — воскликнул Ринов. — А вот мы это узнаем! Ломайте дверь!

Несколько сильных ударов прикладами потрясли дверь. Из соседних квартир высунулись любопытные, встревоженные физиономии. Дверь не поддавалась. Тогда вызвали консьержа, который ломом открыл дверь.

Ринов бросился в квартиру — темную, молчаливую, пахнущую сыростью. Все гурьбой вошли за ним. Ринов ощупью нашел выключатель и комната осветилась. В ней никого не было...

Ринов побледнел и яростно подошел к Вере.

— Где он? Куда он скрылся? — закричал он, грубо схватив ее за руки.

— Там еще комната! — сказал один из солдат.

Он показал на маленькую дверь, скрытую под портьерой. Ринов бросился к портьере, таща за собой Веру. Он распахнул дверь.

Раздался страшный крик — женский и мужской — крик смертельной тоски и разочарования...

Посреди комнаты, озаренный через окно красноватым светом с улицы, висел на веревке Зибер.

* * *

Комнату осветили и солдаты сняли труп с веревки. Тело было холодное, застывшее, лицо потемнело, распухло, глаза почти вылезли из орбит. Труп положили на кровать.

Вера села рядом с телом и неподвижно уставилась в страшное, мертвое лицо. В углу комнаты замер на стуле Ринов. Он что-то монотонно бормотал, сжав голову руками.

Солдаты испуганно смотрели на него, перешептываясь между собою. На письменном столе Лозин увидел два маленьких конверта. Один был адресован ему, другой Вере.

Он вскрыл конверт с надписью: «Андрею Лозину». На клочке бумаги, аккуратно вырванном из блокнота, стояло: *«Я проиграл пари и плачу ставку. Зибер».*

Больше ни слова.

Лозин взглянул на труп Зибера... на полусумасшедшего Ринова... на окаменевшую Веру — и бросился вон из комнаты...

Глава 56

ЗОВ РОДИНЫ

Ураганный удар, нанесенный германцам армиями французов, американцев и русских, не ограничился взятием Парижа. Наступление было продолжено и через две недели после взятия Парижа линия фронта уже касалась границ Бельгии, Лотарингии и Эльзаса.

В этих кровавых боях особенно отличились молодые американские войска, снабженные и обставленные поразительными техническими усовершенствованиями. Так, например, в бою на линии Абервилль-С. Кентен германская линия подверглась сначала невероятной и небывалой силы ураганному огню артиллерии; после этого в атаку пошло более *пяти тысяч танков*, которые совершенно сравняли с землей германские укрепленные линии. Отступающие германцы были засыпаны градом бомб с неба: в атаке по всему фронту принимало участие более 3,000 аэропланов новейшей конструкции.

Наконец, германцев преследовали легкие танки, кавалерия с пулеметами на лошадях, легкие, быстроходные броневики и густые цепи пехоты. Используя прорыв, союзники превратили неудачу германцев в полный разгром на большом участке и заставили германский штаб начать отс-

тупление по всему фронту. От берега моря и до границы Швейцарии миллионы союзных солдат с энергией и воодушевлением наседали на германцев и заставляли их отходить все дальше и дальше на восток.

Временный диктатор Германии, видя, что даже сказочное упорство германских солдат не может привести их к победе, решился на ответственный шаг. К этому шагу его побуждало неожиданное усиление рядов противника русскими войсками и необыкновенная энергия американцев, создавших двухмиллионную армию в короткий срок.

Германский диктатор вступил в переговоры с американским главнокомандующим, запросив, какими побуждениями руководятся Соединенные Штаты, продолжая войну теперь, когда красная опасность устранена: ведь Соединенные Штаты мотивировали свое вступление в войну боязнью за мировую культуру, которой грозила опасность от красного нашествия.

Американский главнокомандующий ответил, что Соединенные Штаты ставили целью защиту Франции не только от советских войск, но и от их союзников-германцев. Соединенные Штаты связаны с Францией узами дружбы, связаны кровью, пролитой в Великую войну и в войну настоящую.

Тогда диктатор Германии спросил, на каких условиях Соединенные Штаты. Франция и Россия могли бы заключить мир. Он заявил, что Германия вовсе не ставила себе завоевательных целей, начав эту войну. Германию вынудили к этому необходимость и желание освободиться от цепей Версальского договора. Германия готова очистить занятые территории, если ей будут гарантированы свободное существование и возвращение отнятых у нее в Великую войну земель.

Опираясь на инструкции из Вашингтона, американский генерал ответил, что его правительство не может не признать в принципе справедливости некоторых требований Германии, так как Соединенные Штаты никогда не были защитником бесправия, насилия и мести. Соединенные Штаты не согласны с Германией в вопросе об отнятых у нее зем-

лях и находят, что вопрос этот может быть разрешен путем плебисцита. В заключение американский главнокомандующий заявил, что он не уполномочен вести сепаратные переговоры с Германией, а потому предлагает германскому правительству сделать соответствующее предложение всем союзникам.

Такое предложение было сделано — Германией и ее союзниками. Франция сразу стала в оппозицию и заявила, что будет воевать до полного разгрома Германии. Тогда Соединенные Штаты ответили на это нотой, в которой указывали, что раз Германия согласна на мир и просит лишь справедливости, — Соединенные Штаты не могут согласиться с намерением Франции разгромить Германию. В задачи Соединенных Штатов вовсе не входило и не входит насилие, так как опыт прошлой Великой войны показал, какую ненависть возбудило такое насилие в побежденном народе. Настоящая кровавая война есть следствие этого насилия. Соединенные Штаты считают, что мир должен быть основан на принципах справедливости и желания исправить ошибки Версальского договора, который привел к настоящей бойне. Нельзя забывать, что этим договором Германия была ограблена, а Россия — забыта. Если Франция будет настаивать на своем желании добивать раненую Германию, Соединенные Штаты не будут продолжать войны.

Временное Российское Правительство заявило, что, отдавая в защиту Франции русские жизни, оно ни на минуту не перестает слышать призывы России, которая зовет своих сыновей для восстановления родины. Российское Правительство готово защищать Францию всеми силами, но оно не может сочувствовать гибели германского народа, с которым, как и со всем миром, воскресшая Россия хочет поддерживать неизменные дружеские отношения.

Франции ничего больше не оставалось делать, как пойти на уступки.

Первые мирные переговоры начались в Реймсе. Основными условиями мира были признаны: уход германских армий за Рейн, отмена Версальского договора, плебисцит во всех спорных пограничных областях Германии, Авст-

рии, Венгрии и т.д., возвращение Германии всех ее колоний, отнятых в Великую войну, вознаграждение Германией убытков Бельгии от прохода германо-советских армий. Одним из пунктов мирных переговоров было обязательство Германии перевезти за свой счет русские войска в Россию.

Кроме того, оказать помощь воскресшей России вызвались Соединенные Штаты, которые взяли на себя организацию колоссального, еще не виданного миром международного «Треста Восстановления России». По соглашению с Временным Российским Правительством, эта помощь оказывалась за счет богатств, скрытых в недрах русской земли, и будущей работы русского народа. Американский конгресс провел решение отправить в Россию 200,000 американских специалистов-рабочих, которые должны были помочь восстановлению экономической жизни России.

С характерной для янки быстротой и энергией, американский народ приступил к гигантской работе по возрождению России. Еще прежде, чем начали перевозить через Германию на родину русские армии, пароходы под звездным флагом уже везли в Одессу, Севастополь, Новороссийск, Петроград, Архангельск и Владивосток продовольствие, технические материалы и комиссии специалистов-инженеров. Полная помощь, по заявлению Соединенных Штатов, могла быть оказана только тогда, когда американские войска вернутся на родину и когда освободится американский транспортный флот.

* * *

Красный потоп исчез...

Исчез призрак красного Хама. Но потоп захватил слишком большое пространство на земном шаре, он разбудил слишком много страстей, чтобы не иметь великих последствий...

Он заставил рабочие классы и даже целые народы бороться за то, что они считали справедливым и нужным для

своего существования. Лозунги красного потопа народы и классы переделали так, как это им было нужно для своих собственных вожделений. Красный потоп был уничтожен, но данный им толчок, по инерции, продолжал еще некоторое время волновать народы и заставлять их лить кровь.

Самые яркие последствия красный потоп имел для Англии. Рабочие беспорядки, организованные большевиками, усилились при вступлении советских войск во Францию. В то время, когда лилась кровь на полях Франции и когда красный потоп достиг Парижа, в Англии шла ожесточенная борьба буржуазии и рабочих. Буржуазия проявила максимум организованности и уступала свои позиции только после горячей борьбы. Эта борьба пошатнула могущество Англии.

Восстание советских войск в Индии и уход красной армии в Россию окрылили Англию надеждой, что положение в Индии улучшится. Индия была занята английскими войсками. Но индусы перешли к партизанской войне и борьба грозила тянуться бесконечно. Этой борьбе был положен конец, когда вождь восставшей Индии, Рама Шудор, предложил Англии мир и изложил свои условия. Индусы просили автономии, какой пользуется Канада, Австралия и Южная Африка. Англия официальным актом признала требования Индии справедливыми. Кровавой войне был положен этим мудрым шагом конец.

Медленно, постепенно стало исчезать красное безумие народов Европы. Восстания рабочих в Англии и Италии, волнения в Германии, забастовки в Скандинавии — все это стало гаснуть и пошло на путь компромиссов с буржуазией: исчез СССР — источник, питавший надежды рабочих кровью добиться власти, исчезли боги кровавого безумия...

* * *

Когда на другой день после смерти Зиберы Лозин прочел в газете о самоубийстве русской женщины Ольги Новако-

вой, он сразу подумал, что это Вера.

В заметке говорилось, что под утро с набережной около острова Пюто в Сену бросилась женщина. Течением ее понесло вниз по реке. Лодочники выловили уже мертвое тело. В пальто, оставленном самоубийцей на месте, с которого она бросилась в воду, были найдены документы на имя Ольги Новаковой и уроженца Аргентины Пабло Лопеца. Кроме паспортов, были визы в Швейцарию. Последнее обстоятельство навело на мысль, что самоубийца — Вера. Под именем Пабло Лопеца хотел, вероятно, скрыться Зибер. В заметке говорилось, что труп самоубийцы выставлен в море.

Лозин поехал в морг. Смотритель провел его в большой зал, залитый светом с потолка. На мраморных столах лежали полураздетые трупы. Смотритель показал на стол с трупом утопленницы Новаковой. Лозин, пересиливая охвативший его ужас, подошел к столу и заставил себя взглянуть в лицо покойной.

Это была Вера...

Труп лежал на спине, руки были вытянуты вдоль тела, волосы разметались и свесились со стола, открыв высокий, белый лоб, покрытый ссадинами и царапинами. Глаза были открыты и со стеклянной неподвижностью смотрели в потолок. Лицо имело спокойное выражение. Рот был полуоткрыт, виднелись ровные, прекрасные зубы, которыми когда-то так восхищался Лозин. Обнаженное тело было покрыто синим налетом разложения...

Лозин вздрогнул, отвернулся и пошел к выходу из морга.

* * *

Остаток дня Лозин провел, бродя по Парижу. Он твердо решил на следующий день уехать в Россию и теперь прощался с городом, где перенес так много страданий. Все напоминало о них: парижские улицы, веселый людской му-

равейник, русские солдаты, приказы и воззвания, расклеенные на тумбах.

Лозин бесцельно брел вперед и думал о Зибере.

«Нас было трое — я, Ринов и Вера — и всех троих скрутил этот железный человек. Каждый из нас терял свою волю в его присутствии. Мы были его пешками. Даже Ринов, который свою жизнь сделал служением только одной безумной идее мести, — терялся, когда видел этого человека. Зибер сам распорядился своей судьбой. Даже в этом случае он остался хозяином положения. После гибели своих красных богов он избрал и себе ту же участь...»

Смерть Зибера была последним, заключительным штрихом портрета, нарисованного романтическим воображением Лозина. Зибер исполнил слово и щедро оплатил свою ставку.

«Да, — думал Лозин. — Вероятно, большевики ушли в историю. Дай Бог, чтобы навсегда... Судьба свела меня с одним из самых жестоких, самых сильных жрецов красных богов. Зибер был ярким представителем смелой группы людей, захвативших власть на шестой части суши...»

Лозин вышел на набережную Сены, к Иенскому мосту. Напротив, на фоне темнеющего неба, просвечивало нежное кружево Эйфелевой башни. Казалось, могучая рука забросила это кружево на небесную высоту и оно там чудесно повисло. Париж зажегся огнями и миллионы блестящих точек отражались в Сене. Маленькие пароходики хлопотливо тащили по реке тяжелые, неуклюжие баржи. Крутом кипела жизнь, как будто не тронутая великими событиями.

Лозин облокотился на парапет набережной и смотрел на силуэт башни.

«Вот, — думал он, — с башни исчез красный флаг — символ того, что грозило миру гибелью. Красный потоп затопил Францию и исчез так же быстро, как появился. Грубая сила и могущество красных богов столкнулись с вечно прекрасными и великими чувствами — самоотверженностью и любовью к родине. Горсточка русских людей пожертвовала собою, взорвав себя и красных богов в Луврском дворце, — и рассеяла красный гипноз. Эта горсточка спас-

ла Францию и мир. Она спасла, а не французское военное могущество, не «франко-африканская империя», не танки и аэропланы и даже не помощь Америки. Если бы Европа и весь мир более чутко отнеслись к страданиям России, если бы вовремя была уничтожена кровавая власть в несчастной стране, не было бы нарушено мировое равновесие, не было бы страшного нашествия, не было бы войны и крови...»

Он смотрел на восток, — туда, где на необъятном пространстве раскинулась Великая Россия. Истерзанная, измученная, она звала своих детей на помощь, ей нужны были их силы, знания, энергия.

«Что, — думал Лозин, — можем дать ей мы, эмигранты, отколовшиеся от нее, издерганные, обезличенные жизнью, растратившие свои силы в погоне за куском хлеба? Что могут дать такие, как я, — колеблющиеся... потерявшие верную дорогу в погоне за личным счастьем, слабовольные?»

И сейчас же могучее желание захватило его: увидеть родные поля, беспредельные степи, широкие реки, вдыхать чудесный, здоровый аромат русских лесов, слушать, затаив дыхание, полную тоски и прелести русскую песню...

Во всем этом был ответ на сомнения... Россия даст цель и смысл жизни...

С внезапно нахлынувшим чувством счастья и готовности, глотая слезы, Лозин протянул к востоку руки и прошептал:

— Позволь служить тебе, Великая Россия!

Написано осенью 1921 г. в японской
рыбачьей деревне Минега-Хара, на
берегу Великого океана. Пересмотрено
в 1931 году.

ОБ АВТОРЕ

Яков Львович Дейч — таково было настоящее имя писателя, прославившегося в «русском Китае» под псевдонимом «Яков Лович» — родился 28 декабря 1898 г. (ст. ст.) в Усть-Каре, на Карийской каторге, в семье известного революционера-меньшевика Л. Г. Дейча (1855-1941) и политкаторжанки-«народницы» М. А. Ананьиной (1849-1899).

После бегства Л. Г. Дейча из Владивостока за границу в 1901 г. Яков Дейч жил в Благовещенске, где в 1915 г. окончил мужскую гимназию; затем он поступил в Московский университет и весной 1916 г. был призван в армию. По окончании 3-й Московской школы прапорщиков был отправлен в 9-й Сибирский стрелковый полк. Летом 1917 г. был контужен в голову в бою под Ригой.

В 1918 г., согласно автобиографии, покинул развалившуюся армию и добрался до Петрограда, где встретился с отцом, которого практически не знал; Л. Г. Дейч снабдил сына солдатскими документами и деньгами и помог уехать в Амурскую область.

Вступив в армию Колчака, Я. Л. Дейч был легко ранен в апреле 1919 г. в бою под Виноградовкой; затем до 1920 г. он был следователем при военно-полевым суде, занимал должность прокурора по политическим и уголовным делам и дослужился до поручика. В феврале 1920 г. эмигрировал в Харбин, работал агентом Амурского общества пароходства и торговли, был откомандиро-

ван в Иокогаму. Осенью 1922 г. вернулся в Маньчжурию, в 1923-1926 гг. работал в харбинской библиотеке Д. Н. Бодиско.

В 1926 г. Я. Дейч стал журналистом и секретарем газеты «Рупор» и сотрудником журнала «Рубеж» и взял псевдоним «Лович». В 1931 г. в Харбине вышел в свет его сборник «рассказов о любви» «Ее жертва», заслуживший положительные оценки А. Несмелова и Н. Резниковой.

Одновременно в тесном сотрудничестве с издателем «Рупора» и «Рубежа» Е. С. Кауфманом Лович приступил к переделке написанного еще в 1921 г. в Японии фантастического романа «Что ждет Россию» (книжное издание 1932). Роман начал печататься в «Рупоре» в начале 1932 г. и принес автору европейскую известность, так как Ловичу удалось предсказать в нем белогвардейское покушение на президента Франции. После убийства французского президента П. Думера, совершенного 6 мая 1932 г. безумным русским националистом П. Горгуловым, роман был спешно переведен на несколько европейских языков (под названием «Буря над Европой»). И в СССР, и на Западе делались попытки представить роман как доказательство существования белогвардейского либо коммунистического заговора.

В 1936 г. в Харбине вышла книга «Офицерская шинель: Белая Голгофа», составленная из рассказов Ловича и стихотворений Г. Мурашева. В 1937 г. Лович перебрался в Шанхай, где работал в газете «Шанхайская заря» и печатал рассказы в журнале «Грани».

В 1940 г. в Шанхае был опубликован детективный роман Ловича «Дама со стилетом». Здесь Лович откровенно ориентировался на бульварные образцы; впрочем, роман понравился критике: «Интригующая завязка, пестрое и живое развитие увлекательной фабулы, ярко очерченные типы, элемент неожиданности сцен и положений в качестве лейтмотива — все это выдержано в плане, вполне соответствующем требованиям и заданиям каждого произведения такого характера. Чисто шанхайский фон “Дамы со стилетом”, развертывание действия в знакомых местах придает роману особый интерес <как> для местных читателей, так и для более широкой аудитории, мало знакомой с ярким колоритом нашего города и единственной в своем роде “романтикой Шанхая”».

В том же году Лович выступает как редактор и автор предисловия к книге К. А. Емельянова «Люди в аду: К 20-летию гибели Николаевска-на-Амуре», рассказывающей о зверском уничтожении города бандами красного партизана Я. Тряпицына, а в 1941 г. публикует посвященный этой теме большой роман «Враги». Роман «Шанхайцы», над которым писатель работал в начале 1940-х

гг., остался при жизни Ловича неизданным и был опубликован лишь фрагментарно в 2000 г.

В 1951 г. Лович через остров Тубабао эмигрировал в США; его жена американскую визу не получила по причине туберкулеза и вскоре скончалась в Париже. Я. Лович-Дейч умер от рака легких в больнице Стэнфордского университета 27 августа 1956 г.

В 2000-х гг. началось постепенное возвращение его произведений к читателям. В 2007 г. в Москве был переиздан роман «Враги», в 2009 г. в Сиднее— романы «Что ждет Россию» и «Дама со стилетом». За единичными исключениями, остаются непериодическими многие десятки рассказов, опубликованных Ловичем в периодической печати, а также роман «Шанхайцы».

Роман «Дама со стилетом» был впервые опубликован в книжном виде издательством «Рупор» в Харбине в 1932 г. В настоящем издании орфография и пунктуация текста приближены к современным нормам; также исправлены некоторые очевидные опечатки. Для удобства чтения слова, набранные в оригинале вразрядку, даны курсивом.

В оформлении обложки использован плакат работы Г. Клуциса. В биографическом очерке использованы публикации А. А. Хисамутдинова. Издательство приносит глубокую благодарность П. Полански и А. Н. Кравцову за помощь в подготовке издания.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.